

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гайкалова

ГАЙКАЛОВА Наталья Ивановна

**ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОЗЫ)**

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Петрова Елена Серафимовна

Санкт-Петербург

2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
Глава 1. Личные местоимения в системе языка и аспекты перевода.....	14
1.1. Местоимение как часть речи.....	14
1.1.1. Специфика частеречного статуса местоимений.....	16
1.1.2. Дискуссия о выделении разряда личных местоимений.....	19
1.1.3. Личные местоимения русского и английского языков в сравнительно-типологическом аспекте.....	23
1.2. Норма, узус и вариативность.....	35
1.2.1. Виды языковой вариативности.....	38
1.2.2. Вариативность нормы английских личных местоимений.....	43
1.3. Понятие транслатологической диверсификации.....	48
1.4. Стратегии и тактики, методы и приемы перевода.....	54
Выводы по главе 1.....	62
Глава 2. Варьирование и транслатологическая диверсификация личных местоимений английского языка.....	67
2.1. Диапазон варьирования личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе.....	67
2.2. Транслатологическая диверсификация английских личных местоимений.....	77
2.2.1. Собственно-личные местоимения.....	78
2.2.1.1. Местоимение 1-го л. ед.ч.....	79
2.2.1.1.1. ТД местоимения 1-го л. ед.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	80

2.2.1.1.2. ТД местоимения 1-го л. ед.ч.	
вне разряда собственно-личных местоимений.....	89
2.2.1.2. Местоимение 1-го л. мн.ч.....	100
2.2.1.2.1. ТД местоимения 1-го л. мн.ч.	
в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	101
2.2.1.2.2. ТД местоимения 1-го л. мн.ч.	
вне разряда собственно-личных местоимений.....	105
2.2.1.3. Местоимение 2-го л. ед.ч.....	108
2.2.1.3.1. ТД местоимения 2-го л. ед.ч.	
в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	109
2.2.1.3.2. ТД местоимения 2-го л. ед.ч.	
вне разряда собственно-личных местоимений.....	116
2.2.1.4. Местоимение 2-го л. мн.ч.....	121
2.2.1.4.1. ТД местоимения 2-го л. мн.ч.	
в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	121
2.2.1.4.2. ТД местоимения 2-го л. мн.ч.	
вне разряда собственно-личных местоимений.....	124
2.2.1.5. Местоимение 3-го л. ед.ч. м.р.....	127
2.2.1.5.1. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. м.р.	
в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	128
2.2.1.5.2. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. м.р.	
вне разряда собственно-личных местоимений.....	133
2.2.1.6. Местоимение 3-го л. ед.ч. ж.р.....	138
2.2.1.6.1. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р.	
в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	139
2.2.1.6.2. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р.	
вне разряда собственно-личных местоимений.....	141

2.2.1.7. Местоимение 3-го л. ед.ч. гендерно-нейтральное.....	146
2.2.1.8. Местоимение 3-го л. ед.ч. нейтральное/неодушевленное.....	148
2.2.1.8.1. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	148
2.2.1.8.2. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного вне разряда собственно-личных местоимений.....	151
2.2.1.9. Местоимение 3-го л. мн.ч.....	157
2.2.1.9.1. ТД местоимения 3-го л. мн.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений.....	157
2.2.1.9.2. ТД местоимения 3-го л. мн.ч. вне разряда собственно-личных местоимений.....	160
2.2.2. Притяжательные местоимения.....	166
2.2.2.1. ТД притяжательных местоимений в пределах данного разряда.....	168
2.2.2.2. ТД притяжательных местоимений вне данного разряда.....	172
2.2.3. Возвратные местоимения.....	178
2.2.3.1. ТД возвратных местоимений в пределах данного разряда.....	181
2.2.3.2. ТД возвратных местоимений вне данного разряда	186
Выводы по главе 2.....	201
Закключение	206
Список использованной литературы.....	212
Список использованных словарей.....	228

Список источников примеров.....	230
Список корпусов.....	233
Список сокращений.....	234
Приложение 1.....	237
Приложение 2.....	241
Приложение 3.....	242

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование проведено в русле когнитивно-дискурсивного подхода и посвящено изучению вариантов актуализации личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе, а также вариантов их интерпретации как результата транслатологической диверсификации при переводе на русский язык. Личные местоимения понимаются нами в широком смысле, к ним относятся все прономинальные разряды, выражающие категорию лица, а именно: собственно-личные, притяжательные и возвратные местоимения. Инструментом выявления переводческого потенциала английских личных местоимений является анализ, ориентированный на транслатологическую диверсификацию местоимений, включающий три этапа: изучение вариативности личных местоимений в английском языке и дискурсе оригинала; анализ преобразований актуализированных вариантов английских личных местоимений при переводе на русский язык; анализ методов и результирующих приемов перевода дискурсивных отрывков, включающих варианты английских личных местоимений. Изучение переводческих преобразований позволяет выявить спектр возможных трактовок местоимения в художественном дискурсе и дает возможность сделать предположение о факторах преобразований.

Известные лингвисты и переводоведы Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер и др. отмечают связь лингвистических исследований и анализа оригинального и переводного текстов, говоря о том, что не только лингвистика вносит большой вклад в теорию перевода, но и перевод может обогатить лингвистику. «Переводы оказались ценным источником информации о

языках, участвующих в процессе перевода. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций. Благодаря этому удастся обнаружить некоторые особенности структуры и функционирования языка, которые ускользали от внимания при использовании иных методов исследования» [Комиссаров, 2002, с. 27].

Степень разработанности темы. За последние несколько десятилетий в лингвистике местоимения изучались в различных аспектах: исследовались их семантические [Ревзина, Членова, 1971; Волков, 1984; Шелякин, 1986], структурно-семантические [Ильиш, 1948; Смирницкий, 1959; Чехов, 1979; Иванова и др., 1981; Откупщикова, 1984; Шведова, 1998; Пешковский, 2001; Кобрина и др., 2007], стилистические [Сильман, 1970; Арнольд, 2002], коммуникативно-прагматические характеристики [Мурыгина, 1970; Левин Ю. И., 1973; Падучева, 1985; Кибрик, 1992; Петрова, 1999]; проводился анализ местоимений в типологическом [Майтинская, 1969; Петрова, 2011; Туринова, 2018; Каримов, 2019], функциональном [Селиверстова, 1988; Муковский, 2014, 2015], диахроническом [Бруннер, 1956; Емельянова О. В., 1979; Бубенникова, 1988; Бондарь, 2007] и когнитивном [Татарина, 1999; Александрова, 2001; Попова, 2006; Хрисонопуло, 2014, 2015] аспектах.

Вместе с тем ранее не предпринимался комплексный анализ собственно-личных, притяжательных и возвратных местоимений в англоязычном художественном дискурсе в русле когнитивного-дискурсивного подхода с учетом их вариативности, а также в аспекте перевода.

Актуальность исследования обусловлена общей направленностью современной лингвистической парадигмы и выбором когнитивно-

дискурсивного подхода к изучению английских личных местоимений в аспекте перевода, поскольку данный подход определяет направления современных исследований как в области теории языка, так и транслатологии. Кроме этого, актуальность работы обусловлена изучением явлений не только нормативной, но и периферийной природы, представляющих большой интерес для современной лингвистики и, в частности, для теории перевода.

Объект исследования – актуализация стандартных и нестандартных вариантов личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе и их перевод на русский язык.

Предмет исследования – особенности функционирования актуализированных вариантов английских личных местоимений, их транслатологическая диверсификация и факторы, определяющие переводческие решения.

Цель исследования заключается в выявлении спектра вариантов актуализации личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе и диапазона способов передачи данных вариантов на русский язык при транслатологической диверсификации, с учетом различных переводческих стратегий и тактик.

Для достижения указанной цели потребовалось решить следующие **задачи**:

1. Представить теоретические подходы к категоризации личных местоимений и определению понятий нормы, узуса и вариативности языка;
2. Описать класс личных местоимений русского и английского языков в сравнительно-типологическом аспекте;

3. Описать диапазон варьирования формы и функции личных местоимений в современном англоязычном художественном дискурсе;
4. Дать определение понятию транслатологической диверсификации;
5. Выявить и описать типы переводческих стратегий и тактик с точки зрения анализа, ориентированного на транслатологическую диверсификацию местоимений;
6. Установить методы перевода и переводческие приемы, использованные при транслатологической диверсификации дискурсивных фрагментов, содержащих варианты английских личных местоимений;
7. Выявить ведущие факторы, обуславливающие переводческие решения при транслатологической диверсификации актуализированных вариантов английских личных местоимений в процессе перевода на русский язык.

Научная новизна исследования заключается в разработке понятия транслатологической диверсификации; комплексном подходе к изучению проблематики транслатологической диверсификации применительно к вариантам актуализации английских личных местоимений в художественной прозе и их переводу на русский язык с помощью ряда методов лингвистического анализа (описательный метод, анализ дискурса, контекстуальный анализ, контрастивный семантико-синтаксический анализ); разработке методологии анализа, ориентированного на транслатологическую диверсификацию местоимений (АОТДМ); выявлении переводческих стратегий и тактик при транслатологической диверсификации личных местоимений английского языка, а также ведущих факторов преобразований.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в решение вопросов, актуальных для различных лингвистических дисциплин. Так, исследование вариативности личных

местоимений английского языка в синхронии существенно для культурологической лингвистики и диалектологии, анализ стилистических функций и художественного эффекта актуализированных вариантов личных местоимений в художественной прозе представляет интерес для теории художественного дискурса и теории художественного перевода, а выявление стратегий и тактик их передачи средствами русского языка может иметь ценность для общей теории перевода.

Практическая значимость исследования состоит в том, что изучение вариантов актуализации личных местоимений английского языка и способов их транслатологической диверсификации является вкладом в практику анализа дискурса, предпереводческого анализа и перевода с английского языка на русский язык. Полученные выводы могут быть учтены при разработке программ и преподавании в ВУЗах таких дисциплин как диалектология английского языка, культурологическая лингвистика, теория и практика перевода с иностранного языка (германского) на русский язык, интерпретация текста, аналитическое чтение.

По методологии работа является дескриптивным, эмпирическим, индуктивным, когнитивно-дискурсивным, контрастивным исследованием.

Методы включают: критический анализ научной литературы, контрастивный семантико-синтаксический анализ (для выявления способов транслатологической диверсификации личных местоимений), когнитивно-семантический анализ (для установления общего соотношения смыслов оригинала и перевода), лингвопереводческий анализ (для определения конкретного приема перевода), контекстуальный анализ (для выявления факторов преобразований).

Теоретическую базу исследования составляют работы по исследованию местоимений (Э. Бенвенист, А. М. Пешковский, М. И. Стеблин-Каменский, К. Е. Майтинская, О. Н. Селиверстова,

Е. В. Падучева, Е. С. Петрова, О. В. Емельянова, Н. А. Кобрина, А. А. Кибрик, D. Biber, J. Svarvik, G. Leech, R. Quirk, S. Greenbaum, R. Huddleston, G. Pullum, J. Lyons и др.); когнитивной лингвистике (А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев и др.), теории перевода (А. В. Федоров, Н. К. Гарбовский, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, В. И. Шадрин, P. Newmark, E. Nida, J.-P. Vinay, J. Darbelnet и др.).

Материалом для исследования послужили 2600 примеров: 1300 фрагментов из англоязычных романов и рассказов британских и американских авторов (более 35 наименований), опубликованных в XX-XXI вв., и 1300 фрагментов из переводов этих произведений на русский язык. Общий объем исследованных англоязычных и русскоязычных печатных источников составляет около 3900 страниц, электронных источников – около 3700 машинописных страниц. Часть материала была отобрана на базе автоматизированного корпуса текстов – Параллельного корпуса (английского) Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Материал для исследования отбирался на основании критерия представленности различных вариантов актуализации английских личных местоимений в дискурсе оригинала и наличия случаев транслатологической диверсификации актуализированных вариантов в русскоязычных переводах.

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, двух глав с выводами и заключения, а также содержит список использованной литературы из 196 наименований (из них 128 – на русском, 68 – на иностранных языках), список использованных словарей (18 единиц), список источников примеров (36 единиц), список корпусов, список сокращений и трех приложений, которые содержат таблицы, представляющие набор выявленных нестандартных форм и функций английских личных местоимений, количественные данные о частоте реализации переводческих тактик при транслатологической диверсификации личных местоимений, а

также информацию об авторах, названиях произведений и их русских переводах для примеров из Национального корпуса русского языка.

Положения, выносимые на защиту.

1. Транслатологическая диверсификация как переводческая интенция и поступок направлена на реализацию превентивных и креативных переводческих решений с целью преодоления буквализмов, нежелательных стилистических эффектов, достижения экспрессии и естественности звучания переводного текста.
2. Методология, разработанная в целях изучения процессуальной транслатологии, ориентирована на исследовательскую и переводческую интерпретацию формы и функции личных местоимений в оригинальном англоязычном дискурсе и дает возможность выявить не только дискурсивные характеристики продукта перевода, но и ряд когнитивных факторов переводческого процесса.
3. При транслатологической диверсификации английских личных местоимений в переводах на русский язык используется ряд переводческих тактик, представляющих транслатологический континуум, полюса которого задают тактика прономинализации и тактика депрономинализации, тогда как другие тактики занимают промежуточное положение.
4. Данные тактики применяются в ходе реализации переводческих стратегий, типичных для транслатологической диверсификации английских личных местоимений. Таковыми стратегиями являются: стратегия избегания, стратегия компенсации ненормативности и стратегия выравнивания в аспекте нормативности.
5. Границы между сферами употребления нестандартных вариантов личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе неявны, размыты. Одни и те же формальные и функциональные

варианты английских личных местоимений актуализируются для стилизации различных диалектов, идиолектов, разговорной речи и просторечия, а также в случаях квазимежъязыковой стилизации. При транслатологической диверсификации указанные явления передаются как посредством креативных переводческих решений, так и с использованием регулярных переводных соответствий.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на аспирантских семинарах Кафедры английской филологии и перевода филологического факультета СПбГУ в период с 2016 по 2019 г.г. и были представлены в виде докладов на XLVI, XLVII и XLVIII Международной филологической научной конференции СПбГУ (Санкт-Петербург, 2017, 2018 и 2019); III Международной научно-практической конференции «Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве» ПсковГУ (Псков, 2017); II Конференции «Традиционное и новое в лингвистике и лингводидактике: межкультурная коммуникация и цифровая культура» СПбГУ (Санкт-Петербург, 2019).

Основные результаты исследования представлены в шести научных статьях, из которых четыре опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

ГЛАВА 1. Личные местоимения в системе языка и аспекты перевода

1.1. Местоимение как часть речи

Местоимения являются языковой универсалией. Они существуют во всех языках, «однако универсальность самих этих форм и понятий побуждает поставить проблему местоимений одновременно как проблему языка и как проблему отдельных языков» [Бенвенист, 1974, с. 286].

«В силу своего большого семантического и морфологического своеобразия класс английских местоимений привлекал внимание исследователей во все периоды развития языкознания» [Емельянова О. В., 1988, с. 17], поскольку этот немногочисленный и замкнутый класс слов обладает чрезвычайной коммуникативной значимостью.

Местоимения представляют трудный для интерпретации лингвистический объект, частеречный статус которого окончательно не определен. Решение данного вопроса является важным для различных областей лингвистики, поскольку теория частей речи затрагивает самые разные предметы лингвистических дискуссий. Для современных научных исследований важна связь частей речи с такими вопросами как соотношение языка и речи, отношения языка и мышления, отражение языком внеязыковой действительности и в том числе, познавательной деятельности человека [Гайкалова, 2018b]. Рассмотрим основные спорные моменты в выделении класса местоимений как самостоятельной части речи.

На протяжении многих веков были выработаны различные подходы к подразделению словарного состава языка на части речи, среди которых основными признаны традиционный, дескриптивный, функциональный,

ономасиологический и когнитивный.

При традиционном подходе, предлагающем наиболее стабильную из всех классификаций, хоть и не лишенную слабых сторон, части речи выделяются на основе морфологических, семантических и синтаксических признаков.

Указанные выше критерии, используемые для выделения других частей речи, оказываются в той или иной степени несостоятельными в отношении местоимений. С точки зрения морфологических и синтаксических свойств местоимения сближаются с классом существительных или прилагательных, но кардинально отличаются от них семантически. Более того, местоимениям различных разрядов невозможно приписать инвариантный семантический признак. Показательным в этом отношении является предложенное Е. В. Падучевой определение инвариантного значения местоимений: это либо отсылка к акту речи (его участникам, речевой ситуации или самому высказыванию), либо указание на денотативный статус (тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью) того или иного выражения [Падучева, 1985, с. 133], т.е. два не связанных между собой признака.

Тем не менее, именно в семантике местоимений большинство исследователей видят ту особенность данного класса слов, благодаря которой их можно объединить в одну часть речи.

Местоименное значение трактуется исследователями по-разному, среди основных точек зрения можно выделить следующие: 1) у местоимений нет значения и в этом их особенность; 2) местоимения не обладают постоянным значением, оно меняется в каждом акте речи; 3) местоимения не отличаются от других языковых знаков в плане неустойчивости, непостоянности значения; их своеобразие заключается в том содержании,

которое выражает это значение [Селиверстова, 1988, с. 27].

Некоторые исследователи отмечают, что в случае местоимений трудно или даже невозможно провести границу между лексическим и грамматическим значениями. По этой причине А. М. Пешковский писал о «сбивчивости» значения местоимений и назвал их парадоксальным в грамматическом отношении классом слов, у которой неграмматические части слов (корни) передают чисто грамматическое значение – значение отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит [Пешковский, 2001, с. 154–155]. М. И. Стеблин-Каменский предлагал наряду с лексическим и грамматическим значениями выделить третий тип «местоименное» значение [Стеблин-Каменский, 1974, с. 18–21].

Лингвисты, признающие статус местоимения как отдельной части речи, считают, что в выделении данного класса необходимо идти от семантического фактора, четко ощущаемого значения, поскольку оно компенсирует формальную разнородность и разнообразие местоимений [Емельянова О. В., 1988, с. 20].

Мы разделяем точку зрения лингвистов, предлагающих выделять местоимения на особых основаниях, поскольку в противном случае при распределении их по другим частям речи стирается основная отличительная черта, присущая всем разрядам данного класса слов, – отсутствие постоянной предметной закрепленности.

1.1.1. Специфика частеречного статуса местоимений

Среди ученых, признающих статус местоимения как отдельной части речи, нет единства и в вопросе о том, к какой группе относится данный класс: знаменательных или служебных частей речи. Традиционно считается,

что знаменательные части речи являются носителями лексического значения и противопоставляются служебным, как носителям грамматического значения.

Выше уже говорилось о том, что в случае местоименного значения эту границу провести невозможно в силу его высокой степени абстрактности, отвлеченности и обобщенности.

С одной стороны, местоимения сближаются со служебными частями речи: не имеют постоянного денотативного значения; могут выступать как слова-заместители, некоторые из них (притяжательные, указательные) соотносятся с артиклями; являются немногочисленным и закрытым классом слов. С другой стороны, местоимения имеют грамматические категории исчисляемости, падежа, лица; выполняют синтаксические функции подлежащего, дополнения, определения, части именного глагольного сказуемого – и в этом сближаются со знаменательными частями речи.

В настоящее время сторонниками трактовки местоимений как служебной части речи является коллектив ведущих зарубежных лингвистов: Д. Байбер (D. Biber), С. Йоханссон (S. Johansson), Д. Лич (G. Leech), и др. – авторов Longman Grammar of Spoken and Written English, которые рассматривают часть местоимений, как служебные слова (function words), а другую часть (указательные и притяжательные) относят к детерминативам (determiners) [Biber et al., 2007, p. 69–71].

На наш взгляд, с данной трактовкой трудно согласиться, поскольку местоимения обладают способностью указывать на предметы, лица, признаки и т.д., а также выступать в качестве различных членов предложения. Мы полагаем, что местоимения, совмещая признаки знаменательных (синтаксические функции и морфологические категории), и служебных частей речи (предельная обобщенность значения, функция

замещения) являются особой промежуточной частью речи [Петрова, 2011, с. 105].

Настоящий этап развития лингвистики характеризуется «выдвижением в ней двух главных парадигм научного знания – когнитивной и коммуникативной» [Кубрякова, 2004, с. 36].

В связи с этим, появились новые «идеологические предпочтения» современной лингвистики, среди них: 1) перенос внимания со слова и предложения на дискурс (текст); 2) переход от системы к узусу и от языка к речи; 3) понимание вероятностной природы языка, т.е. отсутствия в рамках какой-либо языковой общности единой жесткой системы средств выражения смысла и внимание к синхронной вариативности; 4) внимание к диахронической вариативности и признание того, что в каждый момент времени в языке существуют как «прогрессивные», так и «консервативные» участки; 5) изменение отношения к языковой норме и языковой правильности, граница между правильным и неправильным становится более подвижной (см. раздел 1.2); 6) внимание к количественному компоненту языка и признание количественных отношений существенным фактором в структуре языковых правил [Плунгян, 2008, с. 10–12].

Исследование частей речи в русле нового когнитивно-дискурсивного подхода означает изучение когнитивных структур и когнитивных функций частей речи, а также объяснение с когнитивных позиций типов связей в системе частей речи.

В русле когнитивно-дискурсивного подхода части речи рассматриваются как естественные прототипические категории, что позволит по-новому объяснить правомочность традиционного выделения частей речи по совокупности разноуровневых оснований. Прототипом класса местоимений английского языка (как и других европейских языков)

считается разряд личных местоимений, обладающий максимальным количеством признаков данного класса. Эта прототипическая группа, возможно, была связана с первичным (наивным) делением окружающего мира на предметные сущности.

В связи с этим одним из важнейших объектов лингвистических исследований становятся местоимения вообще и в особенности личные местоимения, т.к. благодаря выполняемым ими функциям они занимают одно из центральных мест в системе языка и речи.

Личные местоимения являются «средством кодирования» дейксиса, играющего важнейшую роль в когнитивной системе и языке и имеют непосредственное отношение к процессу порождения речи. Именно через личные местоимения, функционирующие, прежде всего, как дейктическое средство, могут быть проявлены все основные виды дейксиса [Арутюнова, Булыгина, Кибрик, 1992, с. 208].

1.1.2. Дискуссия о выделении разряда личных местоимений

Среди лингвистов нет единого мнения относительно состава подкласса личных местоимений. Некоторые исследователи предлагают две трактовки термина «личное местоимение»: в узком и широком смысле слова [Майтинская, 1969, с. 140; Плоткин, 1989, с. 158].

Английские личные местоимения в узком смысле, или собственно-личные, – это местоимения *I, we, you, he, she, it, they*; в широком понимании личными могут называться любые местоимения, выражающие категорию лица, т.е. собственно-личные, притяжательные и возвратные местоимения [Майтинская, 1969, с. 140; Петрова, 2011, с. 109].

В зарубежной литературе по лингвистике для обозначения личных

местоимений в широком смысле используются также термины: *central pronouns* [Quirk et al., 1992, p. 190–191], *primary pronouns* [Greenbaum, 1996, p. 91] или *core members of the personal pronoun category* [Huddleston, Pullum, 2002, p. 426].

Некоторые исследователи с учетом многоаспектного и многоуровневого характера категории лица, предполагающего множество способов выражения ее значений, рассматривают категорию лица в рамках более широкой когнитивно-коммуникативной категории персональности, связанной с предметным миром и когнитивно-познавательной деятельностью человека. При этом одним из основных средств выражения категории персональности являются личные местоимения [Бондарко, 2002, с. 563–564].

Существует и другая точка зрения, сужающая рамки личных местоимений, согласно которой к ним причисляются только местоимения 1-го и 2-го лица, как местоимений группы «указателей», относящихся к акту речи [Бенвенист, 1974, с. 290; Huddleston, Pullum, 2002, p. 426].

Д. А. Штелинг, рассматривая семантику английских личных местоимений, указывает на то, что если в конце XIX - начале XX в.в. исследователи (Р. Грассери, Ф. Боас, Я. Гиннекен), прежде всего, противопоставляли местоимения со значениями «я» и «не-я», то в XX в. многие лингвисты (К. Бюлер, В. Вундт, В. Шмитд, О. Есперсен, Л. Блумфилд, Э. Бенвенист, И. И. Мещанинов и др.) разделяют точку зрения, согласно которой следует противопоставлять местоимения со значениями «я» и «ты», с одной стороны, и местоимения со значениями «он/она» с другой [Штелинг, 1996, с. 17–26].

Ряд других исследователей также полагают, что коммуникативным статусом обладают лишь местоимения 1-го и 2-го лица, в то время как 3-е

лицо либо вообще исключается из рассмотрения при изучении процесса коммуникации, либо определяется по отношению к нему негативно: как неучастник этого процесса [Худяков, 2005, с. 125; Lyons, 1977, р. 638–639]. По мнению В.А. Плунгяна, традиционный термин «личные» не вполне удачен по отношению к местоимениям третьего лица [Плунгян, 2003, с. 255].

Различие точек зрения по данному вопросу во многом определяется тем, что понимается под термином «лицо». Известно, по крайней мере, три трактовки данного термина:

- 1). «коммуникативное понимание» — существует всего два лица, поскольку в элементарном коммуникативном акте два участника: 1-е лицо (говорящий) и 2-е лицо (слушающий). 3-е лицо — не-лицо, поскольку это не участник коммуникации [Бенвенист, 1974, с. 262].
- 2). «семантическое понимание» (в языках, где есть категория одушевленности / разумности): существует три лица 1-е, 2-е, а также 3-е лицо человека, не являющегося ни говорящим, ни слушающим. И есть не-лица, то есть неразумные существа и предметы.
- 3). «референциальное понимание»: существуют три лица 1-е, 2-е, а также 3-е, включающее все референты, кроме говорящего и слушающего, независимо от одушевленности / разумности [Арутюнова, Булыгина, Кибрик, 1992, с. 209].

В настоящей работе термин личные местоимения понимается в широком смысле; в главе 2 рассматриваются собственно-личные, притяжательные и возвратные местоимения.

Благодаря особенностям местоименного значения, о которых говорилось выше, одним из свойств личных местоимений (как и местоимений, вообще) является интерпретативность, под которой понимается способность выступать объектом интерпретации [Петрова,

Токарева, 2018, с. 170]. По определению Н. Н. Болдырева, языковая интерпретация представляет вид познавательной деятельности, процесс и результат понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, то есть процесс и результат репрезентации мира, основанной на коллективных представлениях о мире и на личном опыте взаимодействия с ним. Н. Н. Болдырев различает два вида интерпретации – первичную и вторичную. Первичная интерпретация представляет коллективное видение мира человеком как представителем социума; а вторичная интерпретация является субъективным представлением коллективных знаний в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека. Проявление вторичной интерпретации связано с системой модусных категорий и функциональным варьированием языковых единиц и категорий разных уровней (отрицание, экспрессивность, оценочные концепты и категории и др.) [Болдырев, 2015, с. 8–10]. Высокая степень абстракции местоименного значения позволяют охарактеризовать класс местоимений как интерпретативную первичную категорию (часть речи).

Говоря о современном состоянии класса английских местоимений, необходимо отметить, что, несмотря на немногочисленность и относительную закрытость данного класса, он подвержен изменениям.

Так, с середины XX в. под влиянием общественных процессов при прономинализации одушевленных существительных «уклон в сторону мужского рода» (*masculine bias*) подвергся критике [Петрова, 1999, с. 169–170]. Вследствие этого в англоязычных письменных текстах начали использоваться искусственно созданные местоименные комплексы, употребляемые анафорически: *s/he, he/she, she/he*; а в устной и письменной речи частотными стали анафорические сочинительные прономинальные группы *she or he, he or she*. Местоимение *they (their, themselves)* стало

использоваться как универсальный гендерно-нейтральный анафор «*singular unisex they*» [Петрова, 2011, с. 114; OED].

Появление новых прономинальных форм 2-го лица мн.ч. зафиксировано в разговорном регистре, например, к одной из «последних инноваций» относится местоимение 2-го л. мн.ч. *you guys*, употребляемое преимущественно в США, причем по отношению к лицам любого пола [Svartvik, Leech, 2006, p. 74; FD]. Подробнее об этом говорится в разделе 1.2.2.

1.1.3. Личные местоимения русского и английского языков в сравнительно-типологическом аспекте

В настоящем разделе мы проведем сравнение между системами личных местоимений РЯ и АЯ, а также остановимся на ряде типологических факторов, обуславливающих расхождение в употреблении личных местоимений в рассматриваемых языках.

Сравнение, по мнению В. Г. Гака, является основным и возможно даже единственным методом изучения языка [Гак, 1989, с. 7]. В современном языкознании вопросами сравнения и выявления черт языкового сходства и различия занимается область лингвистических дисциплин, называемая компаративистикой. В данной области выделяют три направления, отличающиеся целями и объектом: сравнительно-историческое языкознание, связанное с именами Ф. Боппа, Я. Гримма, Р. Раска, А. Х. Востокова [Стернин, 2007, с. 5]; сопоставительно-типологическое языкознание (контрастивное, или конфронтативное языкознание), связанное с именами А. Шлегеля, А. Шлейхера, В. Гумбольдта [Там же, с. 7], и ареальное языкознание. Сравнительно-историческое языкознание основано на диахроническом изучении языкового материала и исследует генетическую

общность языков; сопоставительно-типологическое языкознание основано на синхронном подходе, а ареальное языкознание смыкается с диалектологией.

В научной литературе границы и методы сопоставительной (контрастивной) лингвистики и лингвистической типологии долгое время являлись предметом дискуссий. Например, чешский лингвист В. Скаличка полагал, что типология сравнивает отдельные компоненты языковой системы на материале возможно большего количества языков, а сопоставительная лингвистика занимается сравнением двух языков, но на всех уровнях языковой системы [Скаличка, 1989, с. 31].

К настоящему времени исследования показали, что сопоставительная лингвистика и типология часто не укладываются в указанные рамки. «Предметом сопоставительного анализа может быть отдельное явление, причем не обязательно в двух, может быть и в нескольких языках, тогда как типологический анализ может охватывать большие разделы языка и даже структуру языка в целом» [Гак, 1989, с. 7].

По мысли В. Г. Гака, задачу лингвистической типологии можно определить как установление языкового типа для последующей классификации языков и выявления того, как устроен человеческий язык. Задачи сопоставительной лингвистики скромнее: она сравнивает факты двух или нескольких языков с целью обнаружения сходжений и расхождений.

Сопоставление языков может проводиться на любом уровне [Петрова, 2011, с. 7]. «Традиционным является сопоставление родного языка исследователя с иностранным для него языком. ... Вместе с тем, контрастивная методика допускает анализ в любом направлении – можно контрастивным методом изучать иностранный язык, сделав его исходным, в сопоставлении с родным языком исследователя ...» [Стернин, 2007, с. 23].

Сегодня сопоставительное языкознание изучает одноимённые языковые микросистемы (поля) в разных языках; при этом одноименные подсистемы сравниваемых языков изучаются и описываются автономно (например, глаголы движения в русском и английском, выражение уступительных отношений в немецком и французском и т.д.), а затем результаты описания подвергаются сравнению [Стернин, 2007, с. 9]. В рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика системной организации микросистемы в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия подсистем в сравниваемых языках.

Продолжаются и типологические исследования, изучающие специфику языка и тех общих черт, которые свойственны человеческому языку вообще. Так, частная типология занимается изучением проблем более ограниченного характера – это могут быть исследования типологических характеристик одного языка или ограниченной группы языков. «... можно представить себе в качестве объекта типологического исследования систему личных местоимений в таких-то языках или систему суффиксальных морфем, образующих имена деятеля и т. д.» [Аракин, 2005, с. 6].

Сравнительная типология является научно-прикладной дисциплиной, объединяющей два направления в изучении языков: сопоставительное и типологическое. Она рассматривает относительно небольшое количество языков и «дает возможность сравнивать единицы каждого уровня языка изолированно» [Нелюбин, 2012, с. 21]. Поскольку процесс перевода по своему характеру аналогичен процессу типологического сравнения, сравнительная типология связана и взаимодействует с теорией перевода. По мнению известного лингвиста Л. С. Бархударова, теория перевода, как и

сравнительная типология, – это «научно обоснованное сопоставление систем двух языков» [цит. по: Нелюбин, 2012, с. 43].

Остановимся на некоторых типологических различиях АЯ и РЯ, релевантных для данного исследования, а затем перейдем к сопоставлению системы личных местоимений в этих языках.

По определению Д. В. Аракина, тип языка представляет собой «сумму признаков, которые будут отличать данную группу языков от какой-то другой группы языков, где этих признаков не будет» [Аракин, 2005, с. 7]. Л. Л. Нелюбин под типом языка понимает «совокупность обобщенных особенностей языка в целом» [Нелюбин, 2012, с. 28].

По способу грамматического оформления слова РЯ и АЯ относятся к флективному типу, это значит, что словообразование в них осуществляется путем добавления к основе флексий, каждая из которых может выражать несколько значений и обуславливать фонетические изменения на стыке с основой.

Однако внутри флективного типа РЯ сохранил в основном синтетический строй, т.е. «грамматическое значение синтезируется, соединяется с лексическими значениями в пределах слова, что при единстве слова является прочным показателем целого» [Реформатский, 2004, 167]. Грамматическое значение внутри слова выражается такими способами, как внутренняя флексия, аффиксация, сложения основ и повторы, ударение и супплетивизм.

В то же время в новоанглийский период АЯ перешел от синтетизма к аналитизму, при котором в самом слове сосредоточены только лексические значения, а грамматические выражаются за пределами слова, с помощью порядка слов, служебных слов и интонации [Там же].

К типологическим чертам современного АЯ исследователи относят:

- 1). дистантность аналитических форм (*What are you thinking about?*);
- 2). прерывистость аналитического строя (*I have just seen him*);
- 3). инкорпорирующую связь, представляющую переход к особой синтетической модели¹ [Кошечая, Дубовский, 1980, с. 12]. Сказанное выше позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, в современном АЯ продолжается тенденция усиления аналитизма, с другой стороны, сохраняются и некоторые синтетические структуры.

Это лишь подтверждает тот факт, что ни в одном из рассматриваемых языков нет чистого синтетизма или чистого аналитизма. Отдельные черты аналитизма РЯ проявляются в образовании аналитическим способом некоторых форм будущего времени (*буду читать*) и степеней сравнения прилагательных (*более интересный, самый интересный*), а в АЯ черты синтетизма включают, например, способы образования множественного числа существительных и простого прошедшего времени правильных глаголов (*girl – girls; play – played*).

Проблема сопоставительно-типологической характеристики АЯ и РЯ была разработана в трудах таких ученых, как В. Д. Аракин, В. В. Гуревич, Ю. А. Дубовский, И. Г. Кошечая, Л. Л. Нелюбин и др. На различных языковых уровнях исследователями были выделены следующие закономерные расхождения, обусловленные типологическим строем рассматриваемых языков:

На *словообразовательном* уровне, смежном с морфологией и лексикологией, в двух языках отмечаются наличие моделей разной степени продуктивности, в том числе специфических для каждого языка. К

¹ Например, глагольные единицы *to babysit, to kidnap, to proofread, to weightlift, to moonwalk* рассматриваются некоторыми исследователями как случаи инкорпорации.

последним относятся: в АЯ конверсия (безаффиксальный способ словообразования); в РЯ – отыменное словообразование и аффиксальное словообразование с более дифференцированной, чем в АЯ, системой суффиксов, в частности с семантикой субъективной оценки и значением лица; в РЯ более продуктивным оказывается суффиксально-префиксальный способ словообразования.

Типологический анализ *частей речи* в рассматриваемых языках, показывает, что их состав примерно одинаков, однако в РЯ, как языке синтетическом, синтаксические признаки частей речи в значительной мере дополняются *морфологическими*, а для АЯ наиболее важны функции слов в предложении и их сочетаемость.

Грамматические категории в РЯ и АЯ являются сходными за исключением следующих особенностей. Категория числа представлена в обоих языках, однако в РЯ она морфологически выражена не только у существительных и местоимений, но и в формах глаголов прошедшего времени, что было утрачено в АЯ [Есперсен, 1958, с. 256]. Категория падежа в РЯ, в отличие от АЯ, присуща не только существительным и некоторым местоимениям, но и прилагательным, а также числительным. Кроме этого, различается количество падежей: шесть в РЯ и два в АЯ (общий и притяжательный падеж у существительных, общий и объектный падеж у личных местоимений). В. В. Гуревич вслед за своими предшественниками выделяет также «групповую притяжательную» падежную форму у существительных, например, *the Prime-Minister of England's speech; the man I saw yestersday's son*, что указывает на несовпадение падежных систем существительного и личных местоимений в АЯ, свидетельствуя, по мысли исследователя, о «расшатывании английской падежной системы в целом» [Гуревич, 2019, с. 133] и стремлении к еще большему аналитизму.

По мнению большинства исследователей, в АЯ, в отличие от РЯ, отсутствует грамматическая категория рода и более выраженной на уровне грамматики и лексики является категория одушевленности/неодушевленности. В двух языках по-разному используются синтетические и аналитические формы степеней сравнения, в АЯ в отличие от РЯ отсутствуют полные и краткие формы прилагательных.

Трактовка категории глагольного вида в АЯ представляет особую сложность, в то время как в РЯ данная категория лексически и грамматически представлена достаточно четко. При наличии в обоих языках временных планов прошедшего, настоящего и будущего, в АЯ глагольные временные формы представлены гораздо шире, чем в РЯ. Категория лица в английских глаголах морфологически выражена слабее, чем в русских.

Различия в морфологических категориях обуславливают различия на *синтаксическом уровне*: в АЯ и РЯ словосочетания имеют разное соотношение согласования по формальному и семантическому признакам. Так, в РЯ в силу его развитой флективной природы преобладает такой тип синтаксической связи как согласование, а в АЯ более распространены примыкание и управление. АЯ свойственен относительно фиксированный порядок слов, в то время как для РЯ – относительно свободный. Ограничения, налагаемые на последовательность слов в предложении, приводят к тому, что в АЯ чаще, чем в РЯ, используется прямой порядок слов. С этим также связано и высокое эмфатическое значение инверсии, представляющей редкий случай употребления [Есперсен, 1958, с. 127].

На синтаксическом уровне в РЯ и АЯ ученые отмечают различное соотношение односоставных предложений в РЯ они употребляются значительно чаще; различное построение отрицательных предложений (невозможность двойного отрицания в АЯ и его использование в РЯ);

различные типы вторично-предикативных конструкций (сложное дополнение в АЯ; причастные и деепричастные обороты в РЯ) и т.д.

Некоторые типологически обусловленные различия рассматриваемых языков находят отражение в интересующей нас проблематике передачи английских личных местоимений при переводе на РЯ. Так, в АЯ в силу большей выраженности категории определенности/неопределенности притяжательные местоимения в своих функциях приближаются к артиклю. Широкая распространенность односоставных предложений (безличных, неопределенно-личных, обобщенно-личных) в РЯ, разное соотношение использования активного и пассивного залогов в РЯ и АЯ диктуют определенную частотность и общезыковое функционирование личных местоимений в англоязычных и русскоязычных текстах. Относительно свободный порядок слов в РЯ допускает значительную вариативность позиции личного местоимения в предложении против того, что в АЯ в силу относительно фиксированного порядка слов наблюдается определенное структурное однообразие.

Вернемся к сравнению класса личных местоимений в АЯ и РЯ. Обычно выделяют следующие критерии для сопоставления частей речи в типологическом плане: 1) семантический критерий — отнесение данного слова к широкой понятийной категории; 2) морфологический критерий — наличие материально выраженных морфологических категорий; 3) синтаксический критерий — функция данного слова в речевой цепи; 4) критерий сочетаемости — способность слов данной части речи сочетаться со словами других частей речи; 5) словообразовательный критерий — способность слов данной части речи к образованию новых слов по определенному типу [Аракин, 2005, 96; Нелюбин, 2012, 98].

Выше в разделе 1.1.1 уже говорилось об особой природе класса прономиналов, их месте в системе языка и различных подходах к выделению данной части речи. Несмотря на различия подходов, большинство отечественных и зарубежных лингвистов согласны с мнением о том, что в обоих языках местоимение можно и нужно выделять как отдельную часть речи.

При относительной близости выделяемого подкласса личных местоимений, более глубокое их изучение свидетельствует об определенном различии, которое, прежде всего, заключается в расхождении в составе грамматических категорий и средств их выражения.

Прежде, чем мы опишем сходства и различия между классами личных местоимений РЯ и АЯ, необходимо отметить, что в теоретической грамматике существуют различные подходы к выделению интересующих нас грамматических категорий лица, числа, падежа, рода и др. Например, в русистике нерешенной проблемой считается исчисление падежей, а для англистики под вопросом остается само существование падежа [Петрова, 2011, 160]. Грамматическая категория рода и ее существование остаются дискуссионными как в русистике – так, некоторые исследователи утверждают, что в некоторых случаях «род <...> не формирует грамматической категории» [Белошапкина и др., 1989, с. 404], так и в англистике [Иванова и др., 1981, с. 22; Петрова, 2011, с. 160; Блох, Попкова, 2013, с. 41]. Обсуждение данных вопросов в целом выходит за рамки настоящего исследования, тем не менее, хотелось бы отметить следующее. Род в РЯ является категорией не чисто грамматической, а лексико-грамматической, связанной с категорией одушевленности/неодушевленности, поскольку у одушевленных существительных он действительно служит для обозначения биологического

пола. В АЯ некоторыми учеными признается наличие рода как «скрытой», не согласовательной, а коррелятивной лексико-грамматической категории, выражающей языковое маркирование биологического пола одушевленных существностей [Блох, Попкова, 2013, с. 55-57].

В настоящем исследовании мы принимаем точку зрения, согласно которой категории лица, числа, падежа, рода, притяжательности и возвратности существуют в рассматриваемых нами языках.

Ниже обозначим расхождения в составе грамматических категорий, выражаемых подклассом личных местоимений РЯ и АЯ.

Собственно-личные местоимения

В **РЯ** характеризуются наличием четырех грамматических категорий:

1. Категория лица представлена тремя лицами, 1-м, 2-м и 3-м л.;
2. Категория падежа выражена парадигмой склонения и состоит из шести падежей; при этом данная парадигма является «избыточной», поскольку во 2-м л. выражает различие между неофициальным и официальным регистром речи (вы – Вы);
3. Категория числа представлена единственным и множественным числом;
4. Категория грамматического рода в 3-м л. представляет три рода – мужской, женский и средний род.

В **АЯ** характеризуются наличием четырех грамматических категорий:

1. Категория лица представлена тремя лицами, 1-м, 2-м и 3-м л.;
2. Категория падежа представлена двумя падежами;
3. Категория числа – единственного и множественного, во 2-м л. парадигма является «дефектной», поскольку во 2-м л. нет

противопоставления форм ед. и мн. ч. и местоимение 2-го л. грамматически всегда выступает как множественное;

4. Категория грамматического рода в 3-м л. является скрытой и представляет три рода – мужской, женский и средний («никакой»²) род; сопряжена с категорией одушевленности / неодушевленности.

Как видно, расхождения для разряда собственно-личных местоимений в РЯ и АЯ заключаются в выражении категорий числа, падежа и рода.

Притяжательные местоимения

В **РЯ** характеризуются наличием следующих признаков:

1. Количество разновидностей (парадигм) – одна;
2. Категория лица представлена тремя лицами;
3. Категория падежа выражена парадигмой склонения и состоит из шести падежей (некоторые формы омонимичны формам собственно-притяжательных местоимений);
4. Категория числа представлена единственным и множественным числом;
5. Категория грамматического рода представляет три рода – мужской, женский и средний род;
6. Категория посессивности (принадлежности).

В **АЯ** характеризуются наличием следующих признаков:

1. Количество разновидностей (парадигм) – две: собственно-притяжательные и притяжательные абсолютные;
2. Категория лица представлена тремя лицами;
3. Категория падежа отсутствует;
4. Категория числа – единственное и множественное;

² [Блох, Попкова, 2013, с. 4]

5. Категория грамматического рода представляет три рода – мужской, женский и средний («никакой») род, связана с категорией одушевленности / неодушевленности;
6. Категория посессивности.

Расхождения для разряда притяжательных местоимений в РЯ и АЯ заключаются в количестве разновидностей, выражении категорий падежа и рода.

Возвратные местоимения

В **РЯ** характеризуются наличием следующих признаков:

1. Категория лица отсутствует;
2. Категория падежа состоит из шести падежей (формы некоторых падежей омонимичны);
3. Категория числа, единственного и множественного, представлена только у местоимения *свой*;
4. Категория грамматического рода, мужского, женского и среднего представлена только у местоимения *свой*;
5. Категория возвратности.

В **АЯ** характеризуются наличием следующих признаков:

1. Категория лица представлена тремя лицами;
2. Категория падежа отсутствует;
3. Категория числа – единственное и множественное;
4. Категория грамматического рода представляет три рода – мужской, женский и средний («никакой») род, связана с категорией одушевленности / неодушевленности;
5. Категория возвратности.

Расхождения для разряда возвратных местоимений в РЯ и АЯ состоят в выражении категории лица, рода, падежа.

Отмеченные типологические расхождения релевантны для настоящего исследования, поскольку относятся к факторам, имеющим непосредственное отношение к процессу перевода. Необходимо отметить, однако, что приведенные здесь данные относятся исключительно к тем формам местоимений, которые находятся в пределах кодифицированной нормы обоих языков. Наблюдения за подвижным узусом местоимений и прежде всего за представленностью их форм и функций в современном англоязычном художественном дискурсе и его русскоязычных переводах позволяет расширить представления о грамматическом, социолингвистическом и креативном потенциале личных местоимений АЯ языка в сопоставлении с РЯ. В Главе 2 сопоставительные данные будут дополнены по мере рассмотрения каждого разряда подкласса личных местоимений.

1.2. Норма, узус и вариативность

Общенациональный язык не является однородным, он представляет собой систему, состоящую из различных подсистем, к которым помимо принятого нормированного литературного языка, относится множество разновидностей, отражающих территориальное, социальное, индивидуальное, стилистическое языковое многообразие.

Рассмотрим понятия нормы, узуса и вариативности языка.

Термин норма в лингвистической литературе используется в широком и узком смысле, а также в статическом и динамическом аспекте.

В широком понимании норма определяется как «традиционно и

стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов» [Крысин, 2017, с. 21]. В этом смысле норма сближается с понятием узуса, под которым понимаются общепринятые, устоявшиеся способы использования данного языка. В таком случае можно говорить о норме применительно к территориальным, социальным, профессиональным и другим разновидностям языка. Чешский лингвист Б. Гавранек одним из первых отметил, что «узус определяет норму народного языка», а отступление от комплекса традиционно употребляемых средств (узуса) воспринимается как отступление от нормы [Гавранек, 1967, с. 339–340].

В узком понимании норма является результатом кодификации языка, т.е. целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который называют нормированным и кодифицированным. Поскольку разновидности языка, отличные от литературного языка, не подвергаются кодификации, к ним неприменимо понятие нормы в узком смысле.

Одним из первых лингвистов двойное понимание нормы выдвинул Э. Косериу, говоривший о дескриптивном (широком) понимании этого термина (то, как принято говорить в данном обществе) и прескриптивном (узком) понимании нормы (то, как правильно говорить) [Косериу, 1963, с. 175].

Языковая норма, как правило, рассматривается на различных уровнях языка (фонетическом, лексическом, грамматическом) и, соответственно, на уровне языковых единиц; при этом отступления от нормы выводятся в область речи [Горшков, 1981, с. 235; Мурзин, 1989, с. 6].

В настоящее время норма рассматривается не только в статическом (строго синхронном) плане, как совокупность правил и рекомендаций при употреблении языковых средств в речи, но и в динамическом, отражающем способность языковой нормы к развитию.

С точки зрения динамического подхода норма — «не только результат речевой деятельности, закреплённый в традиционных образцах, но и создание, творение инноваций в условиях их связи с потенциальными возможностями языка, с одной стороны, и с реализованными устоявшимися, с другой» [Скворцов, 1980, с. 9].

Термин вариативность в лингвистике имеет два основных толкования: 1) способность языка создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях в силу внутренних закономерностей языковой системы, а также внешних, экстралингвистических причин (территориальная обособленность, социальная стратификация носителей языка, различия сфер человеческой деятельности и ситуаций общения); 2) характеристика способа существования и функционирования языковых единиц в каждый определённый период существования языка [Солнцев, 1984, с. 31–32].

Иными словами, вариативность предполагает различные соотношения формы, содержания и функции языкового знака [Гайкалова, Петрова, 2019, с. 44].

Таким образом, вариативность может рассматриваться как в синхронии, так и в диахронии.

Как отмечал В. М. Солнцев, проблема вариативности в лингвистике важна в следующих случаях: а) при изучении «устройства» языка, которое можно назвать вариантно-инвариантным; б) при изучении функционирования языка и перехода от языка к речи; в) при исследовании внутриязыковых факторов изменения и развития языка; г) при потребности

объяснить разный облик «одних и тех же единиц» или их форм... д) при социолингвистическом изучении варьирования нормы и использования разных проявлений одних и тех же единиц в стилистических, экспрессивных и нормообразующих целях [Солнцев, 1984, с. 33].

К основным понятиям теории вариативности относятся «вариативность», «вариантность», «варьирование», «вариант». Термины «вариативность» и «вариантность», как правило, употребляют синонимично, они характеризуют фундаментальное свойство языковой системы реализовываться в речи в виде множества вариантов. «Вариант» – это конкретная реализация языковой единицы в речи. Под «варьированием» понимается процесс использования вариантов.

1.2.1. Виды языковой вариативности

Исходя из различных критериев, выделяют следующие виды вариативности:

- 1). Территориальная (географическая) вариативность (соотношение стандартного, литературного языка и диалектов);
- 2). Социальная вариативность (соотношение стандартного, литературного языка и социолектов);
- 3). Ситуативная (стилистическая) вариативность;
- 4). Историческая (диахроническая) вариативность;
- 5). Вариативность устной и письменной речи;
- 6). Коллективная и индивидуальная вариативность

[Лукина, 2014, с. 9; Потапов, 2017, с. 10–11].

Одна из наиболее используемых моделей вариативности на синхронном срезе – трехмерная модель, предложенная Э. Косериу:

вариативность в пространстве (диатопическая), вариативность в обществе (диастратическая), вариативность в коммуникативной ситуации (диафазическая) [Лукина, 2014, с. 9].

Американским лингвистом У. Лабовым было введено понятие языковой переменной (*linguistic variable*), т.е. набора вариантов, которые под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов могут быть реализованы в речи. При этом общим для данного набора вариантов является то, что говорящий оценивает один из вариантов парадигмы как главный, основной, более правильный, а другие как подчиненные, неосновные, менее правильные [Labov, 1966, p. 15].

Языковая переменная может действовать как индикатор речи индивидуума, связанный с принадлежностью к какой-либо социальной, этнической, возрастной группе, но в любом контексте (стиле речи) проявляющийся более или менее одинаково. Индикаторы осознаются обществом как относительно постоянные характеристики индивидов и групп, не подверженные стилевому варьированию. Маркеры также представляют языковую переменную, но они подвержены стилистическому варьированию: эта переменная может то появляться, то исчезать в зависимости от стиля речи индивидуума (официального, неофициального, «старательного», «небрежного» и т.д.). Стереотипы представляют языковую переменную, не подверженную социальной стратификации, но связанные со стилистическим варьированием (сдвигом); они также подвержены территориальной стратификации [Лабов, 1975, с. 150, 160].

На настоящем этапе в русле полевого подхода общенациональный язык как систему всех его разновидностей можно представить в виде полевой структуры. В силу социолингвистических причин ядром данной структуры является литературный язык с кодифицированной литературной нормой, а

различные языковые разновидности, через которые реализуется языковая вариативность, отдаляются от ядра по мере их отклонения от литературного языка и литературной нормы.

Диалектная (территориальная и социальная) вариативность английского языка Великобритании и США характеризуется множеством разновидностей, включающих традиционные, современные, территориальные, социальные диалекты и др. При этом, по мнению многих исследователей, американский вариант АЯ обнаруживает существенно меньшую степень вариативности, чем британский вариант АЯ [Швейцер, 1985, с. 42; Cassidi, 1973, p. 85; Svartvik, Leech, 2006, p. 150–159]. Диалекты США по сравнению с диалектами Великобритании характеризуются более ограниченным и менее четко выраженным набором признаков [Швейцер, 1985, с. 42].

В настоящее время в качестве нормативного варианта английского языка выступает «стандартный английский» (Standard English), обладающий кодифицированной нормой на уровне грамматики и лексики, закреплённой в словарях, учебниках и справочниках. Кодифицированная письменная форма стандартного английского принята за орфографическую норму, признаваемую большинством англоязычных издательств во всем мире (лишь с небольшой разницей в лексике и орфографии между британским и американским вариантами). Нормативным произношением в Великобритании считается RP (Received Pronunciation), а в США — General English [Svartvik, Leech, 2006, p. 81, 125], в том смысле, что они не являются территориально закреплёнными.

Стандартный английский — это вариант английского языка, не привязанный к какой-либо территории и не являющийся диалектом определенных социальных групп. Его обычно принимают за точку отсчета

при изучении диалектных особенностей английского языка.

Нормативная форма речи является престижной, обеспечивающей комфортное положение в социуме [Бродович, 1988, с. 22; Chambers, Trudgill, 1980, р. 35, 97–98].

Территориальные диалекты английского языка на протяжении долгого времени имели довольно низкий социальный статус, что могло проявляться даже в негативном отношении к ним даже со стороны их носителей [Wakelin, 1972, р. 154].

Однако начиная с середины XX в. под воздействием общественных процессов (глобализации, миграции населения, и др.) произошли достаточно заметные изменения. Современный этап в развитии английского языка и его разновидностей является особым, поскольку, несмотря на процессы глобализации и становление английского языка глобальным языком межкультурной коммуникации, наблюдается усиление позиций территориальных и социальных диалектов. Последнее подтверждается такими фактами: возросшим интересом к проведению исследований территориальных и социальных диалектов, активизацией работы диалектических обществ (без преувеличения можно сказать, что почти каждая диалектная зона имеет свое диалектологическое общество, среди них American Dialect Society, English Dialect Society, Lancashire Dialect Society, Yorkshire Dialect Society и т.д.), изменением подхода к преподаванию языка.

Например, в Великобритании была начата Программа лингвистической грамотности (Language Awareness Project), которая предполагает новый подход к обучению языку и повышение уровня знаний о языковой вариативности. Подход «Language Awareness» («знание о языке») предполагает, что, несмотря на господство в области образования нормативного языка, в ней не должно распространяться ошибочное

убеждение о «неправильности» диалектов. Данная программа направлена на воспитание толерантности к языковой вариативности и понимание диалектов не как ущербных вариантов, а как проявление языкового многообразия [Голованова, 2012, с. 23–24; Trudgill, 1983, p. 208, 225].

На фоне таких явлений не утихают споры лингвистов-теоретиков о соотношении нормы и вариативности. Прескриптивная (деонтическая) норма трактуется многими лингвистами в контексте «язык и власть», и получает негативную оценку, а многообразие этнических, региональных и социальных вариантов трактуется как свидетельство богатства и жизнеспособности английского языка. Нормативный английский стал рассматриваться как форма легитимации социального неравенства; как наследие прошлого, подавляющее свободное самовыражение индивида; как результат «наивного», ненаучного подхода к языковым фактам [Германова, 2017, с. 44–46].

Сторонники эгалитарного подхода заявляют о том, что диалектные языковые формы, с исторической точки зрения очень часто являются исконными, а поэтому имеют историческое преимущество перед «спускаемыми» сверху формами стандартного языка. При этом подчеркивается, что по своему богатству и разнообразию социальные и региональные диалекты в отдельных аспектах могут превосходить стандартный английский.

В качестве примера «инноваций» в области грамматической вариативности, идущих вразрез с языковой нормой, О. И. Бродович указывает: 1) увеличение числа глаголов, спрягаемых по исторически слабому, т.е. "правильному" типу; 2) увеличение числа глаголов с омонимией форм претерита и причастия II; 3) увеличение числа глаголов с неизменяемой парадигмой [Бродович, 1988, с. 34–35].

К грамматическим «инновациям» относятся и формы личных местоимений, заполняющих лакуны стандартного английского (подробнее об этом говорится в разделе 1.2.2).

Таким образом, значимость региональных диалектов возрастает, и все большее количество исследований проводится в области изучения различных уровней языковой системы с точки зрения вариативности.

К известным исследователям проблем языковых изменений относятся британские ученые А. Гимсон [Gimson, 1980], А. Краттенден [Cruttenden, 2001], П. Традгилл [Trudgill, 1983, 1999, 2004], американские лингвисты У. Лабов [Labov, 1966, 1978, 2006], Н. Шиллинг-Эстес [Schilling-Estes, 2004], канадский лингвист Дж. Чамберс [Chambers, 2004] и др.

В результате проведенных исследований П. Традгиллом (P. Trudgill) была разработана карта традиционных диалектов Англии [Trudgill, 1999, p. 34], а У. Лабовым (W. Labov) и его коллегами из Пенсильванского университета — карта территориальных диалектов США³.

1.2.2. Вариативность нормы английских личных местоимений

Несмотря на то, что традиционно считается, что личные местоимения представляют собой закрытый класс слов, исследователи английского языка отмечают высокий уровень их варьирования в пределах нормы и узуса. Как будет показано ниже, в орбиту языковой переменной личных местоимений включаются и системные, и внесистемные единицы.

Можно заметить, что в англоязычных исследованиях термины *norm*, *normative* не являются единственными обозначениями нормативных явлений.

³ A National Map of the Regional Dialects of American English. URL: https://www.ling.upenn.edu/phono_atlas/NationalMap/NationalMap.html#Heading2 (дата обращения 11.01.2019).

С понятием нормы конкурирует понятие стандарта (*standard*), но если для нормы, как правило, признается наличие верхней и нижней границ, соответствующих официальному и неофициальному регистрам речи — *formal vs informal register* и, соответственно, *formal vs informal variant* (т.е. заведомо признается потенциал регистровой вариативности), то стандарт — это безусловно нормативный феномен, который обычно рассматривается как усредненная общенациональная форма, не отмеченная регистровой принадлежностью.

Кроме того, для обозначения нормативных явлений широко используется характеристика *acceptable* (также *completely acceptable*) [Biber et al., 2007; Huddleston, Pullum, 2002]. Апелляция к узусу может выражаться безотносительно к понятию нормы, при помощи указания на низкую частотность (помета '*rare*') или на предпочтения носителей языка: "*Few people would use...*" [Huddleston, Pullum, 2002, p. 427, 461].

Говоря о формальном варьировании собственно-личных местоимений, в первую очередь нужно отметить существование вариантного набора архаических форм 2-го л. ед. ч.: собственно-личного *thou* [LDELС, p. 1380] и формы его объектного падежа *thee* [Ibid., p. 1370], а также возвратного *thyself* [MED, p. 1564] и притяжательного *thy* [LDELС, p. 1385] с позиционным вариантом *thine* [Ibid., p. 1378], омонимичным абсолютному притяжательному. Их сохранение в лингвокультурном пространстве поддерживается религиозными текстами, крылатыми словами, их креативными парафразами и подтверждается современными лексикографическими источниками: (1) *For thine is the kingdom, the power and the glory...*; (2) *Drink to me only with thine eyes* [Ibid.]; (3) '*Thou shalt not covet thy neighbour's automobile!*' *I warned him* [Ibid., p. 1380]; (4) *Physician, heal thyself* [FD]. Высказание (1) — молитва; (2) — цитата из произведения Бена

Джонсона; (3) – юмористический парафраз, (4) – поговорка библейского происхождения.

Некоторые прономинальные формы заполняют лакуны в местоименной подсистеме. Так, наряду с возвратными местоимениями мн. ч. *ourselves* и *themselves* в узус XX в. вошли их внесистемные корреляты ед. ч. *ourself* и *themselves*, по аналогии с категорией 2-го л., где системно сосуществуют формы *yourself* / *yourselves*, разграниченные по признаку числа. Например: *Someone has locked themselves in the attic* [LDELC, p. 426].

За пределами кодифицированной нормы, отмечаются формальные варианты местоимения 2-го л. мн.ч. *yous*, *you all*, *y'all*, *yiz*, *youse*, *youse yins*, *y'uns*, *you guys*, *you lot*, которые стремятся заполнить лакуну в пределах 2-го л., где отсутствует противопоставление по числу, тогда как стандартная форма *you* сохраняет способность актуализировать как мн.ч, так и ед.ч. [Германова, 2017б с. 46; Viber et al., 2007, p. 329–330].

При обращении к функциональному варьированию личных местоимений исследователи исходят из включающего контекста. Ученые-англисты в первую очередь обращают внимание на контекст интродуктивных конструкций, вводимых комплексом *It is*. Ковариантами нормативного употребления в этой конструкции считаются формы номинативного и объектного падежей, т.е. *It is I/he/she* наряду с *It is me/him/her*. При рассмотрении в диахронии, приоритет признается за номинативной формой, однако отмечается, что в указанном типе конструкций объектная форма на протяжении веков успешно конкурировала с номинативной и в настоящее время, по сути, вытеснила последнюю из узуса [Bauer, 1998, p. 134].

Характерно, что в области личных местоимений нередки случаи, когда вариативность нормы ограничивается «официальным» и «неофициальным» вариантами, тогда как нейтральный, стандартный вариант отсутствует. Такое

положение отмечается не только в интродуктивных конструкциях, но и в ряде других, например, в эмфатических, сравнительно-сопоставительных и иных: *She went to the same school as I; She went to the same school as me* [Ibid., p. 460].

Исследователи также отмечают «сложности употребления» (в сущности, функциональное варьирование) местоимения 1-го л. мн.ч. *we*, где разграничиваются инклюзивное и эксклюзивное употребление (включающее либо исключающее адресата) [Biber et al., 2007, p. 329–331].

В британском английском объектная форма местоимения 1 л. мн.ч. *us*, способна (главным образом в позиции косвенного дополнения) брать на себя функцию местоимения 1 л. ед. ч. *me*: *Give us a kiss, love* [Swan, 1995, p. 432].

К функциональным вариантам правомерно отнести и сингулярное *we* (т.н. “королевское *we*”), которое стереотипно приписывается дискурсу монархов и римских пап, однако в настоящее время является крайне низкочастотным [Huddleston, Pullum, 2002, p. 426].

Функциональные варианты в пределах 2-го л. используются для обозначения социума в целом или более близкого круга, включая либо исключая собеседника, а также властные структуры [Swan, 1995, p. 432].

В сфере личных местоимений 3-го лица отмечается варьирование функции, также обусловленное требованиями политкорректности. Так, практически все современные издания отмечают варьирование местоимения в анафорической функции при универсальной и гипотетической референции, в частности, в тех контекстах, где личное местоимение служит анафором к антецеденту – неопределенному местоимению *one*: ср. примеры из американского и британского вариантов соответственно: *What is one to do when he is treated like this? / One should do their best to ensure that such disputes*

are resolved amicably [Huddleston, Pullum, 2002, p. 427]. Второе употребление демонстрирует политкорректный, гендерно-нейтральный узус.

Местоимение 3-го лица *they* и соотнесенное с ним притяжательное *their* стоит особняком в сфере функционального варьирования. В анафорическом употреблении кроме указания на antecedенты мн.ч., оно приобретает способность осуществлять гендерно-нейтральное указание на единичный antecedент, причем обозначающий не только гипотетического или обобщенного референта, но и совершенно конкретного, правда, известного только одному из коммуникантов. Например: *I had a friend in Paris and they had to go to hospital for a month...* [Swan, 1995, p. 529]. Здесь функциональными вариантами анафора *they* могли бы выступить, в зависимости от ситуации, либо *he*, либо *she*, однако женщина-адресант не считает нужным уточнять пол знакомого ей человека, давая понять, что для дальнейшего дискурса это несущественно. С нашей точки зрения, так называемое гендерно-нейтральное *they*, с одной стороны, заполняет лексико-грамматическую лакуну, коррелируя с указанием на множество индивидов мужского гендера и женского гендера по отдельности, а с другой стороны, получает выход во внесистемную область, поскольку способно также указывать и на гендерно-смешанную группу. В этом отношении системная единица *they* коррелирует с рядом внесистемных гендерно-нейтральных местоименных единиц 3-го л., о которых говорилось выше: комплексными образованиями *he or she*, *she or he*, *he/she*, *she/he* и существующей только в письменном канале общения вариантной формой *s/he*. Эти формы признаются не только нормативными, но и обязательными в официальном регистре общественно-политического функционального стиля. Например, в узусе современного американского варианта их место как специальных анафоров к antecedенту с неопределенной, обобщающей или гипотетической

референцией поддерживается и закрепляется издательской практикой: крупнейшие американские издательства и государственные учреждения, выпускающие учебную литературу, наложили запрет на употребление анафорического *he* в описанных выше случаях [Ravitch, 2003, p. 171, 176]. Эти аспекты языковой политики свидетельствуют о воздействии социума на конкретную грамматическую подсистему.

1.3. Понятие транслатологической диверсификации

Современная парадигма гуманитарных наук постоянно уточняет и расширяет свои терминосистемы. Одно из понятий, оказавшихся в поле зрения исследователей в XXI веке, — понятие переводческой (или транслатологической) диверсификации. Само это понятие, как и соответствующий термин, находятся в процессе становления.

В отечественной и зарубежной лингвистической литературе нами не было выявлено единых трактовок понятий «транслатология» и «диверсификация».

К определению обоих понятий существуют два подхода. Первый подход признает данные термины синонимичными, уже имеющимися («переводоведение» и «вариативность» соответственно), тогда как второй подход предлагает рассматривать указанные понятия лишь как частично совпадающие с уже существующими.

В рамках первого подхода в отечественных переводоведческих словарях приводится краткое определение: «Транслатология – то же самое, что переводоведение» [Нелюбин; ТПС]. Аналогичной точки зрения придерживаются и зарубежные исследователи — составители онлайн-

словаря, которые приводят ряд из трех синонимичных терминов: «транслатология», «переводоведение», «традуктология» [YD].

Тем не менее, в силу того, что терминосистемы стремятся к отходу от полностью синонимичных терминов, можно предположить, что термин транслатология будет наполняться новым, более специализированным содержанием [Гайкалова, Петрова, 2019, с. 43].

В рамках второго подхода у ряда зарубежных исследователей намечен отход от синонимии в трактовке терминов «переводоведение» (translation and interpreting studies). Например, Д. Кристал предлагает использовать термин «транслатология» в первую очередь для исследований прикладной направленности, но имеющих под собой теоретическую базу [Crystal, p. 494].

Переводоведение является многоаспектной областью знаний. В связи с этим многие ученые стремятся более отчетливо разграничить соотнесенные термины, чтобы отразить различные аспекты науки о переводе. Например, известный лингвист и переводчик И. С. Алексеева различает десять основных аспектов переводоведения, среди которых особо выделяются **транслатология текста** (то есть теория перевода, ориентированная на текст) и **процессуальная транслатология** (то есть теория процесса перевода) [Алексеева, 2004, с. 49]. В рамках транслатологии текста целесообразно исследовать все текстообразующие факторы исходного и переводящего языков в их сопоставлении и противопоставлении.

Предпосылки формирования нового направления, называемого транслатологией текста, сформировались в конце XX в. Так, известный немецкий переводовед В. Коллер следующим образом сформулировал основные перспективы развития теории перевода, ориентированной на текст: – развитие теоретической и методологической базы для описания отношений эквивалентности в зависимости от типа текста;

- разработка метода анализа текста, ориентированного на перевод;
- анализ и описание проблем перевода, связанных с типом текста;
- сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода с целью установления отношений эквивалентности на уровне лингво-стилистических микроструктур и в то же время на уровне макроструктур текста;
- анализ восприятия культурно-обусловленных типов текста в принимающей культуре;
- разработка специальных теорий перевода для отдельных типов текста [Koller, 2001, p. 126].

Суммируя результаты решения этих задач, лежащих на стыке теории текста, лингвистики текста и типологии текстов, то есть тех направлений, которые обусловили новые подходы к теории перевода, И. С. Алексеева отмечает следующие достижения транслатологии текста:

- на основе коммуникативной лингвистики разработана коммуникативная модель перевода на уровне текста;
- предложена типология текстов, ориентированная на перевод;
- разработан метод лингвистического анализа, ориентированного на перевод;
- заложены основы формирования концепции «стратегия перевода» и разработаны различные стратегии для перевода различных типов текста;
- разработана дидактическая модель, дающая теоретическую основу для обучения переводчиков;
- подготовлены теоретические основы для разработки объективных критериев для оценки перевода [Alexeeva, 2011, p. 1375].

Процессуальная транслатология, в свою очередь, методологически опирается на когнитивные теории и модели, направленные на поиск переводческих решений в процессе перевода. В литературе описаны различные методики, используемые для сбора эмпирического материала,

отражающего процесс перевода. В первую очередь это так называемые «протоколы мышления вслух», достаточно распространенные, но не всегда бесспорные с точки зрения достоверности [Шадрин, 2017, с. 208–214]. Далее, это «челночное» сопоставление черновиков (на этапе собственно перевода и на последующих этапах редактуры и корректуры) и завершенного переводного текста [Петрова, 2006, с. 85–87], а в области устного перевода – все виды автокоррекции переводчика. В области дидактики перевода используется когнитивно-эвристическая модель [Минченков, 2008].

Отличительной чертой транслатологического подхода к переводу является рассмотрение текста как сложного первичного знака, который в свою очередь состоит из вторичных языковых знаков. Как единица коммуникации, текст может быть разделен на сегменты: главы, абзацы, предложения и слова, которые в таком случае характеризуются некоторой неполнотой по сравнению с текстом, поэтому их можно изучать только во взаимосвязи с текстом как первичным знаком. Текст как сложный знак, подобно простому языковому знаку, характеризуется тремя семиотическими измерениями: синтактикой, семантикой и прагматикой.

Описанный подход позволяет решить некоторые теоретические и прикладные задачи переводоведения: создать транслатологическую классификацию типов текста, исследовать переводческие стратегии на различных этапах деятельности переводчика, разработать систему основных критериев оценки перевода и др.

Особенно важным в концепции И. С. Алексеевой представляется разграничение текстовой и процессуальной транслатологии. Вторая разновидность транслатологии ориентирована не столько на собственно текстовые, сколько на дискурсивные аспекты перевода, поскольку она ставит во главу угла динамику речевого произведения (в данном случае – перевода)

с присущими ему категориями когниции, а также внешней и внутренней прагматики.

В лингвистической литературе неоднозначна также трактовка понятия диверсификации.

Например, в работах по сравнительно-историческому языкознанию понятие диверсификации связывается с расхождением родственных языков [Касевич, 2013; Swadesh, 1971].

В области синхронных исследований лингвистическая диверсификация может определяться как разнообразие лексического уровня речи (Комлев).

В квантитативной лингвистике, при определении закономерности распределения частотности слов естественного языка, употребляется термин «семантическая диверсификация» (*meaning diversification*). Степень семантической диверсификации лексической единицы имеет количественные характеристики, учитывающие частотность употребления данной лексической единицы в исходном тексте, принадлежность к частеречному классу, частотность актуализации того или иного значения в тексте и др. [Fan, Altmann, 2008, p. 66-67].

В настоящее время понятие диверсификации широко используется не только в лингвистике [БТСРЯ] и при этом оно всегда связывается с целенаправленной, осознанной деятельностью человека в конкретной сфере, с реализацией определенной стратегии, с динамическими процессами. В свете этого мы предлагаем использовать термин **диверсификация** именно применительно к переводу, как целенаправленной речемыслительной деятельности, для обозначения интенциональных действий переводчика, направленных на достижение адекватности и эквивалентности перевода с использованием таких языковых средств, которые отличны по грамматической (уровневой, разрядовой или иной), стилистической или

функциональной отнесенности от коррелирующих средств оригинального текста [Гайкалова, Петрова, 2019, с. 44].

Крайней степенью диверсификации является, с нашей точки зрения, интерпретативно-коммуникативный метод перевода (см. раздел 1.4), подразумевающий использование таких переводческих приемов (преобразований), применение которых приводит к существенным изменениям семантико-синтаксической структуры текста на языке перевода по сравнению с семантико-синтаксической структурой исходного текста. Данный метод перевода во главу угла ставит не соответствие референтов, а передачу смыслов и интерпретацию содержания исходного сообщения.

К приемам интерпретативно-коммуникативного перевода относят межсемиотический перевод, адаптацию, антонимический перевод, целостное преобразование (переосмысление), компенсацию, опущение, добавление и некоторые другие виды переводческих трансформаций [Корячкина, 2017, с. 92–93].

В таком понимании переводческая диверсификация сопряжена с понятиями вариативности и варьирования, о которых говорилось выше.

Перевод по своей природе вариативен. Как для письменного, так и для устного перевода количество вариантов передачи одного и того же текста может быть сколь угодно большим. Однако диапазон варьирования определенно будет выше в письменном переводе, где у переводчика в силу запаса времени имеется больше возможностей для последующей целенаправленной работы над совершенствованием переводного текста, то есть для перехода от промежуточных вариантов продукта перевода к окончательному варианту.

Мы полагаем, что переводческая интенция при использовании диверсификации на всех этапах перевода направлена на то, чтобы

преодолевать буквализмы, избегать нежелательных, с точки зрения стилистики переводящего языка, повторов, добиваться экспрессивности и естественности звучания переводного текста. В таком случае правомерно утверждать, что термин **вариантность перевода** целесообразно применять для обозначения формальной стороны языковых явлений, для описания собственно **текстовых** параметров продукта перевода и для сопоставительных исследований, а термин **диверсификация** использовать для транслатологического подхода с позиций целенаправленных речемыслительных действий, то есть для описания **дискурсивных** параметров процесса и продукта перевода.

Таким образом, термин **транслатологическая диверсификация**, в противоположность термину **переводческое варьирование** позволяет акцентировать доминирующие функциональный и когнитивный аспекты исследования, не исключая при этом внимания к языковой форме подлинника и перевода. Это вполне отвечает современной тенденции к разграничению терминосистем тех исследовательских подходов, которые направлены на статику лингвистических явлений, то есть, в рассмотренном случае, изучение зафиксированной материально-языковой формы подлинника и перевода, и тех, которые направлены на динамику лингвистических явлений, и, в частности, перевода, то есть на изучение переводческих интенций на основе анализа подлинника и перевода как речевых произведений.

1.4. Стратегии и тактики, методы и приемы перевода

Основными категориями, характеризующими переводческую деятельность, являются понятия стратегии, тактики, метода и приема перевода.

Термин «стратегия перевода» в переводоведении имеет многочисленные трактовки [Сдобников, 2015, с. 130–156]. Нами данный термин определяется как «программа действий переводчика, принятая в рамках работы над конкретным произведением или группой произведений, направленная на достижение цели перевода и реализуемая за счет последовательного, единообразного решения однотипных переводческих задач посредством применения конкретных тактик перевода» [Петрова, 2017, с. 100]. Так, широко известными являются стратегии доместикации и форенизации [Venuti, 2003].

Нужно отметить, что мы используем данный термин с определенной степенью условности, поскольку изучение стратегии перевода требует не только наблюдения результатов перевода, или «этической» (*etic*) позиции наблюдателя, но и взгляда «изнутри», или «эмической» (*emic*) позиции [Smith, Bond, 1998, p. 47] исследователя, участвующего в процессе перевода. Последняя позиция возможна только в рамках научных проектов, включающих непосредственное наблюдение процесса перевода, к которым настоящее исследование не относится, поскольку оно проведено на материале готовых переводов художественного дискурса.

Под тактикой перевода мы понимаем конкретный способ достижения цели перевода с учетом выработанной стратегии перевода. В реальности для достижения цели перевода и осуществления определенной стратегии перевода требуется применение многих тактик, которые взаимно дополняют друг друга.

Во второй главе настоящей работы в предложенной нами методологии проводится **анализ, ориентированный на траслатологическую диверсификацию местоимений (АОТДМ)**, состоящий из трех этапов (подробнее см. 2.1.):

- первый этап включает анализ английских личных местоимений, функционирующих в дискурсе оригинала;
- второй этап представляет анализ ТД актуализированных вариантов английских личных местоимений при переводе на РЯ (за единицу анализа принимается местоимение); данный этап подразумевает гипотетическое «восстановление» буквального перевода включающих дискурсивных фрагментов (отрывков) оригинала;
- третий этап содержит анализ результирующих переводческих преобразований включающих фрагментов дискурса оригинала.

Вслед за А.В. Корячкиной под высказыванием понимается, «служащая для номинации события в актуальном для говорящего аспекте, имеющая конкретный для данной ситуации смысл, учитывающая условия коммуникации и отношения между коммуникантами» [Корячкина, 2017, с. 38]. Высказывание в художественном дискурсе оформляется языковыми средствами и, как правило, соотносится с предложением.

Под дискурсивным фрагментом (фрагментом дискурса, отрывком дискурса, или дискурсивным отрывком) нами понимается сегмент исходного или переводного дискурса, выделяемый в исследовательских целях для анализа переводческих преобразований английских личных местоимений, стратегий и тактик перевода, а также для установления факторов преобразований. Этот сегмент должен быть по возможности минимальным, в то же время его границы обусловлены особенностями перевода как результата ТД и определяются в каждом случае отдельно.

С учетом вышесказанного, термины «стратегия перевода» и «тактика перевода» используются на втором этапе АОТДМ в целях описания преобразований при передаче собственно актуализированных английских личных местоимений на РЯ. В то же время термины «метод перевода» и

«прием перевода» употребляются для описания третьего этапа анализа результирующих преобразований отрывков дискурса, включающих рассматриваемые варианты английских личных местоимений. Такое разделение терминов принято нами с тем, чтобы более эксплицитно представить результаты анализа этих двух этапов.

Метод перевода определяется как совокупность различных операций, к которым прибегает переводчик для установления подобия между текстами, «которое может быть воспринято человеком иной культуры, иного языка, иной исторической эпохи» [Гарбовский, 2007, с. 14]. То есть метод является общим принципом переработки материала при переходе от единиц одного языка к единицам другого языка, получающий выражение на микротекстуальном уровне в виде совокупности переводческих приемов.

Прием перевода (переводческий прием) понимается как элементарное переводческое действие по представлению единицы сообщения на исходном языке в виде единицы сообщения на переводящем языке. Такое переводческое действие может быть принято переводчиком по объективным или субъективным причинам, осознанно или интуитивно в ходе реализации некоторого плана действий, который может осуществляться как алгоритмическим, так и эвристическим образом [Корячкина, 2017, с. 80].

Отмечается, что в переводоведении наряду с термином «прием» используются термины «преобразование», «процедура», «стратегия», «тактика», «решение», «сдвиг», «техника», «трансформация» и др., которые в широком смысле можно считать взаимозаменяемыми, поскольку различие в их трактовках определяется степенью конкретности действия и интенсивностью приложения когнитивных и креативных усилий [Там же]. В данной работе мы принимаем эту точку зрения.

Использование того или иного метода и приемов перевода обусловлено целями и задачами перевода с учетом характеристик его получателей [Комиссаров, 2002, с. 135–150; Nida, 1964, p. 156]. Исследователи выделяют различные методы перевода, в частности, к четырем основным методам относят филологический, буквальный, интерпретативно-коммуникативный и свободный [Корячкина, 2017, с. 82; Hurtado Albir, 2001, p. 251].

Для настоящей работы наиболее важными являются буквальный (линейный) и интерпретативно-коммуникативный (нелинейный) методы перевода.

Буквальный (или, более широко, трансформационно-семантический) [Корячкина, 2017, с. 82] метод перевода включает приемы, благодаря которым в переводном тексте можно воспроизвести форму, морфологические, синтаксические, лексико-семантические и стилистические особенности исходного текста, а также обеспечить функциональную тождественность оригинала и перевода. Результат применения данного метода в переводоведении традиционно описывается как перевод «слово в слово».

Интерпретативно-коммуникативный метод основан на коммуникативных [Комиссаров, 2002; Швейцер, 1973, 1988; Nida, 1964], интерпретативных [Алексеева, 2004; Левый, 1974; Минченков, 2008; Seleskovitch, 1995] и некоторых других моделях перевода. В основе коммуникативных теорий перевода лежит представление о переводе как двуступенчатом коммуникативном акте, состоящем из первичного речевого акта (между говорящим и переводчиком) и вторичного речевого акта (между переводчиком и адресатом), при этом на первый план выдвигаются коммуникативно-прагматические основы перевода [Корячкина, 2017, с. 100]. В основе интерпретативной модели, предложенной Д. Селескович, лежит

представление о переводе как трехэтапном процессе: на первой стадии переводчик воспринимает последовательность языковых знаков и выявляет их значение, на второй стадии девербализации выводит смыслы, преодолевая условность установленных формальных знаковых связей, на третьей стадии ревербализирует выявленные смыслы [Корячкина, 2017, с. 101; Seleskovitch, 1995, р. 22–26].

Интерпретативно-коммуникативный метод объединяет приемы, использование которых влечет значительные отклонения семантико-синтаксической структуры текста на языке перевода от семантико-синтаксической структуры исходного сообщения. Результат данного метода в переводоведении описывается как перевод «смысл в смысл».

Рассматриваемые методы в терминах других исследователей обозначаются как «прямой» (direct) и «уклончивый» (oblique) методы перевода [Vinay, Darbelnet, 1995], «формальная эквивалентность» (formal equivalence) и «динамическая эквивалентность» (dynamic equivalence) [Nida, 1964], «буквальный» (littérale) и «рефлексивный» (réfléchi) переводы [Seleskovitch, 1975], «открытый» (overt) и «скрытый» (covert) типы перевода [House, 1981], «семантический» (semantic) и «коммуникативный» (communicative) методы [Newmark, 1988, 1991] и др. [Корячкина, 2017, с. 83].

Методы перевода не следует рассматривать изолированно, т.к. в реальной переводческой деятельности один метод сменяется другим и любой перевод можно охарактеризовать как более семантический (буквальный) или коммуникативный (интерпретативный) [Newmark, 1991, р. 10].

Наше исследование имеет своей целью объяснение и обобщение наблюдаемых явлений и не направлено на оценивание или исправление переводческих решений.

В данной работе термины переводчик и интерпретатор художественного дискурса используются как взаимозаменяемые.

Следуя идее множественности перевода [Левин Ю. Д., 1992, с. 213; Федоров, 2002, с. 198; Топер, 2000, с. 228], мы полагаем, что любые переводные высказывания на русском языке (РЯ) являются одним из вариантов перевода высказываний на английском языке (АЯ), поэтому можно говорить о переводческом варьировании и транслатологической диверсификации (ТД) (см. раздел 1.3).

Анализ материала проведен в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, учитывающего языковые, культурологические, семиотические и когнитивные аспекты переводческой деятельности. Перевод художественного дискурса понимается как структурированный когнитивный процесс, результатом которого является вариант художественного произведения на другом языке.

Мы разделяем идею о том, что перевод представляет собой «процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста» [Минченков, 2008, с. 160].

Процесс перевода включает такие когнитивные механизмы, как восприятие (формирование образов), внимание, мышление (интерпретация), память, вероятностное прогнозирование и является многоэтапным, «челночным», то есть допускающим возврат к предыдущим этапам с целью рече-мыслительной верификации результатов и саморедактирования и [Петрова, 2006, с. 83–84].

Мы также разделяем идею о том, что «референтом высказывания является ситуация», то есть совокупность актуализированных в момент «сказывания» в сознании говорящего элементов действительности, их

состояния и взаимосвязи, и что при формировании сообщения говорящий выбирает те языковые средства и категории, которые позволяют отразить его понимание предметной обстановки и выразить отношение к ней [Гак, 1973, с. 358–359; Корячкина, 2017, с. 38; Chafe, 1994, p. 63].

Факторы и приемы перевода устанавливаются по наблюдаемым прямым и косвенным данным в переводном тексте, представляющим «единственную материализованную сущность, которая при сопоставлении с исходным речевым произведением позволяет приоткрыть завесу тайны над переводческой деятельностью» [Гарбовский, 2007, с. 9].

Выводы по главе 1

Местоимения представляют немногочисленный и, по мнению большинства исследователей, закрытый класс слов, выделяемый на особых основаниях. Основанием для выделения данной части речи является значение, дифференцируемое только в контексте и присущее только данным языковым единицам.

В системе частей речи класс местоимений является промежуточным, обладающим признаками как знаменательных, так и служебных слов.

Существуют различные подходы к определению состава разряда личных местоимений. В широком понимании, принятом в данной работе, к личным местоимениям относятся все прономинальные разряды, выражающие категорию лица, а именно: собственно-личные, притяжательные и возвратные местоимения.

Ввиду крайней степени абстрактности и отвлеченности местоименного значения, которое невозможно дифференцировать вне контекста, местоимения обладают свойством интерпретативности, т.е. способности выступать объектом интерпретации.

В сравнительно-типологическом аспекте расхождения для разряда собственно-личных местоимений в русском и английском языках заключаются в выражении категорий числа, падежа и рода; для разряда притяжательных местоимений – количестве разновидностей (парадигм), выражении категорий падежа и рода; для разряда возвратных местоимений – в выражении категорий лица, рода, падежа.

Языковая норма может пониматься в широком и узком смысле данного термина. В широком смысле, языковая норма представляет традиционные, стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данную разновидность

языка от других разновидностей. В таком понимании норма приближается к понятию узуса, под которым понимаются устоявшиеся, общепринятые способы использования данного языка. Языковая норма в узком смысле является результатом кодификации языка, т.е. отбора и фиксации определенных средств языка как образцовых с целью рекомендации их для употребления. Норма, как правило, рассматривается на различных уровнях языка и может быть рассмотрена как в статическом, так и динамическом аспекте.

Термин «вариативность языка» имеет две трактовки: во-первых, это неотъемлемое свойство языковой системы к изменению и способность к созданию новых средств выражения на всех языковых уровнях; во-вторых, это способ функционирования языковых единиц, предполагающий различные соотношения формы, содержания и функции языкового знака в синхронии.

На основании различных критериев выделяются такие виды вариативности, как территориальная, социальная, ситуативная, коллективная, индивидуальная, историческая, вариативность устной и письменной речи.

Общенациональный язык можно представить в виде полевой структуры, в центре которой находится литературный язык с кодифицированной литературной нормой, а языковые разновидности, проявляющие вариативность, отдаляются от центра (ядра) по мере возрастания степени отклонения от литературной нормы.

Диалектная и социальная вариативность английского языка Великобритании и США характеризуется наличием множества диалектов, отношение к которым со стороны социума и представителей лингвистической науки изменилось с середины прошлого века.

В связи с этим в настоящее время наблюдается изменение отношения к кодифицированной норме, граница между правильностью и неправильностью речи становится более подвижной, социально одобряемыми становятся языковые явления, прежде расценивавшиеся как ненормативные.

Переводоведение является многоаспектной наукой, в которой наряду с другими аспектами выделяются транслатология текста (теория процесса перевода, ориентированного на текст) и процессуальная транслатология (теория процесса перевода), при этом процессуальная транслатология методологически связана с когнитивными теориями и моделями, описывающими поиск переводческих решений в процессе перевода.

В рамках процессуальной транслатологии для обозначения целенаправленной когнитивной деятельности переводчика, его интенциональных переводческих поступков, направленных на достижение адекватности и эквивалентности перевода, с использованием языковых средств принимающего языка, отличных по грамматической природе, стилистической и функциональной отнесенности от коррелирующих средств исходного языка, мы предлагаем использовать термин транслатологическая диверсификация.

Данный термин описывает процесс перевода с позиции целенаправленных речемыслительных действий переводчика, как его когнитивную деятельность по анализу и интерпретации исходного дискурса и порождению переводного дискурса, имеющую целью преодоление буквализмов, достижение экспрессии и естественности звучания переводного текста.

Стратегия перевода понимается как принятая программа действий переводчика, направленная на достижение цели перевода и реализуемая за

счет последовательного, единообразного решения однотипных переводческих задач посредством применения тактик перевода.

Тактика перевода определяется как конкретный способ достижения цели перевода. Для осуществления определенной стратегии перевода требуется применение многих тактик, взаимно дополняющих друг друга.

Термины «стратегия перевода» и «тактики перевода» используются для описания этапа анализа транслатологической диверсификации актуализированных вариантов личных местоимений.

Метод перевода представляет собой общий подход к подготовке текста на языке перевода, который находит выражение в виде совокупности переводческих приемов.

Прием перевода определяется как элементарное переводческое действие по представлению единицы исходного сообщения в виде единицы сообщения на переводящем языке, которое предпринимается переводчиком по объективным или субъективным причинам в ходе реализации переводческой стратегии.

Методы перевода и приемы перевода исследуются на этапе анализа результирующих переводческих преобразований, т.е. транслатологической диверсификации на уровне отрывков дискурса.

Двумя основными методами перевода являются буквальный перевод («слово в слово») и интерпретативно-коммуникативный перевод («смысл в смысл»). Данные методы не являются обособленными; любой перевод обнаруживает черты как одного, так и другого подхода: является в большей степени буквальным или в большей степени интерпретативным.

В рамках выбранной методологии, анализ, ориентированный на транслатологическую диверсификацию местоимений, состоит из трех этапов: изучения варьирования личных местоимений в английском языке и дискурсе

оригинала; анализа преобразований актуализированных вариантов английских личных местоимений и анализа результирующих комплексных переводческих трансформаций дискурсивных фрагментов, включающих актуализированные варианты английских личных местоимений.

ГЛАВА 2. Варьирование и транслатологическая диверсификация личных местоимений английского языка

2.1. Диапазон варьирования личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе

В современной лингвистике термин «дискурс» близок по смыслу к термину «текст», однако первый подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени процесс языкового общения, а второй обозначает статический объект, результат языковой деятельности. «Предпочтительным является такое понимание термина «дискурс», которое включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (т.е. текст)» [Кибрик, 2003, с. 10]. Показателен в этом отношении термин «дискурс-текст», введенный А. И. Варшавской [Варшавская, 1984, с. 50]. Мы согласны с тем, что разделение понятий текста и дискурса не является актуальным [van Dijk, 1998, p. 194] и данные термины могут использоваться как взаимозаменяемые.

Художественный дискурс понимается нами как коммуникативный акт между автором художественного произведения и реципиентом. Коммуникантами в таком случае являются автор, порождающий дискурс и определяющий его форму, и читатель (переводчик), воспринимающий дискурс и интерпретирующий его содержание.

В художественном дискурсе чрезвычайно важное значение имеет эстетическая информация [Лилова, 1985, с. 233; Федоров, 2002, с. 338], которая передается с помощью образных концептов (целостных художественных образов). Эти образные концепты отграничены от первичных, создаваемых реальной действительностью, и являются вторичными [Казакова, 2002, с. 21], поскольку сама художественная

литература, как вид искусства, является вторичной моделирующей системой [Бахтин, 1979, с. 239; Лотман, 2005, с. 21, 33]. Образы художественного дискурса неразрывно связаны с языком, поскольку создаются на материале слова [Кухаренко, 1988, с. 4; Федоров, 2002, с. 338–339; Fowler, 1977, р. 71]. Художественное произведение может отражать определенный язык в целом (с учетом преломления его в художественном тексте), поскольку для воплощения авторского замысла допустимо использование всех возможностей языка и элементов любых функциональных стилей [Федоров, 1963, с. 10].

Художественное произведение представляет «многостильное, разноречивое, разноголосое явление. Исследователь сталкивается в нем с несколькими разнородными стилистическими единствами, лежащими иногда в разных языковых планах и подчиняющимися разным стилистическим закономерностям» [Бахтин, 2017, с. 5]. Различные стилистические единства, входящие в художественное произведение, образуют в нем «стройную художественную систему и подчиняются высшему стилистическому единству целого, которое нельзя отождествлять ни с одним из подчиненных ему единств» [Там же].

Различают несколько функционально-смысловых подтипов художественного дискурса, «вложенных» в художественное произведение: традиционный нарратив (обычно 3-го лица с экзегетическим повествователем), свободный косвенный дискурс (внутренний монолог героя или передача чужой речи), художественный диалог (прямая речь персонажей), а также некоторые другие [Падучева, 2010, с. 205].

Каждый из указанных подтипов дискурса характеризуется особыми грамматическими подсистемами. Так, в традиционном нарративе отсутствуют некоторые дейктические элементы языка, а также существуют

ограничения на типы иллокутивного речевого акта. В художественном диалоге отсутствуют фатические реплики, этикетные высказывания и т.п., и весь текст подвергается компрессии, приближаясь к кодифицированной грамматике нарратива. В свободном косвенном дискурсе дейктические элементы возвращаются в распоряжение героя, заменившего повествователя [Гайкалова, 2018а, с. 328].

При переводе художественного дискурса одной из основных целей на уровне текста (дискурса) является создание стилистического целого на языке перевода. Данной цели подчинены стилистические задания (цели перевода) на микроуровне, направленные на создание определенных стилистических эффектов на языке перевода.

Наличие варьирования, свойственного живой речи, имеет давнюю историю отражения в художественном дискурсе и играет особую роль в литературе постмодернизма [Швейцер, 1988, с. 16; Германова, 2017, с. 41]. Территориально и социально обусловленные варианты могут употребляться автором, как в речи персонажей, так и в нарративе и использоваться: 1) как основное языковое средство текста — в авторской речи и диалогах героев; 2) в качестве речевой характеристики отдельных персонажей.

Литературный диалект не является полным или точным воссозданием особенностей того или иного существующего диалекта, а лишь отражает представление автора о реальном прототипе и является стилизацией⁴, искусственным, частичным отображением последнего [Голованова, 2012, с. 60; Ives, 1971, р. 148, 159]. По мнению исследователей, полное воспроизведение отличительных черт диалекта в художественном дискурсе нежелательно, поскольку может затруднить восприятие текста и снизить его

⁴ Под стилизацией в настоящей работе понимается отражение языковой дифференциации в художественном тексте, создание литературного диалекта.

художественное воздействие [Bowdre, 1971, p. 179; Krapp, 1971, p. 24]. Дialeктные черты, как в речи героев, так и в нарративе могут актуализироваться нерегулярно, чередуясь с литературными вариантами – подобно тому, как это происходит в живой речи. Такой прием используется авторами для достижения большей реалистичности. Для стилизации обычно выбираются наиболее характерные черты реально существующего диалекта. Речь героев низкого социального положения, комических или гротескных персонажей бывает утрированной, то есть диалектные черты в ней могут встречаться чаще, чем в среднем в реальной речи на данном диалекте. В некоторых случаях литературный диалект может явиться набором ложных черт, не имеющих соответствий в реально существующих территориальных или социальных диалектах [Ives, 1971, p. 176].

В художественном дискурсе могут быть изображены диалектные особенности любого языкового уровня. Наибольшую трудность представляет изображение ненормативных черт произношения, поскольку литературные алфавиты, в отличие от фонетических, не приспособлены для передачи всей полноты фонологических различий [Голованова, 2012, с. 62].

Для изображения устной речи посредством письменной используются графоны, или условные способы графической фиксации отклонений от произносительной нормы. Графон трактуется как «ассоциативный стилистический прием фонологического уровня, который реализуется путем нарушения орфографической нормы» [Емельянова Л. Л., 1976, с. 107]. С помощью данного приема в сжатой форме можно передать информацию о социально-территориальной принадлежности говорящего, его физическом или эмоциональном состоянии (дефекты речи, хезитация и т.п.), изобразить «небрежную» разговорную речь или общение в неформальной обстановке.

Традиционным способом изображения диалекта является прием использования зрительного диалекта (*eye dialect*), или нарушения орфографической нормы, не отражающего изменений в произношении или каких-либо фонологических черт реального диалекта [Bowdre, 1971, p. 1794; Krapp, 1971, p. 24; Wolfram, Schilling-Estes, 2000, p. 308]. Данный прием базируется на том, что отклонения от орфографической нормы, даже при обозначении нормативного произношения, интерпретируются реципиентом как признак «низкого социального и культурного уровня говорящего» [Кухаренко, 1988, с. 20].

Результатом использования такого стилистического приема зачастую становится омография: в случае местоимений прономинальная форма может либо совпадать с местоимением другого разряда (например, притяжательное местоимение *tu* репрезентируется как объектная форма собственно-личного местоимения *me*), либо с другой частью речи (например, местоимение *I* репрезентируется как междометие *Ah*).

В художественном дискурсе зрительный диалект применяется для характеристики героя как необразованного или комического, для создания местного колорита, эффекта неформального общения или как альтернативное средство при нежелании автора изображать реальные диалектные особенности [Bowdre, 1971, p. 179, 181–184; Ives, 1971, p. 154; O'Donnell, Todd, 1980, p. 130; Wolfram, Schilling-Estes, 2000, p. 308].

В изученных художественных произведениях на АЯ речь героев, содержащая диалектные черты, имеет либо определенную территориальную отнесенность (которая выражена в нарративе эксплицитно или может быть выведена из информации об указанном месте действия), либо является неопределенно-диалектной в том случае, когда в повествовании не указаны какое-либо реально существующее место действия и территориальная

отнесенность речи персонажа. И в том, и в другом случае речь персонажей, содержит как черты диалектного (вернакулярного) характера, так и разговорные черты.

Диалектная речь с определенной территориальной отнесенностью отмечена как у основных героев изученных англоязычных произведений (например, черты лондонского диалекта в романе М. Эмиса «Лондонские поля», диалекта Глазго в романе И. Уэлша «На игле», диалекта каджун в романе Т. Хоуг «Девушка Лаки»), так и у второстепенных и эпизодических персонажей (например, черты афроамериканского английского в романе М. Митчелл «Унесенные ветром», черты кокни в романе И. Уэлша «На игле»). Черты ноттингемского диалекта встречаются в речи основных и второстепенных персонажей, принадлежащих к рабочему классу, в произведениях А. Силлитоу.

Неопределенно-диалектный характер речи отмечается у одного из главных героев произведений Дж. Роулинг о Гарри Поттере, полувеликана Рубеуса Хагрида.

В настоящем исследовании в предложенной нами методологии анализ материала состоял из трех этапов. Первый этап состоит в анализе случаев актуализации английских личных местоимений в дискурсе оригинала. Второй этап можно охарактеризовать, как анализ транслатологической диверсификации личных местоимений, актуализированных в исследуемых фрагментах англоязычного художественного дискурса; он направлен на изучение трансформаций, которым подвергается местоимение при переводе на РЯ. Другими словами, на данном этапе осуществляется гипотетическое «восстановление» буквального перевода рассматриваемых дискурсивных отрывков и изучается переводческое варьирование их местоименной составляющей. На третьем этапе анализируются результирующие

комплексные переводческие преобразования изучаемых фрагментов дискурса (как итог многократных переводческих итераций при транслатологической диверсификации).

В ходе анализа отдельно рассматривались варьирование формы местоимений и варьирование их функции в дискурсе оригинала.

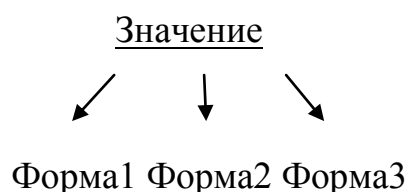
Под формой понимается морфологическая форма местоимения независимо от синтаксической функции. Например, в некоторых диалектах Великобритании местоимение 3-го л. мн.ч. имеет форму номинативного падежа *theys*.

В данной работе для обозначения формы номинативного падежа местоимений используется термин «номинативная форма», а для обозначения формы объектного падежа используется термин «объектная форма».

Функция определяется нами как синтаксическая функция независимо от словоформы. Например, объектные формы личных местоимений могут выполнять номинативные функции и наоборот: *Her told us the news. He saw they* [Trudgill, 1999, p. 95]. Для обозначения диалектного варьирования функции местоимения в лингвистике также применяется термин замена местоимения (*pronoun exchange*) [Ibid.].

Графически варьирование формы и функции и их связь с грамматическим значением можно представить следующим образом:

Варьирование формы

Варьирование функции

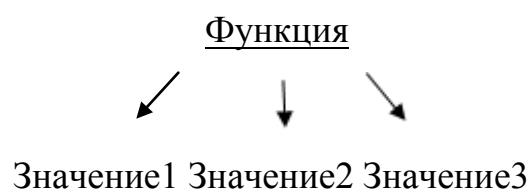

Рис. 1 Связь формы, функции и грамматического значения.

Для целей исследования за точку отсчета принимаются нормы прескриптивной грамматики. Мы проводим сравнение формы актуализированных местоимений с нормативной парадигмой, а функций — со стандартными функциями, предписанными прескриптивной грамматикой. Те случаи, в которых узуальное использование не соответствует прескриптивной норме, мы расцениваем как нестандартные. Термины «ненормативный» и «нестандартный» в данной работе используются как взаимозаменяемые и не имеют негативной коннотации.

При анализе англоязычного художественного дискурса были выделены следующие случаи **варьирования формы личных местоимений**:

1. Фонетическое варьирование, представленное графическими средствами.

Художественный текст является отражением устной речи в письменной [Лотман, 2005, с. 105], поэтому мы считаем правомерным рассмотрение фонетических вариантов местоимений, записанных графическими средствами, наряду с морфологическими вариантами.

Пример 1

Ah doubt if Sick Boy even saw them.

[Welsh, 2013, p. 5]

В примере 1 личное местоимение 1-го л. ед.ч. *Ah* отражает произносительные особенности диалекта Глазго.

2. Морфологическое варьирование.

Пример 2

— Beat it, for God's sake, all of **youse**, — whispered Heggglund, excitedly.

[НКРЯ]⁵

⁵ Для примеров, в которых использованы материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), информацию об авторе, произведении и переводе, представленную в корпусе, можно найти в Приложении 4.

В примере 2 актуализирована форма личного местоимения 2-го л. мн.ч. *youse*, квалифицируемая как нестандартная [CD; FD] и диалектная [Svartvik, Leech, 2006, p. 169, 186; OED].

Исследователи отмечают, что большинство современных морфологических вариантов английских личных местоимений прослеживается на разных этапах развития АЯ [Hernandez y Siebold, 2010, p. 17–33].

В Приложении 1 (Таблица 1 и Таблица 2) в сравнении со стандартной парадигмой приведены все нестандартные формы личных местоимений, представленные в нашей выборочной совокупности.

На исследованном материале были установлены следующие случаи **варьирования функции** личных местоимений:

1. Объектные формы местоимений 1-го и 3-го лица ед. и мн.ч. *me, us, him, her, them* в функции предикатива (см. примеры 4, 5, 26);
2. Объектная форма местоимения 1-го л. ед.ч. *me* в функции подлежащего, в том числе в ряду однородных членов (см. пример 6);
3. Объектная форма местоимения 1-го л. ед.ч. *me* в функции подлежащего, в плеонастическом употреблении (см. пример 13);
4. Объектная форма местоимения 1-го л. ед.ч. *me* в функции подлежащего в эллиптических высказываниях (см. пример 5);
5. Объектная форма местоимения 1-го л. ед.ч. *me* в функции определения (притяжательного местоимения) (см. пример 15);
6. Объектная форма местоимения 1-го л. мн.ч. *us* в функции подлежащего в придаточных предложениях (см. пример 22);
7. Объектная форма местоимения 1-го л. мн.ч. *us* в функции дополнения с референтом ед.ч. (см. пример 9);

8. Номинативная форма местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. *he* в функции дополнения (см. пример 58);
9. Номинативная форма местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *she* в функции определения (притяжательного местоимения) (см. пример 77);
10. Номинативная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *they* в функции определения (притяжательного местоимения) (см. пример 97);
11. Номинативная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *they* в функции десемантизированного элемента *there* бытийной конструкции (см. пример 107);
12. Объектная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *them* в функции определения (указательного местоимения) (пример 101);
13. Номинативная (нестандартная) форма местоимения 3-го л. мн.ч. *dey* в функции определения (притяжательного местоимения) (см. пример 103);
14. Объектная (нестандартная) форма 3-го л. мн.ч. *dem* в функции определения (указательного местоимения) (см. пример 104);
15. Собственно-притяжательная форма местоимения 3 л. ед.ч. нейт./ неоп. *its* в функции определения (притяжательного местоимения 3 л. ед.ч. ж.р.) (см. пример 114);
16. Возвратные местоимения 1-го л. ед. и мн.ч. и 3-го л. ед.ч. м. и ж.р. *myself, ourselves, himself, herself* в функции подлежащего в плеонастическом употреблении (см. примеры 134, 135, 136, 142, 143);
17. Возвратное местоимение 1-го л. ед.ч. *myself* в функции подлежащего (см. пример 136);
18. Возвратное местоимение 1-го л. ед.ч. *myself* в функции дополнения без antecedента в плеонастическом употреблении (см. пример 137);

19. Возвратные местоимения 1-го л. ед.ч. 2-го л. ед.ч. *yourself, thyself* (нестандартная форма) в функции дополнения без antecedента (см. примеры (см. пример 128, 129).

Таким образом, было выявлено, что в англоязычном художественном дискурсе у личных местоимений наблюдается варьирование формы и синтаксической функции.

Выявленные формы личных местоимений относятся к нормативным, просторечным, диалектным вариантам английских личных местоимений (см. Приложение 1: Таблица 1, Таблица 2).

Формы личных местоимений могут варьировать по синтаксической функции: было выявлено 19 типов варьирования синтаксической функции личных местоимений (см. Приложение 1: Таблица 3, Таблица 4).

Варьирование формы и функции английских личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе, наряду с использованием других диалектных черт и отклонений от нормы, служат для характеристики персонажей, указывают на их социальный статус или принадлежность к социальному классу и создают территориальный колорит, а также могут являться маркерами регистра речи. При варьировании функции местоименных форм могут создаваться дополнительные эффекты: эмоционального усиления, комичности, иронии, о которых подробнее сказано ниже.

2.2. Транслатологическая диверсификация английских личных местоимений

В разделе рассматривается ТД актуализированных вариантов английских личных местоимений, тактики и стратегии их перевода, а также результирующие переводческие приемы, примененные при ТД.

Далее будет показано, что выбор тактики, как правило, зависит от выбранной переводческой стратегии, типа дискурса, интенции переводчика создать определенный стилистический эффект и других факторов.

Под стилистическим эффектом понимается заложенное в высказывании и актуализированное в нем с помощью специальных языковых средств намерение автора речи (и переводчика, как создателя речи автора оригинала средствами другого языка) вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию на это высказывание.

В данной главе анализ рассматриваемых случаев представлен по местоименным разрядам в следующем порядке: собственно-личные, притяжательные и возвратные местоимения.

Перейдем к рассмотрению случаев ТД английских собственно-личных местоимений, а также выявлению переводческого потенциала актуализированных вариантов и основных факторов переводческих преобразований.

В настоящей работе при анализе результирующих приемов перевода используется уточненная таксономия переводческих приемов, предложенная в работе А. В. Корячкиной и основанная на типологиях, которые были разработаны в рамках общей теории перевода [Корячкина, 2017, с. 80–99].

2.2.1. Собственно-личные местоимения

Собственно-личные местоимения (с двумя наборами падежных форм — номинативного и объектного падежей) обладают парадигмой персональности, т.е. способны выражать грамматические значения 1-го, 2-го и 3-го лица и сопряженное с ними грамматическое значение числа. Собственно-личные местоимения 3-го лица ед.ч. выражают также категорию

рода и сопряженную с ней категорию одушевленности/неодушевленности.

Отметим, что с точки зрения лингвокультурологии собственно-личные местоимения (также как притяжательные и возвратные) являются одним из средств лексического выражения оппозиции «свой-чужой» (в зарубежной лингвистике используется термин *us vs. them dichotomy/category*). «Свой-чужой» – это универсальная категория, основывающаяся на самоотождествлении личности с определенной общностью, принимаемой как «свой», и отграничении себя от некоего континуума, соотнесение с которым определяет «чужих» [Матвеева, 2011, с. 71].

При рассмотрении всех подразрядов личных местоимений последовательность примеров упорядочена по лицам и числам следующим образом: 1-е л. ед.ч., 1-е л. мн.ч., 2-е л. ед.ч. и т.д.

2.2.1.1. Местоимение 1-го л. ед.ч.

В коммуникативном процессе местоимение 1-го л. ед.ч. выполняет дейктическую функцию: в каждой ситуации общения оно задает точку отсчета, ориентированную на говорящего («я – здесь – сейчас»). По словам Э. Бенвениста, оно служит инструментом «обращения языка в речь» [Бенвенист, 1974, с. 288].

Некоторые исследователи подчеркивают многоаспектность природы «я» [Степанов, 1981; Падучева, 1993; Апресян, 1995; Леонтьев, 2000; Попова, 2006]. Так, Е. В. Падучева, понимая под «я» центр канонической речевой ситуации (коммуникативного акта), организующий семантическое пространство высказывания, говорит о том, что «я» представляет собой сложное, целостное единство, способное выступать субъектом речи, субъектом действия, субъектом сознания, субъектом наблюдения

[Падучева, 1993, с. 34].

В художественном дискурсе, в силу своей особой коммуникативной функции, местоимение 1-го л. ед.ч. наиболее часто актуализируется в художественном диалоге, свободном косвенном дискурсе (СКД) и традиционном нарративе «с перволичной повествовательной формой» [Падучева, 2010, с. 204].

2.2.1.1.1. ТД местоимения 1-го л. ед.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений

Начнем с рассмотрения случаев, когда в переводном высказывании местоимение 1-го л. ед.ч. остается в пределах 1-го лица разряда собственно-личных местоимений. К таким случаям относится блок примеров 3–7, где ведущим фактором переводческого преобразования является узус РЯ.

Пример 3

Худ. диалог Нормативная форма: <i>I</i>	— Yes, <u>I</u> quite agree”. [НКРЯ]	— [Ø] Совершенно с тобой согласен. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 3 представлена реплика персонажа, содержащая номинативную форму местоимения 1 л. ед.ч. *I*.

В высказывании на РЯ, учитывая дискурс художественного диалога, интерпретатор прибегает к эллипсису подлежащего, поскольку это «придает речи динамичность, ускоряет ее темп, вносит разговорный оттенок» [Розенталь, Гл. 39].

Эллипсис местоимения в позиции подлежащего или дополнения, в терминологии некоторых исследователей *нулевое анафорическое местоимение* (НАМ) [Тестелец, 2001, с. 307–310], является широко используемым в РЯ.

Исследователи связывают этот факт с наличием системы глагольных флексий, богатой падежной парадигмой и относительно свободным порядком слов, объясняя данное явление действием принципа языковой экономии [Петрова, 1992, с. 168].

В литературе по когнитивной лингвистике высказывается гипотеза о том, что «когнитивным источником референциального выбора является степень активации референта в памяти или сознании говорящего: при низкой активации используется полная референция, при высокой – редуцированная (местоимение или нуль)» [Кибрик, 2003, с. 48].

С точки зрения ТД местоимения, реализована **тактика прономинализации с использованием НАМ**, т.е. замена местоимения исходного высказывания нулевым анафорическим местоимением в переводном высказывании.

Применен переводческий прием имплицитации (элиминации грамматической или семантической избыточности), относящийся к линейному методу перевода. Основной причиной данного преобразования является стремление создать стилистический эффект живой разговорной речи.

Далее в примерах 4–6 рассмотрим случаи ТД при реализации нестандартных функций местоимения 1-го л. ед.ч. в высказываниях на языке оригинала.

Пример 4

Худ. диалог Нормативная форма: me Нестандартная функция	— It's me , — barked a very angry-sounding Lily. [НКРЯ]	— Это я ! — сердито рывкнула в трубку Лили. [НКРЯ]
--	---	--

В примере 4 в реплике на АЯ актуализирована объектная форма *me* в функции предикатива. Правилами прескриптивной грамматики в данном случае предписывается употребление номинативной формы местоимения.

Результаты корпусных исследований показывают, что в узусе наиболее частотны объектные формы, а в художественной литературе в данной функции встречается как номинативная, так и объектная формы [Biber et al., 2007, p. 336]. Тем не менее, конвенции художественной литературы продолжают рассматривать данные формы как маркированные.

Некоторые исследователи объясняют такое употребление объектной формы местоимения 1-го л. ед.ч. особенностью речевой ситуации, в которой говорящий «категоризует себя в качестве предмета речи» [Попова, 2006, с. 66]. Это возможно благодаря многоаспектности природы местоимения 1-го л. ед.ч., о чем упоминалось выше.

При ТД использована стандартная форма местоимения 1-го л. ед.ч. им.п. *я*, поскольку в РЯ отсутствуют параллельные средства выражения оттенка ненормативности. Реализована переводческая **тактика прономинализации**, состоящая в передаче местоимения АЯ местоимением РЯ.

Результирующим переводческим преобразованием является прием употребления вариантного соответствия, относящийся к буквальному методу перевода.

В примерах 5–6 при ТД также применена тактика прономинализации и используется вариантное соответствие.

Пример 5

Худ. диалог Нормативная форма: те Нестандартная функция	— Why <u>me</u> ? [НКРЯ]	— Почему именно <u>я</u> ? [НКРЯ]
--	-----------------------------	--------------------------------------

В примере 5 в эллиптическом высказывании на АЯ, относящемся к художественному диалогу, актуализирована объектная прономинальная форма *те* в функции подлежащего.

По правилам прескриптивной грамматики в функции подлежащего, в том числе в эллиптических предложениях, должна употребляться номинативная форма, а в узуальном употреблении наиболее частотной является объектная форма.

В переводе использована стандартная прономинальная форма им.п. *я*, актуализация которой, как и в случае выше, приводит к утрате кванта нестандартности высказывания.

Необходимо отметить, что возможность передать на РЯ ненормативность прономинальной функции АЯ является не правилом, а скорее исключением (как, например, в случае просторечного употребления притяжательных местоимений в функции местоимений 3-го лица в косвенном падеже: *у ego, у ee*).

Пример 6

Худ. диалог Нормативная форма: <i>me</i> Нестандартная функция	— If we get a chance, you and <i>me</i> 'll slip off and set up somewhere [...]. [НКРЯ]	— Если будет возможность, <i>мы</i> с тобой ускользнем и заживем где-нибудь [...]. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 6 реплика художественного диалога является маркированной, поскольку в ней актуализирована объектная форма *me* в функции подлежащего (в ряду однородных членов). Данное высказывание относится к диалогу, происходящему в неформальной ситуации общения.

При ТД актуализировано местоимение *мы*, входящее в узуальную конструкцию *мы с тобой*, использование которой наряду с глагольными лексемами *ускользнем, заживем* позволяет создать стилизацию живой разговорной речи.

С точки зрения фреймового подхода⁶, структура исходного высказывания активирует фрейм индивидуализации, обеспечивающий

⁶ Фреймовый подход устанавливает, что «что коммуникативные ситуации запускают определенные поведенческие и речевые механизмы, которые могут быть сходны или различны в разных культурах»

восприятие каждого лица в отдельности (*you and me*), в то время как в основе структурирования переводного высказывания лежит собирательный фрейм (*мы с тобой*), дающий возможность представить два лица как единое целое. Исследователи подчеркивают, что собирательное описание ряда материальных объектов (включая лица) является характерным для РЯ [Хайруллин, 2009, с. 40].

В рассмотренных примерах 3-6 причиной преобразования является стилистический фактор: руководствуясь узуальными конвенциями и стремясь достичь естественности звучания, интерпретатор отказывается от передачи кванта нестандартности, характеризующего актуализированные варианты местоимения в исходных высказываниях. При ТД местоимения использованы тактики прономинализации и прономинализации с импользованием НАМ.

Следующий случай показывает, что при ТД местоимения существует возможность приращения смысла.

Пример 7

Худ. диалог Нормативная форма: <i>I</i>	— <u>I</u> 'd rather talk about it alone. [Galbraith, Ch. 3]	— <u>Нам с тобой</u> лучше потолковать с глазу на глаз. [Гэлбрейт, 2016, с. 24]
---	---	---

В примере 7 представлена реплика персонажа, беседующего со своим коллегой в ситуации служебного общения (ср. пример 6).

При ТД местоимение 1-го л. ед.ч. *I* заменено на узуальную конструкцию *нам с тобой*, в которой местоимение варьирует по числу (1-е л. мн.ч.) и падежу – *нам* (косвенный падеж). Местоименная конструкция усложняется экспликацией второго участника коммуникации – *с тобой*, благодаря чему в переводе происходит приращение смысла: *ты*-форма,

[Корячкина, 2017, с. 101]. Употребление какой-либо языковой единицы является активацией фрейма и характеризует высказывание в целом, что дает основу для сопоставления фреймов оригинала и перевода [Хайруллин, 2010, с. 15].

используемая при обращении, указывает на то, что говорящий расценивает слушающего (своего коллегу), как лицо, близкое в психологическом плане (ср. в АЯ местоимение 2-го л. *you* не дифференцировано по степени психологической близости/дальности для говорящего).

Структура переводного высказывания в отличие от исходной структуры активирует собирательный фрейм, благодаря чему адресат и говорящий осмысливаются как единство двух лиц (*нам с тобой*).

Актуализация местоименного кластера *нам с тобой* влечет преобразование поверхностной структуры: простая двусоставная структура заменяется односоставной инфинитивной, отличающейся большей экспрессией, напряженностью и лаконичностью [Валгина, 2003, с. 171].

Эффект преобразования усиливается благодаря замене лексемы *alone* на фразеологическую единицу *с глазу на глаз*.

С точки зрения ТД местоимения, реализована **тактика кластерной прономинализации**, т.е. замена местоимения исходного высказывания местоименным кластером в переводном высказывании.

Результатирующее преобразование представляет прием использования вариантного соответствия в сочетании с приемом синтаксической деривации (замена типа структуры), относящейся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Фактором преобразования является стремление к достижению эффекта доверительности, подчеркивающего неформальные, дружеские отношения между коллегами (ср. ***Я*** *предпочел бы поговорить наедине*).

В следующем случае ТД местоимения 1-го л. ед.ч. обусловлена отсутствием параллельных средств в языке перевода.

Пример 8

<i>Нарратив</i> <i>Нестандартная</i> <i>форма: Ah</i>	Ah wis jist sitting thair, focusing oan the telly [...]. [Welsh, 2013, p. 3]	А я сижу рядом и пялюсь в ящик [...]. [Уэлш, 2004, с. 4]
---	--	--

В примере 8 в высказывании на АЯ, представляющим стилизацию диалекта Глазго, актуализирована нестандартная форма местоимения 1-го л. ед.ч. *Ah*. Данная форма отражает соответствие монофтонга /a:/⁷ нормативному дифтонгу /ai/ и является характерной чертой шотландского территориального диалекта [SLD].

Следует отметить, что передача диалектных черт одного языка средствами другого языка считается одной из сложнейших задач перевода. Исследователи разделяют мнение о том, что при переводе следует избегать использования средств какого-либо территориального или социального диалекта принимающего языка, чтобы избежать создания неуместной национально-специфической окраски [Левый, 1974, с. 140; Комиссаров, 1990, с. 75, 217; Федоров, 2002, с. 381; Nida, Taber, 1969, p. 130; Newmark, 1981, p. 121].

Основным средством при передаче стилизации территориальных или социальных диалектов считается просторечие (сниженная разговорная речь, или нелитературная разговорная речь, отклоняющаяся от существующих литературных языковых норм) благодаря тому, что они связаны с элементами территориально-социальных диалектов, но в то же время обладают наддиалектным характером [Виноградов, 1978, с. 68; Швейцер, 1988, с. 104; Крысин, 1989, с. 55; Бродович, 1995, с. 147; Комиссаров, 2002, с. 75–76; Влахов, Флорин, 2006, с. 327]. В случае аккумуляции в исходном высказывании ряда ненормативных черт, передача нестандартной

⁷ Здесь и далее при описании фонетических особенностей используются символы Международного фонетического алфавита.

местоименной формы отходит на второй план и подчиняется общей установке передачи ненормативной окраски высказывания.

В рассматриваемом случае диалектная форма местоимения 1л. ед.ч. *Ah* передана на РЯ стандартной прономинальной формой *я* (в том числе и по причине отсутствия в РЯ нестандартного варианта местоимения 1-го л. ед.ч. им. п.). Однако черты стилизованной диалектной речи исходного высказывания компенсированы за счет использования просторечной глагольной лексики *нялюсь* (ср. *смотрю*) и субстантивной лексики *ящик* (в значении *телевизор*), относящихся к сниженной разговорной лексике, благодаря которым на уровне переводного высказывания квант ненормативности передан.

С точки зрения ТД местоимения, реализована тактика прономинализации. Использован прием употребления вариантного соответствия в сочетании с приемом стилистической компенсации для передачи прагматической установки высказывания — социальной характеристики героя и признаков его территориальной принадлежности.

Рассмотрим еще один случай ТД нестандартной формы *Ah*.

Пример 9

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>Ah</i>	— <u>Ah</u> done tole Poke ter lay two extry plates fer dem. [НКРЯ]	— <u>Я</u> уже велела Порку поставить два лишних прибора. [НКРЯ]
--	---	--

В примере 9 актуализация прономинальной формы *Ah* является одним из средств стилизации диалектной речи южных штатов США.

В использованных нами лексикографических источниках данная форма представлена лишь как относящаяся к шотландскому территориальному диалекту (см. пример 8). Можно сделать предположение, что актуализированная форма в данном случае является «ложной чертой» диалекта южных штатов США.

При ТД местоимения употребляется нормативная форма *я*, реализующая тактику прономинализации. Применен переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Далее рассмотрим случай использования иноязычного вкрапления.

Пример 10

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>moi</i> (фр.)	– I 'ave nevair been more insulted in my life! 'Alf-giant? Moi ? [Rowling, 2000, p. 109]	– Мне ещё никогда не наносили такого оскорбления! Полугигант? Mya ? [Роулинг, Гл. 23]
---	---	---

В примере 10 реплика персонажа на АЯ имеет черты французского акцента, представленные графическими средствами, к ним относятся⁸: опущение /h/ в начальной позиции и интрузивный /i/ после /ə/ [Гак, 2006, с. 56]. Иноязычное вкрапление лексема *moi* (фр. *я*, ударная форма) не только эксплицирует национальность героини, но и указывает на сильное волнение, негодование; переключение персонажа-иностранца на родной язык происходит под влиянием эмоций.

При ТД актуализирована ненормативная форма *муа*, представляющая транслитерацию ударной формы французского местоимения *я*, при этом фонетические особенности французского акцента компенсированы с помощью графона: увулярный /я/ (грассирование) на письме передан буквой «г». Применена тактика прономинализации. Используются переводческие приемы употребления заимствования и стилистической компенсации, относящиеся к линейному методу переводу.

⁸ При описании стилизованных произносительных черт используются символы Международного фонетического алфавита.

2.2.1.1.2. ТД диверсификация местоимения 1-го л. ед.ч. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 1-го л. ед.ч. в пределах других разрядов местоимений

В данном разделе мы рассмотрим межразрядовый сдвиг, т.е. случай переводческой замены местоимения 1-го л. ед.ч. местоимением другого разряда. Данный тип преобразования находится в русле переводческой тактики прономинализации.

Пример 11

<i>Нарратив Нормативная форма: I</i>	What <u>I</u> shoulda done was raised Cain about the low wages, but instead, <u>I</u> took the damn dollar [...]. [Groom, Ch. 1]	<u>Я</u> хотел было заспорить, что мол, низкая очень плата, а <u>сам</u> взял у него этот триклятый доллар [...]. [Грум, 2018, с. 10]
--	---	--

В примере 11 представлено высказывание, относящееся к перволичному нарративу. Соответствующее высказыванию предложение АЯ состоит из двух предикативных единиц, в каждой из которых употребляется нормативная номинативная форма *I*.

В первом случае при переводе местоимение *I* передано прямым соответствием *я*, во втором – при ТД местоимение заменено на анафорический прономинал *сам*, относящийся к разряду усилительных местоимений.

В данном случае интерпретатор следует стилистическим нормам литературного РЯ, предписывающим избегать многократного повторения одной и той же прономинальной формы в отдельно взятом высказывании или высказываниях, следующих одно за другим (если только это не является стилистическим заданием).

Реализована тактика прономинализации в рамках стратегии избегания, о которой подробно говорится ниже (см. пример 19). Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

***ТД местоимения 1-го л. ед.ч.
в пределах других частей речи***

В данном разделе рассматривается межкатегориальный сдвиг, то есть случай переводческой замены местоимения другой частью речи, а также периферийный случай добавления компонента, относящего к другой части речи.

Пример 12

Худ. диалог Нормативная форма: me Нестандартная функция	– Me , I think it might be better for your health if you go raidin' elsewhere. [Hoag, Ch. 2]	– Лично я бы тебе советовал держаться подальше от тех мест, если тебе дорого твоё здоровье. [Хоуг, Гл. 2]
--	--	---

В примере 12 в реплике героя на АЯ представлено плеонастическое употребление объектной формы местоимения 1-го л. ед.ч., данная позиция местоимения в высказывании определяется как *дизъюнктивная (disjunctive)*, *несвязанная (unconnected)*, *абсолютная (absolute)*, что на уровне предложения соответствует вводному члену предложения. Такое употребление местоимений свойственно устной диалектной речи и используется для усиления и выделения высказывания [Stein, 1997, p. 40–41].

Рассматриваемое высказывание относится к художественному диалогу и является одним из средств стилизации каджунского диалекта штата Луизианы, США. Для данного диалекта, испытывающего влияние французского языка, характерно употребление усилительных местоименных конструкций [Cox, 1992, p. 6; Cheramie, 1994, p. 65].

Плеонастическое употребление личных местоимений характерно и для разговорного регистра английского языка, что свидетельствует о размытости границ между маркерами и индикаторами.

При ТД местоимение АЯ *те* передано наречием *лично*, которое является маркером разговорной речи и актуализировано для коммуникативного выделения индивидуальности субъекта речи.

Реализована **тактика частичной депроминализации прономинального кластера**, т.е. замены в переводном высказывании одного из местоименных компонентов кластера неименной частью речи. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

В следующем случае наблюдается расширение номинативного компонента переводного высказывания.

Пример 13

Худ. диалог Нормативная форма: <i>I</i>	– Now, I drive ze pie wagon and I lak eet! [НКРЯ]	– Я, Рене Пикар , [...] теперь править фургон с пироги, и очень мне это нравится! [НКРЯ]
---	---	--

В примере 13 в исходной реплике, содержащей черты французского акцента (см. пример 10), актуализирована нормативная прономинальная форма 1-го л. ед.ч. *I*.

При ТД местоимение передается номинативным кластером, состоящим из нормативной местоименной формы *я* и имени собственного *Рене Пикар*, эксплицирующего имя говорящего.

Фактором преобразования является необходимость компенсации черт иностранного акцента исходного высказывания. Эксплицируя имя и фамилию говорящего, свидетельствующие о его этнической принадлежности, а также используя средства компенсации на грамматическом уровне (отсутствие согласования глагольной формы *я*

править и падежной формы *фургон с пироги*), интерпретатор компенсирует нестандартные произносительные черты исходного высказывания.

С точки зрения ТД местоимения, реализована тактика **номинализации с прономинальным компонентом**, состоящая в передаче местоимения АЯ именным кластером с местоименным компонентом или субстантивным словосочетанием с местоимением (см. примеры 106, 119, 120, 145). Использован переводческий прием амплификации (распространения членов предложения), относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Рассмотренные выше случаи связаны с внутриразрядовым, междразрядовым и межкатегориальным сдвигами (тактики прономинализации, прономинализации с использованием НАМ, прономинализации с использованием местоименного кластера, номинализации с прономинальным компонентом, частичной депрономинализации прономинального кластера) при ТД местоимения 1-го л. ед.ч., относящиеся преимущественно к линейному методу перевода. Переводческие решения в представленных случаях продиктованы узусом, стремлением переводчика сохранить разговорную окраску и коммуникативную установку высказываний. Далее рассматриваются случаи реализации тактики депрономинализации, соответствующие интерпретативно-коммуникативному (нелинейному) методу перевода, результатом которого является изменение ситуации (референта) высказывания и существенное преобразование семантико-синтаксической структуры соответствующего предложения.

***ТД с депроминализацией:
при актуализации местоимения 1-го л. ед.ч.***

Случаи, представленные в данном разделе, относятся к креативным переводческим решениям, реализующим когнитивный потенциал языковых средств оригинала и не исключающим «сдвига перспективы в тексте перевода» [Snell-Hornby, 1995, р. 34], то есть изменения «точки зрения говорящего, рассказчика или читателя с позиции культуры, отношения, места и времени» [Ibid., р. 51]. ТД с депроминализацией, как правило, направлена на создание художественных и стилистических эффектов, к которым относятся игра слов, стилизация просторечия, комичность, ирония и др. В таких случаях целью преобразований является создание указанных эффектов, переводчик не сосредоточен на передаче самого прономинала, и местоимение попутно вовлекается в процесс преобразования. Депроминализация также является одной из тактик, используемых для реализации стратегии избегания (см. пример 19).

Пример 14

<i>Нарратив Нормативная форма: I</i>	That much I figgered out on my own. [Groom, Ch. 1]	Это и дураку понятно. [Грум, 2018, с. 16]
--	--	--

В примере 14 в исходном высказывании, относящемся к перволичному нарративу, актуализировано местоимение 1-го л. ед.ч. *I*, в то время как переводное высказывание не содержит местоименного компонента.

Данный случай существенно отличается от прономинального эллипсиса (см. пример 3). Здесь восстановить местоимение из контекста не представляется возможным. Реализована **тактика депроминализации**, состоящая в отказе от использования местоименного компонента. Переводчиком использован прием модуляции на основе обусловленности (понятно говорящему → значит понятно любому человеку), а также прием

идиоматизации — актуализирован фразеологизм *и дураку понятно*, т.е. «понятно, ясно, очевидно всякому, каждому, любому» [ФС].

Актуализация фразеологической единицы в переводном высказывании, с одной стороны, добавляет экспрессии (ср. вариант буквального перевода: *Это я и сам понял*). С другой стороны, создает игру слов, придает высказыванию дополнительный смысл, поскольку буквальная интерпретация данного фразеологизма перекликается с представлением о положении вещей, известном из широкого контекста — персонаж говорит о себе: «*Идиот я с рождения*» [Грум, 2018, с. 9].

Анализ широкого контекста показывает, что в данном случае элиминация местоимения в высказывании на РЯ попутно решает проблему аккумуляции местоимения 1-го л. ед.ч. в дискурсивном отрывке (подробно об этом см. пример 19).

Однако элиминация местоимения может привести к стиранию диалектной окраски высказывания, рассмотрим следующий случай.

Пример 15

Худ. диалог Нормативная форма: me Нестандартная функция	— I forgot me glasses, Alan. [Sillitoe, 1961, p. 175]	— Я забыла очки, Алан. [Силлитоу II]
--	---	---

В примере 15 реплика героя, относящаяся к художественному диалогу, содержит объектную форму местоимения 1-го л. ед.ч. *me* в функции притяжательного местоимения. Данная особенность свойственна различным диалектам Великобритании [Trudgill, 1999, p. 88] и в частности, ноттингемскому территориальному диалекту, черты которого часто встречаются в речи героев произведений А. Силлитоу. Так, местоимение участвует во внутриязыковой стилизации диалектной речи.

В переводном высказывании прономинальная форма в функции определения опущена, поскольку в русскоязычной когнитивной системе

предметы личного обихода и одежда не «мыслятся как неотчуждаемые» [Петрова, 2011, с. 97] и, как правило, не требуют употребления притяжательного местоимения.

С точки зрения ТД местоимения, осуществляется тактика депроминализации, нестандартная функция местоимения оказывается вне переводческого фокуса и происходит выравнивание высказывания с точки зрения нормативности.

Использован переводческий прием опущения, в результате применения которого квант ненормативности утрачивается.

В следующем случае рассмотрим превентивную элиминацию местоимения в высказывании на РЯ с целью избежания повтора прономинальной формы.

Пример 16

<i>Худ. диалог</i> <i>Нестандартная функция:</i> <i>объектная форма в функции субъекта</i>	— Trouble? Me cause you trouble, Skeeter? Hell, I just came in for a drink. Give me a shot and a Jax long-neck. [Hoag, Ch. 2]	— А в чем, собственно, проблема, мистер Скитер? Почему это вдруг вы мне не рады? Я пришел к вам, чтобы пропустить рюмочку. Плесните мне немного виски, и все дела. [Хоуг, Гл. 2]
---	--	--

В примере 16 реплика персонажа, каджуна из Луизианы, содержит черты разговорной речи, к которым относится употребление объектной формы местоимения *me* в субъектной функции, а также выражения *a Jax long-neck* (большая кружка пива Jax).

При ТД, в высказывании на РЯ переводчик отказывается от употребления местоимения, с невозможностью его последующего восстановления из контекста. Реализована тактика депроминализации.

Результирующее преобразование состоит в объединении первых двух высказываний АЯ в одно высказывание на РЯ с изменением структуры

соответствующего предложения и использованием генерализации: *А в чем, собственно, проблема, мистер Скитер?*

Одним из факторов преобразования является интенциональная превентивная элиминация местоименного компонента в рамках стратегии избегания (см. пример 19) с тем, чтобы не допустить повтора одной и той же местоименной формы в высказываниях, следующих одно за другим. Кроме этого преобразование мотивировано стремлением к созданию естественности звучания реплики художественного диалога (ср. *Проблемы? Я создаю вам проблемы, мистер Скитер?*). Разговорную окраску реплике перевода придает актуализация разговорной лексики в третьем, четвертом и пятом высказываниях РЯ: *пропустить рюмочку, плеснуть, и все дела*.

Довольно распространенным случаем креативного переводческого решения является замена исходного высказывания с местоименным компонентом высказыванием, имеющим под собой обобщенно-личное предложение (так называемое общее суждение), как в примере ниже.

Пример 17

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: I</i>	Which I would tend to agree with, cause down here, the Grand Exalted Pishposh [...]. [Groom, Ch. 1]	С этим не поспоришь, поскольку в нашем районе живет Великий Козлочей [...]. [Грум, 2018, с. 11]
--	---	--

В примере 17 в высказывании на АЯ, относящемся к первоначальному нарративу, актуализировано местоимение 1-го л. ед.ч. *I*, в то время как в высказывании на РЯ местоименная составляющая элиминирована.

Реализована тактика депрономинализации в рамках стратегии избегания (см. пример 19). Использован переводческий прием компрессии с заменой соответствующего двусоставного предложения на односоставное обобщенно-личное, а также прием антонимического перевода (*tend to agree* → *не поспорить*).

В результате преобразования высказывание на РЯ получает значение обобщенности, т.е. обозначаемое глаголом действие может относиться к любому лицу, а глагольная форма 2-го л. ед.ч. н.вр. (*поспоришь*) приобретает семантику вневременности [Валгина, 2003, с. 159], что приводит к расширению смысла.

Данное преобразование является креативным переводческим решением (ср. *С чем я был бы склонен согласиться, поскольку здесь живет Великий Козлочей.*) и обусловлено двумя факторами: стремлением к созданию динамичности повествования и интенциональной элиминацией местоименного компонента, выраженного местоимением 1-го л. ед.ч. им.п., поскольку в перволичном нарративе проблема аккумуляции данной прономинальной формы требует постоянного внимания переводчика.

Другим частотным случаем креативного переводческого решения является замена исходного высказывания с местоименным компонентом на переводное высказывание, имеющее под собой безличное предложение. Рассмотрим один из таких случаев.

Пример 18

Худ. диалог Нормативная форма: <i>I</i>	— <u>I</u> 'd rather not talk about it. [НКРЯ]	— Не хотелось бы говорить [...]. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 18 реплика героя на АЯ содержит местоимение 1-го л. ед.ч. *I*, которое элиминировано в процессе ТД. Исходное двусоставное предложение заменено на безличное предложение в РЯ, в результате внимание акцентировано на самом действии, а не лице, его производящем. В целом безличные, как и другие односоставные предложения обладают высокой частотностью в устной разговорной речи.

Фактором преобразования является тип дискурса и узус РЯ. Реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием компрессии.

В следующем случае рассмотрим решение проблемы аккумуляции одинаковых форм местоимения 1-го л. ед.ч. в дискурсивном фрагменте.

Функционирование личных местоимений в художественном дискурсе различно для АЯ и РЯ. Англоязычный социум «толерантен» к многократному повторению одной и той же формы местоимения в контактно расположенных предложениях или даже в пределах одного предложения.

При переводе на РЯ аккумуляцию одинаковых местоименных форм необходимо устранять, поскольку она воспринимается как нарушение эстетической функции текста [Петрова, 2011, с. 115]. Кроме этого, устранение аккумуляции местоимений соотносится с такой переводческой универсалией, как упрощение и избегание повторов, присутствующих в тексте оригинала [Шадрин, 2017, с. 148–149].

Проблема аккумуляции одних и тех же форм английских личных местоимений неизменно находится в фокусе внимания переводчика художественного дискурса, поскольку личные местоимения относятся к наиболее частотным словам, употребляемым в речи на английском языке.

В частности, на основе текстов Британского национального корпуса (The British National Corpus) с помощью статистического инструмента оценки частотности лексических единиц Wordcount установлено, что местоимение 1-го л. ед.ч. *I* занимает 11-е место среди наиболее частотных слов, актуализируемых в речи на АЯ [Wordcount].

В настоящей работе мы вводим понятие переводческой **стратегии избегания**, состоящей в том, что при порождении переводного дискурса интерпретатор отказывается от точного воспроизведения определенных элементов оригинала, если в нем многократно используется одни и те же языковые средства в рамках высказывания или целого отрывка дискурса, и применяет различные переводческие тактики и приемы для создания

адекватного перевода. Данная стратегия выявлена впервые и составляет научную новизну исследования.

Выбор рассматриваемой стратегии может быть обусловлен воздействием одного или нескольких факторов, таких как стилистические конвенции языка перевода, стремление к достижению естественности звучания [Naida, 1964, p. 159] или создание динамичности повествования.

Рассмотрим случай реализации стратегии избегания с применением нескольких переводческих тактик и приемов.

Пример 19

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: I</i>	(1)When <u>I</u> got to be thirteen, some pretty unusual things begun to happen. (2) First off, <u>I</u> started to grow. (3) <u>I</u> grew six inches in six months, an my mama was all the time havin to let out my pants. (4) Also, <u>I</u> commenced to grow out . (5) By the time <u>I</u> was sixteen <u>I</u> was six foot six an weighed two hundrit forty-two pounds. (6) <u>I</u> know that cause they took me in an weighed me. [Groom, Ch. 1]	(1) В 13 лет стало со мной творица что-то не понятное. (2) Во-первых, <u>я</u> пошел в рост. (3) За полгода <u>Ю</u> вымахал на шесть дюймов, мама умаялась мне брюки выпускать. (4) А в добавок <u>меня</u> разнесло в ширину. (5) К 16-ти годам во <u>мне</u> уже было росту под два метра и весу чуть не сто кило. (6) <u>Я</u> точно знаю, поскольку меня водили на взвешивание. [Грум, 2018, с. 14]
---	---	---

В примере 19 приведен отрывок перволичного нарратива из шести высказываний на АЯ, в которых местоимение 1-го л. ед.ч. *I* актуализировано семь раз.

При ТД для устранения аккумуляции прономинальной формы 1-го л. ед.ч. им.п. интерпретатор прибегает к следующим преобразованиям.

Во-первых, в переводных высказываниях (1) и (5) местоименная составляющая элиминирована за счет использования более компактной структуры предложения (реализована тактика депроминализации; прием компрессии;): *When I got to be thirteen* → *В 13 лет*; *By the time I was sixteen* → *К 16-ти годам*.

Во-вторых, в высказывании (3) применен эллипсис местоименного подлежащего (применена тактика прономинализации с использованием НАМ; прием имплицитации).

В-третьих, за счет преобразования типа предложения (прием синтаксической деривации), в высказываниях (4) и (5) актуализированы формы косвенного падежа местоимения 1-го л. ед.ч. *меня* и *мне* (соответственно), т.е. реализована **тактика прономинализации с падежным варьированием**, состоящая в использовании при переводе местоименной формы другого падежа.

Причиной преобразования является стилистический фактор, а именно конвенции русскоязычной художественной литературы.

Так, в рассмотренном случае стратегия избегания осуществляется с помощью применения тактик депрономинализации, прономинализации с использованием НАМ и прономинализации с падежным варьированием.

Использованы переводческие приемы компрессии, имплицитации и синтаксической деривации.

2.2.1.2. Местоимение 1-го л. мн.ч.

Местоимение 1-го л. мн.ч., имея непосредственное отношение к коммуникативной ситуации, обладает особой семантикой – оно называет совокупность множества лиц, передаваемую от лица говорящего. Особенность выражения грамматической категории мн.ч. местоимением *мы* (*we*) состоит в том, что оно не обозначает много *я* (*I*) (которое единично по своей природе), а имеет значение *я* (*I*) + *кто-то*.

По мнению Э. Бенвениста, данное сочетание образует плюралию, общность особого типа, составляющие которой неэквивалентны: в *мы* всегда

преобладает я, ..., и это я подчиняет себе элемент *не-я* в силу своего свойства трансцендентности [Бенвенист, 1974, с. 269].

Начнем с рассмотрения случаев переводческого варьирования в рамках разряда личных местоимений, а затем проанализируем внутриразрядовый, межразрядовый, межкатегориальный сдвиги и преобразования с депрономинализацией.

2.2.1.2.1. ТД местоимения 1-го л. мн.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений

В блоке примеров 20–22 представлены случаи ТД, обусловленные узусом РЯ. В случае ниже представлен эллипсис местоимения.

Пример 20

Худ. диалог Нормативная форма: <i>we</i>	– We found your name in his daily planner. [НКРЯ]	– [Ø] Нашли вашу фамилию у него в настольном календаре. [НКРЯ]
--	---	---

В примере 20 при ТД используется НАМ, поскольку интерпретатор стремится к созданию естественности звучания реплики художественного диалога. Как правило, эллиптированное местоимение легко восстанавливается из узкого контекста благодаря флексии глагола настоящего или будущего времени. В рассматриваемом случае, несмотря на недифференцированность глагольной формы пр. вр. по лицу, местоимение можно восстановить из широкого контекста.

Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Причиной преобразования является стилистический фактор. Использован прием имплицитации (см. также пример 3).

Следующий случай демонстрирует варьирование местоименной формы по падежу при актуализации узуальной конструкции.

Пример 21

Худ. диалог Нормативная форма: <i>we</i>	– <u>We</u> don't have much time. [НКРЯ]	– Времени у <u>нас</u> почти нет. [НКРЯ]
--	---	---

В примере 21 реплика на АЯ передана интерпретатором с использованием узуальной конструкции *времени у нас [...] нет*, в которой местоименный компонент представлен формой косвенного падежа местоимения 1-го л. мн.ч.

Реализована тактика проминализации с падежным варьированием. Фактором преобразования является достижение естественности звучания реплики художественного диалога.

Использован прием синтаксической деривации, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода и состоящий в морфосинтаксической перестройке поверхностной структуры предложения: двусоставное предложение, соответствующее высказыванию АЯ, преобразовано в односоставное безличное предложение РЯ.

В примере ниже представлен случай ТД с расширением проминального компонента при актуализации узуальной конструкции.

Пример 22

Худ. диалог Нормативная форма: <i>us</i> Нестандартная функция	— This town is empty, Burt. There's nobody here but <u>us</u> . [НКРЯ]	— В этом городке нет ни души, только <u>ты да я</u> . [НКРЯ]
--	--	--

В примере 22 в реплике на АЯ актуализирована нормативная объектная форма *us* в нестандартной функции подлежащего в придаточном предложении, служащая маркером разговорной речи.

С учетом дискурса художественного диалога на РЯ проминальная форма передана узуальной конструкцией с расширенным местоименным компонентом *ты да я*, также являющейся маркером разговорной речи.

Реализована тактика **кластерной прономинализации**, состоящая в передаче местоимения АЯ местоименным кластером РЯ.

Использован переводческий прием употребления вариантного (контекстного) соответствия.

В следующем случае переводчик стремится сохранить основную прагматическую установку высказывания, но при этом устраняет возникновение незапланированного дополнительного эффекта.

Пример 23

<i>Худ. диалог</i> <i>Нормативная форма: us</i> <i>Нестандартная функция</i>	(1) — Now I'm gonna get my teeth. (2) — Teeth? — said I, kind of dazed. (1) — The false kind, — says she. — That's what we're gonna get <u>us</u> with the money — a lovely set of white false teeth. [Capote, 200, p. 41–42]	(1) — Зубы! — взвизгнула она. — Теперь у меня будут зубы! (2) — Зубы? — переспросил я ошалело. (1) — Ну да, вставные зубы, вот на что мы истратим эти деньги. Теперь <u>у меня</u> будут красивые белые зубы. [Капоте]
---	--	---

В примере 23 представлены реплики художественного диалога: коммуникант (1) – девочка из бедной семьи, мечтающая о красивых белых зубах, близка к осуществлению своей мечты, так как ее брат выиграл значительную сумму. Референтом местоимения мн.ч. *us*, в функции прямого дополнения, является лицо ед.ч. (говорящий). Такое употребление является маркером разговорной речи.

Тем не менее, любое отклонение от конвенционального употребления создает дополнительные смыслы [Никитин, 1996, с. 644; Формановская, 2002, с. 109]. Для формы местоимения 1-го л. мн.ч. это может быть *мы*-совместное, *мы*-скромности (*expressions of modesty*) [Формановская, 2002, с. 109; Mitchell, 1985, p. 251], а также могут создаваться дополнительные эффекты: иронии, комичности, усиления и др.

В переводе номинативная форма *we*, имеющая референт мн.ч. (говорящий и слушающий), передается на РЯ прямым соответствием *мы*,

имеющим определенное прагматическое значение (это *мы*-скромности: говорящий включает сюда и своего брата, поскольку именно благодаря последнему деньги оказались в их распоряжении).

Объектная форма *us* с референтом ед.ч. (говорящий) передается на РЯ местоимением *у меня*. Представляется, что в этом случае переводчик отказался от употребления местоимения 1-го л. мн.ч. для того, чтобы исключить нежелательный эффект комичности, который не предполагается в данной коммуникативной ситуации и отсутствует в исходном высказывании.

Реализована тактика прономинализации.

Использован прием употребления вариантного соответствия в сочетании с синтаксическим преобразованием – приемом членения предложений.

Следующий случай демонстрирует переводческое решение при передаче стилизации ломаной речи иностранца.

Пример 24

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>ve</i>	— Veil, ve have a castle also, not as big as this, nor as comfortable, I am thinking — he was telling Hermione. [Rowling, 2000, p. 106]	— Что ше, — говорил он Гермионе, — у нас тоше замок, не такой большой как ваш и не такой уютный. [Роулинг, Гл. 23]
--	---	--

В примере 24 представлена реплика героя, содержащая фонетические и грамматические признаками речи иностранца (фонетические признаки переданы графическими средствами). Номинативная форма *ve* представляет фонетический вариант местоимения 1-го л. мн.ч., отражающий произносительные особенности носителя болгарского языка: отсутствующий в болгарской консонантной системе билабиальный /w/ заменяется на /v/ [Буланин и др., 1982, с. 68]. Данная единица участвует в межъязыковой стилизации.

При ТД местоимение передается нормативной формой косвенного падежа *нас*, употребление которой связано с использованием узуальной

конструкции *у нас [есть] замок*. Стилистическая компенсация произносительных черт иностранца в РЯ произведена на уровне высказывания с помощью оглушения согласного в словах *ше* и *тоше*, а также непалатализованного /л/ в слове *болишой*.

В реплике персонажа на АЯ аккумулирован ряд ненормативных черт, которые в РЯ могут быть выражены различными средствами, поэтому передача собственно ненормативной местоименной формы отходит на второй план.

С точки зрения ТД местоимения, реализована тактика прономинализации с падежным варьированием.

Синтаксическое преобразование выполнено с использованием приема синтаксической деривации с заменой двусоставного предложения АЯ на односоставное предложение РЯ.

2.2.1.2.2. ТД местоимения 1-го л. мн.ч. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 1-го л. мн.ч. в пределах других разрядов местоимений

В данном разделе представлены случаи межразрядового сдвига с использованием местоименных кластеров. В случае ниже расширение местоименной составляющей происходит за счет добавления местоимения другого разряда.

Пример 25

Худ. диалог Нормативная форма: <i>we</i>	— This is a crime scene, Mr. Langdon. We have touched nothing. [НКРЯ]	— Это место преступления, мистер Лэнгдон. Сами мы ничего не трогали. [НКРЯ]
--	---	---

В примере 25 реплика персонажа содержит собственно-личное местоимение 1-го л. мн.ч. *we*, которое в переводе заменяется расширенным местоименным компонентом *сами мы* за счет добавления усилительного местоимения мн.ч. *сами*. В результате высказывание художественного диалога приобретает эмоциональную окрашенность, преобразование способствует эмпатизации субъекта действия и высказывания в целом.

Передача местоимения оказывается в фокусе перевода, причиной преобразования является коммуникативный фактор, а именно стремление к коммуникативному выделению субъекта действия.

Применяется тактика кластерной прономинализации. При ТД использован переводческий прием амплификации, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода (см. также пример 13).

В следующем случае при ТД собственно-личное местоимение заменяется прономинальным кластером, включающим местоимения других разрядов.

Пример 26

СКД Нестандартная функция: <i>us</i>	How will we know it's <u>us</u> without our past? [НКРЯ]	Как мы узнаем <u>самих себя</u> , когда у нас отняли прошлое? [НКРЯ]
--	--	--

В примере 26 актуализирована объектная форма *us* в нестандартной функции предикатива (см. примеры 4-5). В высказывании на РЯ местоимение передано прономинальной конструкцией *самих себя*, состоящей из усилительного местоимения *самих* и возвратного местоимения *себя*.

Данная трансформация использована для придания выделенности высказыванию, относящегося к СКД. Реализована тактика кластерной прономинализации. Использован переводческий прием амплификации в сочетании с приемом компрессии.

***ТД с депрономинализацией:
случай местоимения 1-го л. мн.ч.***

В настоящем разделе в блоке примеров 27–28 рассмотрим случаи креативного перевода с элиминацией местоимения 1-го л. мн.ч. и реализацией тактики депрономинализации.

Пример 27

Худ. диалог Нормативная форма: we	— Are we there yet? – The voice of the hook-handed man broke a long silence. [НКРЯ]	— Долгую тишину прервал голос крюкастого: — Ну, скоро? [НКРЯ]
--	---	--

В примере 27 реплика диалога произносится в ситуации, когда персонажи пытаются скрыться от преследования. При ТД в высказывании на РЯ наблюдается элиминация местоименной составляющей.

Данное преобразование является креативным, с использованием приема вариантного преобразования, относящегося к интерпретативно-коммуникативному методу перевода. Причиной преобразования является стилистический фактор: стремление к созданию динамичности диалога и передаче эмоциональное состояние говорящего.

Случай ТД с депрономинализацией и использованием клишированной конструкции представлен ниже.

Пример 28

Худ. диалог Нормативная форма: we	— Okay. We ll see you tomorrow. [НКРЯ]	— Хорошо. До завтра. [НКРЯ]
--	--	--------------------------------

В примере 28 высказывание на АЯ, содержащее местоимение 1-го л. мн.ч. *we*, передано на РЯ клишированной конструкцией *до завтра*, не имеющей местоименного компонента.

Фактором ТД является стремление к достижению естественности звучания реплики художественного диалога. Переводческий прием — использование готового аналога.

2.2.1.3. Местоимение 2-го лица ед.ч.

В коммуникативной ситуации местоимение 2-го л. ед.ч. является дейктическим указателем слушающего (адресата), который представлен одним лицом. Роль адресата в порождении речевого произведения очень велика, т.к. построение любого дискурса ориентировано на получателя. В связи с этим можно утверждать, что адресат является соавтором дискурса.

Местоимение 2-го лица нормативного варианта АЯ обладает неполной парадигмой, поскольку имеет универсальную номинативную и объектную форму *you* для ед.ч. и мн.ч., которая грамматически всегда выступает как мн.ч.

Диалектные варианты АЯ имеют противопоставление форм 2-го лица по числу, но большинство форм не дифференцированы по падежу: *y', yuh, ya, ye, yeh* и др. К дифференцируемым по падежу относятся архаические формы *thou* и *thee* (соответственно номинативный и объектный падеж местоимения 2-го л. ед.ч.), которые также сохранились в некоторых диалектах.

В свою очередь, местоимения 2-го лица РЯ обладают более полной парадигмой, поскольку во 2-м лице выражают не только противопоставление по числу *ты – вы*, но имеют дополнительное различие между официальным и неофициальным регистром речи: *ты – Вы*.

Исконной для РЯ является *ты*-форма общения, а *Вы*-форма заимствована из западно-европейских языков в XVII-XVIII в.в. При коммуникации выбор *ты/Вы*-формы зависит не только от официального/неофициального регистра речи, но также обусловлен иерархическими и ролевыми отношениями коммуникантов [Формановская, 2002, с. 99].

В процессе перевода с АЯ на РЯ выбор между ты/Вы-формами представляет серьезную переводческую проблему, поскольку практика общения русскоязычного социума выработала сложный механизм переключения отношений официальности и неофициальности, уважительности и фамильярности, психологической дальности и близости, «холодности» и «теплоты», находящих свое выражение в актуализации ты/Вы-форм.

2.2.1.3.1. ТД местоимения 2-го л. ед.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений

Начнем рассмотрение переводческих преобразований местоимения 2-го л. ед.ч. с внутриразрядового сдвига, обусловленного узусом РЯ: в примерах 29–30 представлены случаи эллипсиса местоименного подлежащего.

Пример 29

Худ. диалог Нормативная форма: you	—Tell me where it is hidden, and you will live. [НКРЯ]	—Так что скажи, где он, и [Ø] останешься жив. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 29 в реплике героя на АЯ актуализирована нормативная прономинальная форма *you*, а в высказывании на РЯ применен эллипсис местоимения 2-го л. ед.ч. в функции подлежащего, обусловленный типом дискурса (художественный диалог) и узусом РЯ: данное преобразование придает реплике героя естественность звучания.

Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Фактором преобразования является стремление к созданию естественности звучания. Использован прием имплицитации (см. примеры 3, 20).

Пример 30

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yer</i>	— Yer welcome to it, – Seaton told him. [Sillitoe, 1969, p. 6]	— Ю Сделай одолжение, – сказал Ситон [...]. [Силлитоу I, с. 9]
---	---	---

В примере 30 в реплике персонажа актуализирована нестандартная форма местоимения 2-го л. ед.ч. *yer* для стилизации ноттингемского диалекта.

Форма *yer* зафиксирована в лексикографических источниках как «нестандартная письменная форма местоимения *you* и *your*, используемая для репрезентации диалектной речи» [OED], как нестандартная форма для *your* [CD]; разговорная форма для *you* и *your* [FD].

В данном примере при ТД местоимение *yer* в функции подлежащего подвергается эллипсису. Причиной переводческого преобразования является узус РЯ (преобладающая тенденция к использованию односоставной побудительной структуры) и стремление к созданию естественности звучания реплики диалога. Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Использован переводческий прием имплицитации.

Очевидно, что передача нестандартной формы местоимения в рассматриваемом случае не является основной целью перевода, при этом не только на уровне высказывания, но и на уровне отрывка дискурса наблюдается отсутствие компенсации диалектных черт оригинала.

В ходе исследования было выявлено, что в некоторых случаях при работе над переводом художественных произведений интерпретатор избирает **переводческую стратегию выравнивания в аспекте нормативности** (см. также пример 37), которая выражается в нейтрализации большинства ненормативных черт оригинала и их минимальной компенсации на уровне дискурса (текста). Реализация данной стратегии была отмечена в переводе романа А. Силлитоу «Ключ от двери» (1964).

В то же время в случае большинства переводов художественных произведений нашего корпуса интерпретатором выбирается переводческая **стратегия компенсации ненормативности**, реализованная с той или иной степенью интенсивности, на различных уровнях текста (дискурса).

Далее рассмотрим эллипсис местоимения в функции дополнения.

Пример 31

Худ. диалог Нормативная форма: <i>you</i>	— Told you already. [НКРЯ]	— Но я ведь уже сказал Ю . [НКРЯ]
---	--------------------------------------	---

В примере 31 при ТД используется эллипсис местоимения 2-го л. ед.ч. в функции дополнения. Причиной преобразования является узус РЯ — в контексте художественного диалога интерпретатор счел местоименный компонент избыточным. Для придания реплике выразительности актуализирована частица *ведь*, поскольку широкое употребление частиц является типической чертой русской разговорной речи [Земская, 2006, с. 90].

Вновь реализована тактика прономинализации с использованием НАМ, а также использован переводческий прием имплиситации.

Рассмотрим теперь случаи, связанные с переводческой трактовкой коммуникативной ситуации и типа отношений между коммуникантами. В блоке примеров 32–34 представлены случаи неравенства статусно-ролевых позиций партнеров.

Пример 32

Худ. диалог Нормативная форма: <i>you</i>	— Boss, are you sure it's safe to be way out here? – asked the hook-handed man. [НКРЯ]	— Босс, а ты уверен, что безопасно забираться в такую даль? – осведомился крюкастый. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 32 коммуникант обращается к адресату, занимающему более высокое социальное положение, используя обращение *boss*. Тем не менее, отношения между персонажами можно охарактеризовать, как фамильярные, поскольку они действуют заодно в осуществлении незаконных

дел. В рассматриваемой ситуации общения коммуниканты зависимы друг от друга, поскольку скрываются от полиции.

На РЯ местоимение 2-го л. ед.ч. передано фамильярной *ты*-формой, подчеркивающей, с одной стороны, определенную близость коммуникантов, а с другой, передающую грубоватость, обусловленную ситуацией, в которой нет времени думать об этикете.

В следующем случае, в отличие от рассмотренного, переводчик за счет выбора прономинальной формы подчеркивает дистанцию между говорящим и адресатом.

Пример 33

Художественный диалог Нормативная форма: you	— He will look after you , tenente, — Gordini said. [Hemingway, 1957, p. 57]	— Он позаботится о вас , tenente, — сказал Гордини. [Хемингуэй, 1961, с. 65]
--	---	---

В примере 33 действие происходит в итальянской армии, в ситуации военного времени. Говорящий – шофер, обращающийся к старшему по званию *tenente* (ит. *офицер*). В переводе актуализирована *вы*-форма местоимения 2-го л. ед.ч. для передачи отношений армейской субординации.

В следующем случае также актуализирована *вы*-форма, но в условиях иерархических отношений сверху-вниз (старший по званию разговаривает с подчиненным).

Пример 34

Художественный диалог Нормативная форма: you	— How are you , Franco? [Hemingway, 1957, p. 57]	— Как вы себя чувствуете, Франко? [Хемингуэй, 1961, с. 65]
--	--	---

В примере 34 представлена реплика офицера итальянской армии, обращающегося к своему подчиненному. При ТД, как и в примере 33, интерпретатор передает местоимение 2-го л. ед.ч. *вы*-формой. Данное решение, возможно, небесспорно, поскольку в обращении к младшему по званию в ситуации военного времени не менее оправданным представляется

употребление *ты*-формы. Тем не менее, в защиту переводческого решения, может быть выдвинут следующий аргумент: говорящий (офицер) является иностранцем и возможно поэтому стремится быть подчеркнуто вежливым даже с подчиненными.

В рассмотренных примерах 32–34 применена тактика прономинализации и использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Довольно редкий случай ТД местоимения представлен в примере ниже.

Пример 35

Худ. диалог Нормативная форма: <i>you</i>	– You haven't listened to a word I've said, – Slater gasped. [Banks, 1986, p. 10]	– Я перед ним распинаюсь, а он ушами хлопает – задохнулся от возмущения Слейтер. [Бэнкс, 2008, с. 8]
---	---	--

В примере 35 персонаж, амбициозный и самоуверенный молодой человек, адресует реплику своему другу, заподозрив его в невнимательности.

В переводном высказывании местоимение 2-го л. ед.ч. (адресат) заменено на местоимение 3-го л. ед.ч. *он* (традиционно отсылающее к лицу, не участвующему в коммуникации). Считается, что подобное употребление местоимения 3-го л. ед.ч. противоречит нормам общения, принятым в русскоязычном социуме, поскольку тем самым лицо, присутствующее при беседе, как будто бы из нее исключается [Смирницкий, 1959, с. 178].

Актуализация при ТД местоимения 3-го л. ед.ч., а также употребление сниженной фразеологической единицы *ушами хлопать* и разговорной лексики *распинаться* добавляют экспрессии и подчеркивают досаду говорящего.

Фактором данного преобразования является стремление переводчика приблизить художественный диалог к живой устной речи. Применена тактика прономинализации. Используются переводческие приемы

употребления вариантного соответствия, амплификации и идиоматизации, относящиеся к трансформационно-семантическому методу перевода.

В блоке примеров 36–37 рассматривается актуализация диалектных форм местоимения 2-го л. ед.ч. как средства внутриязыковой стилизации и их передача на РЯ.

Пример 36

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>ye</i>	— Ah'll gie ye the money tae git it back oot. [Welsh, 2013, p. 4]	— Я дам тебе бабок, чтобы взять ее в прокате снова. [Уэлш, 2004, с. 5]
--	---	--

В примере 36 реплика героя содержит ненормативную форму местоимения 2-го л. ед.ч. *ye*, относящуюся к стилизации диалекта Глазго.

Проминальная форма 2-го л. *ye* является архаической и диалектной [CD; FD; MWD; OED], имеющей необычную историю развития. Употреблявшаяся как номинативная форма мн.ч., с XIII в. она стала использоваться в функции номинативной формы ед.ч., а с XV в. — в функции объектной формы ед. и мн.ч. В современных диалектах наблюдаются различные варианты использования формы *ye* [OED].

При ТД актуализирована стандартная форма косвенного падежа местоимения 2-го л. ед.ч. *тебе*, а диалектные черты исходного высказывания компенсированы за счет употребления просторечной лексики *бабок*.

Реализована тактика проминализации; использован прием употребления вариантного соответствия. Фактором преобразования, как и в случае ниже, является отсутствие прямого соответствия в РЯ.

Пример 37

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yer</i>	— [...] but I'll tek yer soon. So come on, or we'll be too late to see one. [Sillitoe, 1969, p. 6]	— Но я тебя поведу туда скоро. Ну ладно, пошли, а то будет поздно и ничего не увидим. [Силлитоу I, с. 9]
---	--	--

В примере 37 актуализирована нестандартная объектная форма *yer*, относящейся к стилизации ноттингемского диалекта (см. также пример 30).

При ТД используется нормативная объектная форма *тебе*, нейтрализующая диалектную окраску исходного высказывания.

Как и в примере 30, реализуется переводческая стратегия выравнивания в аспекте нормативности. Применена тактика прономинализации. Переводческий прием — употребление вариантного соответствия.

В следующих двух случаях рассматривается ТД архаических форм английского местоимения 2-го л. ед.ч.

Пример 38

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thou</i>	— Thou art more wolf than me and I am sixty-eight years old. [НКРЯ]	— Ты скорей волк, чем я, а мне шестьдесят восемь лет. [НКРЯ]
--	--	---

В примере 38 реплика на АЯ относится к стилизации речи персонажа, говорящего на старом кастильском наречии (эксплицировано в контексте).

Средством стилизации является актуализация архаических грамматических форм, относящихся к ранненовоанглийскому периоду: местоименной номинативной формы *thou* и глагольной формы *art*.

Как отмечают исследователи, на современном этапе местоименная форма *thou*, употребляемая в разговорной речи, выражает отношения близости и доверительности [Svartvik, Leech, 2006, p. 55].

Представленное изображение средствами АЯ речи на другом языке мы предлагаем назвать **квазимежъязыковой стилизацией**. Данный вид стилизации выделен впервые и составляет научную новизну исследования.

При переводе на РЯ особенности речи персонажа не переданы, актуализирована стандартная прономинальная форма *ты*, при этом компенсация на уровне высказывания отсутствует. В широком контексте присутствует экспликация разновидности языка — он «говорил на старом кастильском наречии» [Хемингуэй, 1968, с. 120].

Ниже рассмотрим случай внутриязыковой стилизации с использованием архаической прономинальной формы.

Пример 39

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thee</i>	— Or I will rend thee in the gobberwarts with my blurglecruncheon [...]. [НКРЯ]	— И ты взофрешь в отвахренные чвари! [НКРЯ]
--	---	--

В примере 39 в реплике персонажа-инопланетянина актуализирована нестандартная объектная форма *thee*. Данное высказывание представляет случай внутриязыковой стилизации и передает индивидуальную вариативность персонажа.

Thee является объектной формой местоимения *thou* и квалифицируется как архаическая [CD; FD; OED] и диалектная [OED].

В высказывании на РЯ актуализирована стандартная номинативная форма *ты*. При ТД ненормативные черты исходной реплики компенсированы на уровне высказывания благодаря созданию черт индивидуальной вариативности (идиолекта инопланетянина) средствами РЯ.

В рассмотренных примерах 38–39 фактором преобразования является отсутствие прямого соответствия в РЯ. Применена тактика прономинализации; переводческий прием — использование вариантного соответствия.

2.2.1.3.2. ТД местоимения 2-го л. ед.ч. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 2-го л. ед.ч. в пределах других разрядов местоимений

Перейдем к рассмотрению межразрядового сдвига при передаче с АЯ на РЯ местоимения 2-го л. ед.ч.

Пример 40

Худ. диалог Нормативная форма: <i>you</i>	— <u>You</u> know, a death-of-a-Hollywood-dream story. [НКРЯ]	— Крушение голливудской мечты, <u>сам</u> знаешь эти дела. [НКРЯ]
---	--	--

В примере 40 местоимение 2-го л. ед.ч. *you* исходной реплики передано на РЯ усилительным местоимением *сам*.

Переводчик использует местоимение другого разряда не только для создания выделенности высказывания, но и для соблюдения принципа благозвучия, во избежание повторения одинаковых звуков на стыке двух слов (ср. *Крушение голливудской мечты, ты знаешь эти дела*). Переводческий поступок в этом и аналогичных случаях носит превентивный характер, причиной преобразования является эвфонический фактор.

Реализована тактика прономинализации. Использован прием употребления вариантного соответствия.

***ТД местоимения 2-го л. ед.ч.
в пределах других частей речи***

В настоящем разделе рассматриваются случаи ТД, в которых местоимение передается другой частью речи, а также периферийные случаи передачи местоимения кластером, включающим другие части речи.

В следующем примере в результате ТД местоимение передано существительным.

Пример 41

Нарратив Нормативная форма: <i>you</i>	[...] I set in back in between them goons, jus like police done in them ole movies when they took <u>you</u> “downtown”. [Groom, Ch.1]	[...] а я сзади, между двумя амбалами, как в кино показывают когда полицейские везут <u>злодея</u> «в отдел». [Грум, 2018, с. 15]
--	---	--

В примере 41 в исходном высказывании местоимение 2-го л. ед.ч. *you* употребляется в обобщающей функции и передается на РЯ эмоционально-оценочной лексемой *злодей*.

Реализована **тактика номинализации**, состоящая в передаче местоимения АЯ существительным РЯ. Фактором преобразования является стремление к усилению экспрессии высказывания. Использован прием конкретизации, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Далее представлен случай переводческой замены местоимения 2-го л. ед.ч. субстантивным словосочетанием.

Пример 42

<i>Худ. диалог</i> <i>Нормативная форма: you</i>	— [...] Oh <u>you</u> should see what I did in the removal of three metres of small intestine and better now than ever. It is one for The Lancet. <u>You</u> do me a translation and I will send it to The Lancet. Every day I am better. Poor dear baby, how do <u>you</u> feel? Where is that damn corkscrew ? <u>You</u> are so brave and quiet I forget <u>you</u> are suffering. [Hemingway, 1957, p. 62]	— [...] Посмотрели бы <u>вы</u>, как я удалил одному пациенту три метра тонких кишок. Об этом стоит написать в «Ланцет». <u>Вы</u> мне переведете, и я пошлю в «Ланцет». Я совершенствуюсь с каждым днем. Бедный мой бэби, а как ваше самочувствие? Где же этот чертов штопор? <u>Вы</u> такой терпеливый и тихий, что я забываю о вашей ране. [Хемингуэй, 1961, с. 72]
---	---	---

В примере 42 коммуникант беседует со своим сослуживцем, другом и сверстником, используя шутливое обращение *baby*, указывающее на дружеские отношения между собеседниками.

При ТД местоимение 2-го л. ед.ч. передается субстантивным словосочетанием *ваше самочувствие*, содержащим официально-уважительную форму притяжательного местоимения *ваше*, актуализация которой, по-видимому, нацелена на придание высказыванию шутливого тона.

Преобразование личного местоимения в субстантивное словосочетание связана с интенциональной элиминацией номинативной формы *вы* с целью соблюдения стилистических конвенций, поскольку данная форма неоднократно употребляется в рассматриваемом дискурсивном отрывке.

Реализована **тактика номинализации с прономинальным компонентом**, состоящая в передаче местоимения АЯ субстантивным

словосочетанием с местоименным компонентом РЯ. В рассматриваемом случае эта тактика реализована в рамках стратегии избегания (см. пример 19).

Использован прием транспозиции, с заменой поверхностной грамматической структуры: двусоставное предложение заменено односоставным.

Рассмотрим далее преобразование, обусловленное употреблением в переводе клишированной конструкции.

Пример 43

СКД Нестандартная форма: <i>yous</i> Нестандартная функция	He screamed out a few highly unoriginal “f*** yous ” before weaving forward. [НКРЯ]	[...] он несколько раз крайне неоригинально проорал « твою мать ». [НКРЯ]
--	---	---

В примере 43 представлено высказывание, относящееся к СКД — это воспоминание героини о словах, сказанных в ее адрес. В высказывании на АЯ употребляется нестандартная форма *yous* в нестандартной функции, поскольку референтом местоимения является лицо ед.ч., в то время как в стандартной функции данная форма отсылает к лицу мн.ч. [Svartvik, Leech, 2006, p. 169; CD; FD; MWD; OED].

При ТД местоимения *yous* заменено на речевое клише *твою мать*, относящееся к сниженной, бранной лексике. Реализована тактика номинализации с прономинальным компонентом. Фактором преобразования является узус РЯ. Переводческий прием – использование готового аналога, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

ТД с депроминализацией: при актуализации местоимения 2-го л. ед.ч.

В данном разделе рассмотрим креативные переводческие решения.

Пример 44

Худ. диалог Нормативная форма: <i>you</i>	— <u>You</u> are lying. [НКРЯ]	— Ложь! [НКРЯ]
---	-----------------------------------	-------------------

В примере 44 при ТД изменена структура высказывания: исходное двусоставное предложение с местоименной составляющей заменено на односоставное предложение с элиминацией местоимения.

Причиной преобразования является стилистический фактор: достижение естественности звучания диалогической речи и усиление экспрессии.

Применена тактика депроминализации. Используются переводческие приемы компрессии и замены коммуникативного типа высказывания, относящиеся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Пример 45

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>ya</i>	— Knock ‘em dead, hottie, — he called after me with an exaggerated wink. — See <u>ya</u> late-night. [НКРЯ]	— Дай им там как следует, красавица, — крикнул он мне вслед, усиленно подмигивая, — похоже, допоздна не увидимся! [НКРЯ]
--	---	---

В примере 45 актуализирована нестандартная прономинальная форма 2-го л. ед.ч. *ya* для стилизации небрежной разговорной речи.

В лексикографических источниках форма *ya* квалифицируется как разговорная, отражающая особенность произношения [CD; OED].

При ТД местоимение не передается; квант нестандартности в высказывании на РЯ компенсирован благодаря актуализации разговорной лексики в переводном дискурсивном отрывке: *дай им там, похоже*. Фактором преобразования является узус РЯ.

Реализована тактика депроминализации. Переводческий прием — использование антонимического перифраза.

2.2.1.4. Местоимение 2-го лица мн.ч.

Местоимение 2-го л. мн.ч. служит дейктическим указателем адресата множественного числа. Как упоминалось выше, в нормативном варианте АЯ в качестве универсальной номинативной и объектной формы выступает *you*. Диалектные формы местоимения 2-го л. мн.ч. включают: *yous*, *youse*, *you all*, *y'all*, *yiz*, *you guys*, *you folks*, *you lot* и др., которые также не дифференцированы по падежу.

Рассмотрим случаи ТД местоимения 2-го л. мн.ч. в том же порядке, установленном в предыдущих разделах.

2.2.1.4.1. ТД местоимения 2-го л. мн.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений

В блоке примеров 46–48 рассмотрен эллипсис местоимения в функции подлежащего (см. примеры 3, 20, 29, 30).

Пример 46

Худ. диалог Нормативная форма: you	— You flitting, mate? — a voice called from the pavement. [Sillitoe, 1969, p. 6]	— Ø На «прогулку» отправились, ребята? – послышался голос с тротуара. [Силлитоу I, с. 9]
---	---	--

В примере 46 в высказывании на РЯ представлен случай эллипсиса местоимения в функции подлежащего, благодаря которому достигается естественность звучания реплики художественного диалога.

Применена тактика проминализации с использованием НАМ. Фактором преобразования является узус РЯ. Использован переводческий прием имплицитации (см. также примеры 3, 20, 29-31).

В примерах 47–48 наблюдается эллипсис нестандартных форм местоимения 2-го л. мн.ч.

Пример 47

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>y'all</i>	— [...] Y'all stop it or I swear I'll shoot somebody [...]. [Hoag, Ch. 2]	— [...] [Ø] Немедленно прекратите, или, честное слово, я кого-нибудь пристрелю [...]. [Хоуг, Гл. 2]
---	---	---

В примере 47 высказывание на АЯ содержит нестандартную форму местоимения 2-го л. мн.ч. *y'all*, являющуюся средством стилизации разговорной речи юго-запада штата Луизианы.

В американских лексикографических источниках сообщается, что форма *y'all* (наряду с *you all*) характерна преимущественно для южных диалектов США [FD; MWD]; британские словари квалифицируют ее как разговорную [CD; OED].

При ТД местоимение в функции подлежащего, как и в предыдущем случае, подвергается эллипсису. Целью преобразования является создание стилистического эффекта живой разговорной речи, при этом квант ненормативности в переводном высказывании утрачен. Диалектно-разговорные черты исходной реплики частично компенсированы благодаря актуализации разговорного глагола *пристрелю*.

Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Переводческий прием — имплиситация.

Пример 48

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>you folks</i>	— You folks aim to buy anything? [НКРЯ]	— [Ø] Хотите купить что-нибудь? [НКРЯ]
---	---	--

В примере 48 в реплике на АЯ актуализирована нестандартная форма местоимения 2-го л. мн.ч. *you folks* для стилизации диалектной речи юга центральных штатов США.

В рассмотренных лексикографических источниках данная форма не зафиксирована, но в исследованиях по вариативности АЯ она упоминается наряду с другими диалектными формами местоимения 2-го л. мн.ч. [Германова, 2017, с. 46].

При ТД местоимение опускается, при этом высказывание на РЯ утрачивает квант ненормативности. Фактором преобразования является узус РЯ. Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Использован переводческий прием имплицитации.

В блоке примеров 49–50 нестандартные прономинальные формы в результате ТД переданы нормативными местоимениями РЯ.

Пример 49

Худ. диалог Нестандартная форма: you lot	— An' what're you lot up ter? [НКРЯ]	— А вам чего тут понадобилось. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 49 в реплике на АЯ актуализирована нестандартная форма личного местоимения 2-го л. мн.ч. *you lot* как средство стилизации неопределенно-диалектной речи.

Данная форма зафиксирована только в одном из рассмотренных лексикографических источников, где она квалифицируется как идиома, преимущественно употребляемая в Великобритании [FD].

При ТД местоимение передается нормативной формой *вам*, а для компенсации кванта ненормативности актуализирована форма род. п. *чего* (вместо формы вин. п. *что*) вопросительно-относительного местоимения РЯ.

Реализована тактика прономинализации. Переводческие приемы — использование вариантного соответствия, а также замена коммуникативного типа высказывания.

Пример 50

Худ. диалог Нестандартная форма: youse	— Lucky fir youse . [Welsh, 2013, p. 5]	— Считай, что вам повезло. [Уэлш, 2004, с. 6]
---	---	---

В примере 50 в реплике на АЯ употребляется нестандартная местоименная форма *youse*, относящаяся к стилизации шотландского территориального диалекта.

В лексикографических и других источниках зафиксировано, что наряду с формой мн.ч. *youse* употребляется также форма мн.ч. *yous*; обе формы квалифицируются как нестандартные [CD; FD] и диалектные [Svartvik, Leech, 2006, p. 169, 186; OED].

На РЯ прономинальная форма передана нормативной объектной формой местоимения 2-го л. мн.ч. *вам*, в результате диалектная окраска высказывания на РЯ стирается. Фактором ТД является отсутствие в РЯ просторечных форм местоимения 2-го л. мн.ч. Реализована тактика прономинализации. Использован прием употребления вариантного соответствия.

2.2.1.4.2. ТД местоимения 2-го л. мн.ч. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 2-го л. мн.ч. в пределах других разрядов местоимений

Ниже представлен случай ТД местоимения в составе имени собственного.

Пример 51

<i>Худ. диалог</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: you</i>	— Rejoice, for <u>You</u> -Know-Who has gone at last!? [НКРЯ]	— Возрадуйтесь, ибо <u>Сами</u> - Знаете-Кто наконец-то сгинул! [НКРЯ]
---	--	---

В примере 51 в реплике на АЯ нормативная форма *you* является частью эвфемистического именованного героя (темного мага) *You-Know-Who* [FD].

При ТД лично-прономинальный компонент указанного именованного передан на РЯ усилительно-прономинальным компонентом *сами* переводной

единицы *Сами-Знаете-Кто*. Реализована тактика прономинализации. Переводческий прием — использование вариантного соответствия.

Следующий случай демонстрирует возможность актуализации нестандартной местоименной формы РЯ при ТД внесистемной формы АЯ.

Пример 52

Худ. диалог Ненормативная форма: <i>youse</i>	— Mama, how often have I told you not to say ' youse '? [НКРЯ]	— Мама, сколько раз я просила тебя не говорить « чтой-то »! [НКРЯ]
---	---	---

В примере 52 в высказывании на АЯ актуализирована нестандартная форма *youse* для стилизации речи необразованных людей США.

В словарях и других источниках отмечается, что прономинальная форма 2-го л. мн.ч. *youse* характерна для различных диалектов [Svartvik, Leech, 2006, p. 169, 186; OED] (см. также пример 50).

В высказывании на РЯ исходной нестандартной форме соответствует просторечная форма неопределенного местоимения *чтой-то*. Фактором преобразования является отсутствие в РЯ прямого соответствия рассматриваемого местоимения АЯ. Реализована тактика прономинализации.

Используя прием адаптации, переводчик употребляет контекстуально адаптированный коррелят, а также производит замену коммуникативного типа высказывания. Данные приемы относятся (соответственно) к интерпретативно-коммуникативному и трансформационно-семантическому методам перевода.

ТД местоимения 2-го л. мн.ч. в пределах других частей речи

Рассмотрим переводческую замену нестандартной прономинальной формы АЯ существительным РЯ.

Пример 53

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>you guys</i>	— I'll catch <u>you guys</u> later. [НКРЯ]	— Как-нибудь увидимся, <u>девчонки</u> . [НКРЯ]
--	---	---

В примере 53 реплика на АЯ содержит ненормативную форму 2-го л. мн.ч. *you guys*, которая относится к «последним инновациям», используемым в разговорной речи, и употребляется преимущественно в США по отношению к лицам любого пола [Svartvik, Leech, 2006, p. 74; FD].

При ТД данное местоимение передано субстантивным обращением *девчонки*, являющимся маркером разговорной речи. Преобразование мотивировано отсутствием прямого соответствия рассматриваемой разговорной формы в РЯ и стремлением создать естественность звучания.

Применена тактика номинализации. Использован прием экспликации, относящийся к линейному методу перевода.

***ТД с депроминализацией:
при актуализации местоимения 2-го л. мн.ч.***

Ниже представлен случай ТД местоимения 2-го л. мн.ч. в составе разговорного клише.

Пример 54

СКД Нормативная форма: <i>you</i>	<u>You</u> betcha! [King, Ch. 1]	Будьте уверены! [Кинг, 2012, с. 10]
---	-------------------------------------	--

В примере 54 высказывание на АЯ представляет собой устойчивое разговорное выражение с местоименным компонентом *you*, переданное на РЯ вариантным соответствием, не содержащим местоименного компонента.

Преобразование связано со стилистическим фактором: стремлением придать естественность звучания высказыванию, относящемуся к СКД.

Реализована тактика депроминализации. Переводческий прием — использование готового аналога.

2.2.1.5. Местоимение 3-го лица ед.ч. м.р.

Местоимения 3-го лица существенным образом отличаются от местоимений 1-го и 2-го лица, поскольку не являются дейктическими элементами, т.е. непосредственно не связаны с ситуацией коммуникации.

По мнению Э. Бенвениста, 3-е лицо — не-лицо, поскольку это не участник коммуникации [Бенвенист, 1974, с. 262].

Такого же мнения придерживается и известный лингвист Дж. Лайонз, говоря о неискоренимой, фундаментальной разнице между этими двумя подклассами местоимений [Lyons, 1977, p. 638–639].

Относительно коммуникативных процессов, местоимения 3-го л. обычно характеризуются через отрицание: как указатели не участника общения, не объекта речи и в некоторых случаях даже не лица (когда они указывают на предметы).

Лишь в особых случаях местоимения 3-го л. прагматически помечают участников коммуникативной ситуации (см. пример 35) – косвенного, а иногда и прямого адресата, хотя это противоречит нормам культуры русскоязычного общения [Формановская, 2002, с. 106].

Именно поэтому некоторые исследователи полагают, что местоимения 3-го лица выполняют как дейктическую функцию (для этого используется такие термины как «предметный дейксис», «дейксис 3 лица», или «он-дейксис»), так и анафорическую [Арутюнова, Булыгина, Кибрик, 1992, с. 213].

Однако большинство лингвистов считают, что рассматриваемые местоимения не являются дейктическими элементами, а выполняют только анафорическую и референтную функции. Традиционно отмечалось, что в

основе 3-го лица личных местоимений лежат указательные местоимения [Мещанинов, 1978, с. 270].

Перейдем к рассмотрению случаев перевода дискурсивных отрывков, содержащих варианты местоимения 3-го л. ед.ч. м.р.

2.2.1.5.1. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. в пределах разряда собственно-личных местоимений

Как и в предыдущих разделах, начнем рассмотрение ТД со случая эллипсиса местоимения.

Пример 55

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	[...] he got up and headed back to the stairs. [Galbraith, Ch. 1]	[...] Ю поднялся с места и [...] стал продвигаться назад, к лестнице. [Гэлбрейт, 2016, с. 12]
---	---	---

В примере 55 в результате ТД местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. в высказывании на РЯ опущено. Широкий контекст показывает, что фактором преобразования является проблема аккумуляции данного местоимения.

Реализована тактика проминализации с использованием НАМ в рамках стратегии избегания (см. пример 19). Использован прием имплицитации (см. примеры 3, 20, 29–31).

В примере ниже ТД связана с преобразованием лица актуализированного местоимения.

Пример 56

<i>СКД в худ. диалоге</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	— I keep telling him how earthy I think he is [...]. [Banks, 1986, p. 8]	— Сколько раз я этому типу говорил открытым текстом: ты урод [...]. [Бэнкс, 2008, с. 6]
---	--	---

В примере 56 местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. *he* исходного высказывания, относящегося к СКД (косвенной речи в рамках художественного диалога), при ТД заменено на местоимение 2-го л. ед.ч. *ты*.

Такая замена возможна благодаря тому, что косвенная речь в реплике на АЯ *how earthy I think he is* в высказывании на РЯ преобразована в цитату *ты урод*. Здесь персонаж цитирует самого себя, отсылая к другой коммуникативной ситуации и вводя «незаконный» [Падучева, 2010, с. 360] дейктический элемент *ты*. Поскольку цитата не выделена графически, «незаконность» дейктика состоит в том, что *ты* не является адресатом исходной коммуникативной ситуации. Подобные переключения с косвенной речи на цитирование характерны для разговорной речи и приближают описываемые события к моменту коммуникации.

Реализована переводческая тактика проминализации. Использован прием употребления вариантного (контекстного) соответствия.

Следующий случай представляет преобразование, связанное с ТД нестандартной прономинальной формы.

Пример 57

Нарратив Нестандартная форма: um	They call um Sick Boy, no because he's eywis sick wi junk withdrawal [...]. [Welsh, 2013, p. 3]	Его ведь прозвали Кайфоломом не только потому, что он все время в ломке [...]. [Уэлш, 2004, с. 4]
---	---	---

В примере 57 в высказывании на АЯ, имеющем черты стилизации диалекта Глазго, актуализирована нестандартная объектная форма местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. *um*. При ТД она передается стандартной прономинальной формой косвенного падежа *его*, а диалектные черты исходного высказывания компенсированы употреблением арготической лексики: *ломка* (абстинентный синдром), *Кайфолом* (имя собственное от «ломать кайф», т.е. портить настроение).

Фактор преобразования — отсутствие прямого соответствия в РЯ. Реализована тактика проминализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

В следующих двух случаях ТД связана с актуализацией в исходных высказываниях местоимения в нестандартной функции.

Пример 58

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i> <i>Нестандартная</i> <i>функция</i>	— [...] For he . [Amis, 1991, p. 339]	— [...] Для него . [Эмис, Гл. 17]
--	---	---

В примере 58 в высказывании на АЯ актуализирована стандартная номинативная форма местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. в функции дополнения для стилизации лондонской речи. Данная черта также характерна для современных диалектов юго-запада и традиционного диалекта Эссекса [Trudgill, 1999, p. 95].

При ТД актуализирована стандартная прономинальная форма косвенного падежа *него* в стандартной функции, что приводит к потере кванта ненормативности. Реализована тактика прономинализации. Переводческий прием — использование вариантного соответствия.

Пример 59

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: him</i> <i>Нестандартная</i> <i>функция</i>	There we were, just him and me, caught in a massive electrical-charge field [...]. [НКРЯ]	Мы стояли там, только я и он , охваченные сильнейшим электрическим полем [...]. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 59 высказывание на АЯ является маркированным, поскольку в нем актуализирована объектная форма *him* в функции подлежащего в ряду однородных членов.

При ТД в функции подлежащего актуализирована форма им.п. *он*, с потерей кванта ненормативности. Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия. Фактором преобразования является отсутствие параллельных средств в РЯ.

Далее рассмотрим случай актуализации местоимения 3-го л. ед.ч. м.р., в котором используется стилистический прием персонификации.

Персонификация (олицетворение) — «троп, состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ» [Розенталь, Теленкова, 2001, с. 273]. Одним из средств персонификации служат личные местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. и ж.р. в случае замещения неодушевленных существительных благодаря тому, что первые обладают категориями одушевленности и гендера.

Пример 60

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	The stars kept coming, until they made the sky so bright that the sun got jealous. He invited the stars to his side of the world, where it was always bright. [Picoult, Ch. The Weekend. Anna]	Звезды все сыпались и сыпались, пока небо не стало таким ярким, что Солнце начало завидовать. Оно пригласило звезды в свою половину мира, где всегда было светло. [Пиколт, Гл. Выходные. Анна]
---	--	--

В примере 60 в высказывании на АЯ представлено традиционное с точки зрения английской лингвокультуры приписывание дневному светилу мужского гендера благодаря анафорическому использованию гендерного одушевленного местоимения *he* с антецедентом *the sun*.

При ТД местоимение *he* заменено на неодушевленное местоимение 3-го л. ед.ч. ср.р. *оно*, согласующееся по грамматическому роду с существительным *солнце*. Сдвиг грамматического рода (гендера) и потеря семы одушевленности при такой прономинализации компенсированы интерпретатором за счет актуализации глаголов *завидовать*, *приглашать*, традиционно употребляемые с одушевленными существительными.

Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного (контекстного) соответствия.

В примере ниже ТД связана с актуализацией нестандартной прономинальной формы в исходном высказывании.

Пример 61

Худ. диалог Нестандартная форма: 'im	— [...] if he goes, an' they catch him, they send 'im back for three years. [НКРЯ]	— [...] А если уедет и попадется, тогда его посадят на три года. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 61 в реплике художественного диалога представлена стилизация разговорной речи жителей Оклахомы. Актуализирован нестандартный фонетический вариант объектной формы местоимения 3-го л. ед. ч. м.р. *'im*, представленный графическими средствами.

Нужно отметить, что данная форма в речи героя воспроизводится нерегулярно, в рассматриваемой реплике актуализирована также нормативная объектная форма *him*. Однако даже благодаря однократной актуализации нестандартной прономинальной формы высказывание приобретает черты диалектной разговорной речи.

При ТД местоимение передается стандартной объектной формой *его*, что приводит к потере кванта ненормативности.

Реализована тактика прономинализации в рамках стратегии выравнивания в аспекте нормативности. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

В следующем случае рассмотрим стилизованную речь иностранца и ее передачу на РЯ.

Пример 62

Худ. диалог Нестандартная форма: 'e	— E 'as ze chance to compete, 'asn't 'e ? [Rowling, 2000, p. 71]	— [...] он получил шанс участвовать, n'est pas? [Роулинг, Гл. 17]
--	---	---

В примере 62 представлена реплика персонажа на АЯ, имеющая произносительные особенности, свойственные носителям французского языка. К таким особенностям, в частности, относится редукция *h* в начальной позиции слова — так местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. приобретает форму, графически отображаемую как *'e*.

В высказывании на РЯ местоимение передается нормативной прономинальной формой *он*, а стереотипные произносительные черты носителей французского языка компенсированы тем, что конец разделительного вопроса *'asn't 'e?* передан на РЯ французской клишированной конструкцией *n'est pas?(фр. не так ли?)*.

Реализована тактика прономинализации. Использованы переводческие приемы употребления вариантного соответствия, синтаксической деривации и употребления заимствования.

2.2.1.5.2. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. в пределах других разрядов местоимений

В следующих двух случаях ТД связана со стилистическими факторами и стремлением переводчика придать выразительность высказываниям на РЯ.

Пример 63

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	When <u>he</u> seen me watchin [...]. [Groom, Ch. 1]	<u>Этот</u> увидел, что я глазею [...]. [Грум, 2018, с. 10]
---	---	--

В примере 63 персонаж, речь которого характеризуется употреблением просторечных⁹ форм со сниженным стилистическим оттенком, вспоминает об одном неприятном событии. Личное местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. *he* исходного высказывания передано на РЯ указательным местоимением *этот*, передающим оттенок пренебрежения по отношению к объекту речи.

Фактором преобразования является стремление интерпретатора придать высказыванию выразительность, достигаемую также и за счет актуализации просторечной лексемы *глазею*.

⁹ Термин просторечие в данной работе соответствует термину *illiterate speech*, употребляемому в англоязычной лингвистике (Bloomfield 1927).

Вновь реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 64

Худ. диалог Нормативная форма: he	— [...] Now he really is thick. [Banks, 1986, p. 8]	— [...] Вот у кого на самом деле мозгов нет. [Бэнкс, 2008, с. 6]
--	---	--

В примере 64 номинативной форме личного местоимения *he* исходного высказывания в переводе соответствует вопросительно-относительное местоимение *у кого* в форме косвенного падежа.

При ТД реализована тактика прономинализации с падежным варьированием.

Фактором преобразования является, как в предыдущем случае, стремление переводчика придать высказыванию выразительность.

Использован прием идиоматизации: разговорная лексема *thick* в значении *глупый* заменена разговорным фразеологизмом *нет мозгов* с преобразованием поверхностной структуры: двусоставное предложение заменено на односоставное безлично-генитивное предложение.

ТД местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. в пределах других частей речи

В настоящем разделе представлен межкатегориальный сдвиг, т.е. передача местоимения другой частью речи. Поскольку местоимение 3-го л. ед.ч. м.р., как и местоимение 1-го л. ед.ч., является одним из наиболее частотных слов в речи на АЯ [Wordcount], данный вид сдвига широко используется в рамках реализации стратегии избегания (см. пример 19).

В примерах 65–66 рассмотрим осуществление данной стратегии с использованием тактики номинализации.

Пример 65

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	A worn and grubby old man stood with his back against the wall of another tall grey-and-brickred building. He wore a heavy grey-green coat, even in that heat, and one of his shoes was open at the toe, baring skin inside. <u>He</u> held two huge boxes of mushrooms. [Banks, 1986, p. 6]	У ближайшей многоэтажки застыл, прислонясь спиной к серо красной кирпичной стене, оборванный, грязный бродяга. Невзирая на жару, он вырядился в зимнее пальто болотного цвета; из одного башмака торчал босой палец. В руках <u>старик</u> держал две большие коробки свежих шампиньонов. [Бэнкс, 2008, с. 4]
---	--	--

В примере 65 местоимение исходного высказывания *he* в анафорической функции при ТД заменено на кореферентное нарицательное существительное *старик*.

Фактором преобразования является необходимость устранения повтора местоимения 3-го л. ед.ч. в дискурсивном отрывке. Реализован переводческий прием экспликации.

Пример 66

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	As <u>he</u> had anticipated [...]. [НКРЯ]	Как и предполагал <u>Соньер</u> [...]. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 66 анафорическое местоимение *he* исходного высказывания, заменено на антецедент имя собственное *Соньер*. Как и в предыдущем примере, фактором преобразования является необходимость устранения аккумуляции местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. в отрывке дискурса. Использован переводческий прием экспликации.

***ТД с депроминализацией:
при актуализации местоимения 3-го л. ед.ч. м.р.***

В следующем примере стратегия избегания осуществляется с помощью реализации тактики депроминализации.

Пример 67

<i>Нарратив Нормативная форма: he</i>	The boy in the yellow slicker was George Denbrough. He was six. [King, Ch. 1]	Мальчика в желтом дождевике, шести лет от роду, звали Джордж Денбро. [Кинг, 2012, с. 7]
---	---	--

В примере 67 в высказывании на АЯ актуализировано местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. *he*; при ТД местоименная составляющая элиминирована.

Факторами переводческого преобразования является стремление к компактности изложения, а также превентивная элиминация местоимения 3-го л. ед.ч. в рамках стратегии избегания (см. пример 19, 65, 66).

Использованы переводческие приемы объединения предложений и компрессии, с заменой поверхностной структуры: исходное двусоставное предложение преобразовано в неопределенно-личное предложение на РЯ.

Тактика депрономинализации применяется также в примерах 68-69.

Пример 68

<i>Нарратив Нормативные формы: he</i>	And he had something very special waiting for him in the fridge at home. [Galbraith, Ch. 1]	А дома, в холодильнике, ждал своего часа заветный сверток. [Гэлбрейт, 2016, с. 12]
---	---	---

В примере 68 темой высказывания является ужасающая вещь, ожидающая маньяка-убийцу дома, — часть тела его жертвы.

При ТД местоимение элиминировано; фактором преобразования является стремление переводчика создать динамичность повествования.

Использован прием опущения, относящийся к интерпретационно-коммуникативному методу перевода, а также прием идиоматизации (*ждать своего часа*).

Пример 69

<i>Нарратив Нормативная форма: he</i>	He was going to revenge on Cormoran Strike. [Galbraith, Ch. 1]	Корморана Страйка требовалось наказать. [Гэлбрейт, 2016, с. 12]
---	--	--

В примере 69 элиминация местоименной составляющей обусловлена стремлением к созданию динамичности повествования. Использован

переводческий прием компрессии, связанный с изменением поверхностной структуры: двусоставное предложение на АЯ преобразовано в безличное предложение. Актуализация модальности необходимости в переводном высказывании приводит к изменению способа осмысления ситуации.

Далее рассмотрим еще один случай решения проблемы аккумуляция одной и той местоименной формы в дискурсивном отрывке (см. пример 19) с помощью реализации стратегии избегания.

Пример 70

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: he</i>	He realised that maybe he really was after all, just a little, the country hick he had tried so hard to avoid being. He had been so determined to be ungullible, city-wise that perhaps he had gone too far in the other direction, and so read a threat in everything the big city had to offer he. [Banks, 1986, p. 6]	Грэм подумал, что, наверно, он так и остался провинциалом, хотя он упорно с этим боролся. Он всегда напускал на себя столичный скепсис, да, видно, он перестарался; потому и шарахался в ужасе от всего, что приоткрывал ему большой город. [Бэнкс, 2008, с. 4]
---	--	---

В примере 70 представлен фрагмент дискурса на АЯ, состоящий из двух высказываний, в которых местоимение *he* актуализировано пять раз, что не противоречит литературной норме АЯ.

С точки зрения норм русскоязычного художественного дискурса, повтор местоимения в одном или следующих друг за другом высказываниях является нежелательным (если такой повтор не является стилистическим приемом), поскольку в таком случае нарушается эстетическая функция художественного текста.

Для решения данной проблемы, переводчик выбирает стратегию избегания, которая реализуется следующим образом. В первом высказывании на РЯ использован межкатегориальный сдвиг: замена *he* на имя собственное *Грэм*: **He** realized → **Грэм** подумал (тактика номинализации; использование приема экспликации); затем дважды применен эллипсис местоимения в функции подлежащего: **he** really was after all, just a little, the country hick **he**

had tried so hard to avoid being → **[Ø]** *так и остался провинциалом, хотя [Ø] упорно с этим боролся* (тактика прономинализации с использованием НАМ; прием имплицитации). Во втором высказывании местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. сохраняется в первом случае: **He** *had been so determined to be ungullible, city-wise* → **Он** *всегда напускал на себя столичный скепсис* (тактика прономинализации; прием использования прямого соответствия); во втором случае применяется эллипсис местоимения в функции подлежащего: *perhaps he had gone too far in the other direction* → *да, видно, [Ø] перестарался* (тактика прономинализации с использованием НАМ; прием имплицитации); в третьем случае применена **тактика добавления прономинального компонента** — актуализировано местоимение 3-го л. ед.ч. м.р. в форме косвенного падежа: *and so read a threat in everything the big city had to... offer [Ø]* → *потому и шарахался в ужасе от всего, что приоткрывал ему большой город* (прием эксплицитации). Тактика добавления прономинального компонента состоит в добавлении в высказывание на РЯ местоименного компонента, отсутствующего в высказывании на АЯ.

В результате реализации рассмотренных тактик решена проблема аккумуляции одинаковых форм местоимения 3-го л. ед.ч. в рассматриваемом дискурсивном отрывке.

2.2.1.6. Местоимение 3-го лица ед. числа ж.р.

В последние десятилетия местоимение 3-го л. ед.ч. ж.р. *she*, как и рассматриваемое ниже гендерно-нейтральное местоимение 3-го л. ед.ч. *they*, занимают особое положение в социолингвистическом отношении. Существовавший ранее «уклон в сторону мужского рода» (*masculine bias*) при прономинализации одушевленных существительных в настоящее время

подвергается критике. В результате этого в письменных текстах начали появляться искусственно созданные конструкты *she/he*, *he/she*, *s/he* и сочинительные группы *she or he* и др., а в словарях и грамматиках стали публиковаться рекомендации об использовании *she* и *they* в качестве анафорических местоимений ед.ч. в обобщающем значении (т.е. в случаях, когда антецедентом местоимения является субстантивное выражение, не маркированные по лексическому признаку пола) [Петрова, 2011, с. 95].

Рассмотрим сдвиги, которым может подвергаться местоимение 3-го л. ед.ч. ж.р., в порядке, принятом в предыдущих разделах.

2.2.1.6.1. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. в пределах разряда собственно-личных местоимений

Примеры 71–72 представляют случаи ТД с использованием эллипсиса.

Пример 71

СКД Нормативная форма: she	She knew exactly what she was doing. [Galbraith, Ch. 2]	И ведь [Ø] прекрасно знает, что [Ø] делает. [Гэлбрейт, 2016, с. 14]
---	--	--

В примере 71 опущение местоименного подлежащего при переводе на РЯ придает естественность звучания внутренней речи героини. В то же время благодаря глагольным флексиям и контексту местоимение может быть восстановлено. Фактором ТД, с учетом дискурса СКД, является узус РЯ. Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Переводческий прием — имплиситация.

Далее представлен эллипсис местоимения в функции дополнения.

Пример 72

Нарратив Нормативная форма: she	[...] when the glass door burst open beside her . [Galbraith, Ch. 3]	[...] сбоку [Ø] тотчас же распахнулась стеклянная дверь. [Гэлбрейт, 2016, с. 17]
--	--	--

В примере 72 в переводном высказывании эллиптировано местоименное дополнение, по-видимому, интерпретатор счел его

избыточным. Применена тактика прономинализации с использованием НАМ. Использован переводческий прием имплиситации.

В двух следующих примерах представлены случаи осуществления тактики прономинализации.

Пример 73

Нарратив Нормативная форма: <i>she</i>	Would <u>she</u> and Matthew have been getting on better if vows had been exchanged, she wondered. [Galbraith, Ch. 2]	Не факт, что <u>они</u> с Мэтью стали бы ближе друг другу, будь у них свидетельство о браке. [Гэлбрейт, 2016, с. 13]
--	--	---

В примере 73 преобразование относится к грамматической категории числа: местоимение 3-го л. ед.ч. *she* исходного высказывания при ТД заменяется на местоимение 3-го л. мн.ч. *они*. Структура переводной единицы активизирует собирательный фрейм, дающий возможность представить два лица как единое целое (*они с Мэтью*) (см. примеры 6–7, 76). Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 74

Нарратив Нормативная форма: <i>she</i>	Even writing out the <u>she</u> saids, the and thens, made her wince, and she felt foolish, appearing to know about the emotions of an imaginary being. [McEwan, 2002, p. 5]	Даже вывода на бумаге всего лишь « <u>он</u> сказал» или «а потом», Брайони вздрагивала, чувствуя, как глупо полагать, будто наверняка знаешь что-либо о чувствах воображаемого человека. [Макьюэн, 2009, с. 4]
--	---	--

В примере 74 произведена замена грамматического рода местоимения. В высказывании на АЯ местоимение *she* употребляется без антецедента, в сугубо метаязыковой функции. В переводном высказывании интерпретатор использует гендерный сдвиг, согласовывая грамматический род местоимения *он* с родом номинативного словосочетания *воображаемый человек* и употребляя местоимение катафорически.

По всей видимости, данное переводческое решение продиктовано стремлением исключить неоднозначность катафоры (соотнесенность с

именем собственным Брайони). Использован переводческий прием экспликации.

Далее рассмотрим еще один случай персонификации (см. пример 60).

Пример 75

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i>	[...] the moon tried to swallow them up. And sometimes this worked, because she got fatter and rounder. [Picoult, Ch. The Weekend. Anna]	[...] Луна попыталась съесть их. Иногда у нее это получалось, и она поправлялась и становилась круглее. [Пиколт, Гл. Выходные. Анна]
--	--	--

В примере 75 в высказывании на АЯ используется традиционное для английской лингвокультуры приписывание ночному светилу женского гендера, осуществляемое благодаря актуализации гендерного одушевленного местоимения *she* при прономинализации неодушевленного существительного *the moon*.

При ТД актуализировано местоимение 3-го л. ед.ч. ж.р. *она*, совпадающее по грамматическому роду с существительным *Луна*, однако при этом сема одушевленности не передана, поскольку в РЯ местоимения 3-го л. ед.ч. м. и ж.р. могут соотноситься как с одушевленными, так и неодушевленными сущностями. Компенсация семы одушевленности осуществляется за счет актуализации глаголов *съесть* и *поправляться*, традиционно употребляемых с одушевленными сущностями.

Реализована тактика прономинализации. Использованы переводческие приемы употребления прямого соответствия и компенсации.

2.2.1.6.2. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. в пределах других разрядов местоимений

Ниже представлен случай перехода местоимения АЯ в местоименный кластер РЯ, содержащий местоимение другого разряда.

Пример 76

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i>	<u>She</u> and Seaton had wakened from a night of thunderstorms [...]. [Sillitoe, 1969, p. 3]	<u>Оба они</u> с Хэролдом проснулись в ту ночь из-за бушующей грозы [...]. [Силлитоу I, с. 4]
--	---	---

В примере 76 при ТД произведена замена местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *she* на местоименное словосочетание *оба они*, состоящее из определительного местоимения *оба* и личного местоимения 3-го л. мн.ч. *они*.

В основе структурирования исходного высказывания лежит фрейм индивидуализации, обеспечивающий описание и восприятие каждого лица в отдельности (*she and Seaton*). В переводном высказывании активируется собирательный фрейм, подчеркивающий единство двух лиц (*оба они с Хэролдом*) (см. примеры 6, 7, 73).

Фактором преобразования является узус РЯ, при этом актуализация местоименного кластера эмфатизирует субъект действия в высказывании на РЯ. Реализована тактика кластерной прономинализации. Переводческий прием амплификации.

В следующем примере ТД обусловлена актуализацией местоимения АЯ в нестандартной функции.

Пример 77

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i> <i>Нестандартная</i> <i>функция</i>	— [...] And she make <u>she</u> videos. [Amis, 1991, p. 339]	— [...] А она делает всякие видики. С <u>себя</u> . [Эмис, Гл. 17]
--	--	--

В примере 77 в высказывании на АЯ актуализирована стандартная номинативная форма местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *she* в нестандартной функции определения (притяжательного местоимения), как одно из средств стилизации лондонской речи. При ТД использована форма возвратного местоимения в косвенном падеже *себя*. Для выделенности высказывания используется стилистический прием парцелляции, а также актуализирована

разговорная лексема *видики*. Применена тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

***ТД местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р.
в пределах других частей речи***

В настоящем разделе рассматриваются случаи ТД, в которых местоимение передается другими частями речи, а также периферийный случай преобразования местоимения в кластер, включающий другие части речи.

В примерах 78–79 местоимение передается на РЯ субстантивным компонентом.

Пример 78

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i>	<u>She</u> opened her eyes [...]. [Sillitoe, 1969, p. 4]	<u>Вера</u> открыла глаза [...]. [Силлитоу I, с. 5]
--	--	---

В примере 78 произведена замена местоимения *she* исходного высказывания на антецедент местоимения, имя собственное *Вера*, в переводной единице. Из контекста очевидно, что преобразование мотивировано необходимостью решения проблемы аккумуляции номинативной формы местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. в дискурсивном отрывке.

Реализована тактика номинализации в рамках стратегии избегания; использован переводческий прием экспликации.

Пример 79

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i>	The leg was smooth, slender and pale [...]. <u>She</u> had just managed to quell her scream by clamping her hands over her mouth [...]. [Galbraith, Ch. 3]	Нога была стройная, белая, гладкая [...]. Чтобы заглушить собственный крик, <u>девушка</u> зажала рот ладонями [...]. [Гэлбрейт, 2016, с. 17]
--	--	---

В примере 79 анафорическое местоимение *she*, актуализированное в высказывании на АЯ, в переводе заменено antecedентом, нарицательным существительным *девушка*.

Такое преобразование необходимо для исключения неоднозначности референции, возникающей за счет актуализации в предшествующем высказывании двух существительных ж.р. (*девушка* и *нога*). Поскольку в РЯ за счет категории рода местоимение 3-го л. ед.ч. может отсылать как к одушевленной, так и неодушевленной сущности, для снятия неоднозначности переводчик эксплицирует antecedент.

Реализована тактика номинализации. Использован переводческий прием экспликации.

В следующем случае происходит расширение субстантивного компонента в переводном высказывании.

Пример 80

Худ. диалог Нормативная форма: <i>her</i>	— [...] We'd better start dragging the Thames for the rest of <u>her</u> . [Galbraith, Ch. 3]	— Впору пройтись землечерпалкой по Темзе – поискать остальные <u>части тела</u> . [Гэлбрейт, 2016, с. 25]
---	--	--

В примере 80 в исходном высказывании antecedентом местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. является существительное *девушка*, осуществляющее референцию к героине, ставшей жертвой маньяка-убийцы.

При ТД коммуникативная ситуация запускает активацию корпорально-партитивного фрейма, при котором подчеркивается «разложимость» человеческого тела на части. Отметим, что при описании лица в РЯ в отличие от АЯ чаще всего происходит активация интегративного фрейма и лицо представляется целостно [Хайруллин, 2009, с. 30–33]. Объектная форма местоимения 3 л. ед.ч. ж.р. *her* исходного высказывания заменена на субстантивное словосочетание *части тела* в переводном высказывании.

Данное преобразование мотивировано стремлением к достижению естественности звучания реплики художественного диалога. Реализована тактика **кластерной номинализации**, состоящая в передаче местоимения АЯ субстантивными словосочетаниям, содержащим более одного существительного. Переводческий прием — использование метонимического переноса, относящегося к трансформационно-семантическому методу перевода.

***ТД с депрономинализацией:
при актуализации местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р.***

Рассмотрим креативные переводческие решения, результатом которых является отказ от использования местоимения в переводных высказываниях.

Пример 81

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i>	But Matthew had imitated her [...]. [Galbraith, Ch. 3]	Но Мэтью уже стал ерничать [...]. [Гэлбрейт, 2016, с. 15]
--	--	--

В примере 81 в высказывании на РЯ актуализирован непереходный глагол *ерничать*, исключающий возможность употребления дополнения. В результате местоименное дополнение элиминировано.

Фактором преобразования является разная валентность глаголов в исходном и переводном высказывании. Реализована тактика депрономинализации; использован переводческий прием имплицитации.

Пример 82

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: she</i>	She heard him ride away as she let herself inside the building. [Galbraith, Ch. 2]	Под рев двигателя Робин отперла подъезд. [Гэлбрейт, 2016, с. 16]
--	--	---

В примере 82 в переводном высказывании наблюдается элиминация местоименного компонента за счет семантико-синтаксического преобразования сложного предложения с объектным инфинитивным оборотом в более компактную структуру простого предложения.

Фактором ТД является стремление переводчика к созданию динамичности повествования. Реализована тактика депроминализации. Переводческий прием – компрессия, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

2.2.1.7. Местоимение 3-го л. ед.ч. гендерно-нейтральное

Известно, что на протяжении многих веков, прономинальные формы 3-го л. мн.ч. *they* и *them* употреблялись кореференциально с гендерно-нейтральными antecedентами ед.ч., что нашло отражение и в литературных текстах со времени перевода библии Д. Уиклифа, произведений Д. Чосера [Givon, 2001, p. 435] и использовалось известными писателями такими, как У. Теккерей, Б. Шоу, Э. Линдберг [FD].

Современные словари и прескриптивные грамматики указывают на частотность употребления форм *they/them* с antecedентами ед.ч. в разговорном английском и отмечают допустимость такого употребления в нормативном варианте, поскольку данные формы являются гендерно-нейтральными по сравнению с местоимениями *he* и *she* [CD; FD; MWD; OED; Huddleston, Pullum, 2002, p. 493]. Тем не менее, некоторые словари современного словоупотребления призывают использовать данные формы с осторожностью и избегать «отсутствия» согласования местоимения и antecedента по числу, поскольку последнее может быть принято за неграмотность [Garner, 2003, p. 174–175, 718].

Несмотря на критику, по результатам голосования, проведенного Американским диалектологическим обществом в 2015 году, гендерно-нейтральное местоимение 3-го л. ед.ч. *they* стало словом года.¹⁰

***ТД с депроминализацией:
при актуализации местоимения 3-го л. ед.ч. гендерно-нейтрального***

Рассмотрим случай актуализации местоимения *they* с антецедентом ед.ч., служащей для стилизации разговорной речи.

Пример 83

Худ. диалог Нормативная форма: they Нестандартная функция	— Pa, some fellas was talkin' about Tom, an' they says he's parole. [НКРЯ]	— Па, тут один говорил, что Том дал подписку. [НКРЯ]
--	--	--

В примере 83 в высказывании на АЯ нормативная номинативная форма местоимения 3-го л. мн. ч. *they* соотносится с антецедентом ед.ч. В данном случае эта особенность является маркером диалектной разговорной речи, стилизацией устной речи выходцев из штата Оклахомы.

При ТД местоименный компонент элиминирован; реализована тактика депроминализации. Преобразование мотивировано стремлением к созданию компактности и динамичности реплики художественного диалога.

Использованы переводческие приемы: объединения предложений и компрессия, относящиеся к трансформационно-семантическому методу перевода.

¹⁰ American Dialect Society. 2015 Word of the Year Is Singular "They". URL: <https://www.american-dialect.org/2015-word-of-the-year-is-singular-they> (дата обращения 11.01.2019).

2.2.1.8. Местоимение 3-го л. ед.ч. нейтральное/неодушевленное

Английское местоимение 3-го л. ед.ч. *it*, условно определяемое нами как нейтральное/неодушевленное (нейт./неод.), занимает особое место благодаря множеству выполняемых им функций.

Во-первых, среди личных местоимений ед.ч. АЯ только оно отсылает к неодушевленной сущности (обозначающей не-лицо), что, тем не менее, не исключает возможности его перекатегоризации. Для сравнения, в РЯ любое личное местоимение благодаря категории рода может отсылать как к одушевленной, так и неодушевленной сущности.

Во-вторых, *it* может использоваться не только анафорически, но и референциально, без опоры на контекст, например, для обозначения ситуации в целом (включая такие ее составляющие как время, расстояние), состояния окружающей среды и т.д. В этих случаях употребление *it* ограничивается позицией подлежащего: *It is snowing; It is five o'clock; It looks like...; If it were not for...*

В третьих, местоимение *it* также может выполнять следующие функции: интродуктивную (вводную), эмфатическую и некоторые другие сугубо строевые функции [Петрова, 2011, с. 94].

Рассмотрим случаи переводческого варьирования местоимения 3-го л. ед.ч. нейт./неод.

2.2.1.8.1. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного в пределах разряда собственно-личных местоимений

В данном разделе в блоке примеров 84–86 представлены случаи эллипсиса местоимения в переводных высказываниях.

Пример 84

Нарратив Нормативная форма: <i>it</i>	The android can fit in all its commitments because <u>it</u> never has to sleep. [Banks, 1986, p. 10]	Андроид всюду поспевает, потому что <u>Ю</u> не тратит времени на сон. [Бэнкс, 2008, с. 8]
---	--	---

В примере 84 высказывание на АЯ содержит местоимение *it*, в анафорической функции с неодушевленным антецедентом *android*.

В высказывании на РЯ местоимение в позиции подлежащего эллиптировано, оно подразумевается и легко может быть восстановлено благодаря глагольному согласованию. Фактором преобразования является узус РЯ. Реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Использован переводческий прием имплиситации.

Пример 85

Худ. диалог Нормативная форма: <i>it</i>	— Want a cup of tea? She nodded. — Want brandy in <u>it</u> ? [Galbraith, Ch. 3]	— Чаю выпьешь? Она кивнула. — Бренди плеснуть <u>Ю</u> ? [Гэлбрейт, 2016, с. 20]
--	---	---

В примере 85 при ТД эллиптировано местоимение в функции дополнения, поскольку интерпретатор счел его избыточным в контексте диалога. Как и в предыдущем примере реализована тактика прономинализации с использованием НАМ; переводческий прием — имплиситация.

В следующем случае рассмотрим эллипсис нестандартной формы местоимения.

Пример 86

Худ. диалог Нестандартная форма форма: <i>eet</i>	— We hope you like <u>eet</u> . [Salinger, 1951, p. 184]	— Ми увэрен, что вам ошен понравиль <u>Ю</u> ! [Селинджер, 2002, с. 125].
--	---	--

В примере 86 реплика на АЯ включает стилизацию произносительных черт иностранца, выраженных графически: местоимение 3-го л. ед.ч. нейт./неод. имеет нестандартную форму *eet* за счет удлинения долготы гласного. Данный маркер французского акцента отражает реальное

межъязыковое различие, поскольку во французском языке долгота/краткость гласного не является дифференциальным признаком [Гак, 2006, с. 50].

В высказывании на РЯ нестандартная форма местоимения подвергается эллипсису, а стилизация французского акцента достигается благодаря замене некоторых звуков: отсутствующая во французской консонантной системе аффриката /tʃ/ [Гак, 2006, с. 33, 48] заменена на щелевой согласный /ʃ/ (*ош~~е~~н*); замене подверглись гласные звуки: *ми* (мы), *увэрен* (уверен) и нарушен признак твердости/мягкости согласного (*ош~~е~~н*, *понравиль*). Изображается также нарушение согласования по числу между подлежащим и сказуемым *мы увэрен*, используется ненормативная форма глагола прошедшего времени *понравиль*.

При ТД реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Фактором преобразования является узус РЯ. Используются переводческие приемы имплицитации и стилистической компенсации.

Далее рассмотрим роль местоимения в реализации одной из авторских стратегий, которая поддерживается и переводчиком. Речь идет о тактике сокрытия в рамках авторской стратегии мистификации.

К авторской тактике сокрытия относятся такие приемы, как умалчивание (опущение какого-либо важного информативного звена), прямой отказ от ответа под вымышленным предлогом, косвенный отказ от ответа и другие виды высказываний с экспликативной семантикой, т. е. высказываний, требующих смыслового развертывания. Данные тактики могут реализовываться с помощью вербальных и невербальных средств [Шустрова, 2008, с. 17].

Наши наблюдения показали, что при реализации авторской стратегии мистификации в англоязычном художественном дискурсе одним из вербальных лексико-грамматических средств тактики сокрытия является

использование личных местоимений 3-го лица без антецедента или в анафорической функции в случаях, когда интерпретация антецедента затруднена [Гайкалова, 2017, с. 17]. Рассмотрим один из примеров.

Пример 87

Нарратив Нормативная форма: <i>it</i>	That was the smell of something [...] the smell of It , crouched and lurking and ready to spring. [King, Ch. 2]	Запах чудовища [...] запах Оно , затаившегося и изготовившегося к прыжку. [Кинг, 2012, с. 9]
---	---	--

В примере 87 представлен случай безантецедентного употребления местоимения *It*, создающего эффект саспенса, который усиливается вынесением местоимения в заглавие романа. Следует отметить, что на протяжении всего произведения *It*, обозначающее сущность с признаками живого существа, пишется с заглавной буквы, благодаря чему происходит наведение семы автонимности, т.е. способности выступать в качестве имени [Петрова, 1985, с. 32].

При переводе *It* передано местоимением 3-го л. ед.ч. ср.р. *Оно*, которое также выполняет функцию имени. Применена тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

2.2.1.8.2. ТД местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного в пределах других разрядов местоимений

Ниже, как и в примере 86, рассмотрим случай стилизации иностранного акцента в исходном и переводном высказываниях.

Пример 88

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>eet</i>	— Eet ees my destiny. [НКРЯ]	— Такая у меня судьба! [НКРЯ]
---	--	---

В примере 88 представлена реплика героя на АЯ, содержащая черты стилизации французского акцента.

Нестандартная форма местоимения 3-го л. ед.ч. нейт./неод. *eet*, при ТД передается нормативной формой указательного местоимения ж.р. ед.ч. *такая*. В переводном высказывании компенсация произносительных особенностей персонажа отсутствует, что приводит к потере кванта ненормативности по сравнению с оригиналом.

Реализована тактика прономинализации. Использован прием употребления вариантного соответствия.

***ТД местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного
в пределах других частей речи***

В данном разделе представлены случаи передачи местоимения другой частью речи и кластером, содержащим другие части речи.

Ниже рассмотрим еще один пример реализации авторской стратегии мистификации и переводческое решение, которое поддерживает данную стратегию (см. также пример 87).

Пример 89

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: it</i>	He had to hold on to that thought, because this evening he was going to have to return to <u>It</u> and the half-life, the lie-life, that allowed the real Him to walk and breathe in secret. [Galbraith, Ch. 7]	И за эту мысль нужно держаться, потому что сегодня вечером его ожидало возвращение к <u>Чуду</u> и к полужизни – к лживой жизни, которая позволяла Ему настоящему ходить и дышать тайно. [Гэлбрейт, 2016, с. 52]
---	---	---

В примере 89 темой высказывания на АЯ является некое *It*, о котором ничего не известно, безантецедентное употребление местоимения создает ситуацию неопределенности и эффект саспенса.

При ТД местоимение *It* заменено на существительное в косвенном падеже *Чуду*. В отличие от случая в примере 87, переводчик отказывается от использования прямого соответствия местоимения *оно* по следующей причине. Поскольку в исходном высказывании помимо *it* актуализировано анафорическое местоимение *he*, в переводной единице омонимичность форм косвенного падежа местоимений *он* и *оно* могла бы привести к неоднозначности анафоры (ср. *его* ожидало возвращение к *Нему* и к полужизни – к лживой жизни, которая позволяла *Ему* настоящему ходить и дышать тайно).

При ТД реализована тактика номинализации. Переводческий прием – использование целостного преобразования, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

В процессе ТД местоимение может быть преобразовано не только в другую часть речи, но и в кластер, включающий другие части речи. Ниже рассмотрим один из примеров.

Пример 90

<i>Наппатив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: it</i>	He [...] scratched his short, curly black hair where <u><i>it</i></u> stuck out from under his tartan cap. [Banks, 1986, p. 9]	Он [...] почесал голову там, где из-под клетчатой кепки выбились <u>короткие завитки черных волос.</u> [Бэнкс, 2008, с. 7]
---	---	--

В примере 90 высказывание на АЯ содержит местоимение *it* в анафорической функции с антецедентом *hair* (*short, curly black hair*). При ТД местоимение заменено на субстантивное словосочетание *короткие завитки черных волос*.

Фактором преобразования является различная сочетаемость глагола *scratch* (*scratch smb's hair*) в АЯ и глагола *почесать* (*почесать голову*) в РЯ и необходимости восстановления опущенной информации.

При ТД реализована тактика **кластерной номинализации с адъективным компонентом**, состоящая в передаче местоимения АЯ

субстантивным словосочетанием, содержащим более одного существительного и хотя бы одно прилагательное.

Результирующее преобразование включает переводческие приемы метонимического переноса (*short, curly black hair* → *голову*) и компенсации (*it* → *короткие завитки черных волос*), относящиеся к трансформационно-семантическому и интерпретативно-коммуникативному методам перевода соответственно.

***ТД с депроминализацией:
при актуализации местоимения 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного***

В блоке примеров 91–94 представлено несколько случаев депроминализации местоимения 3-го л. ед.ч. нейт./неод., выполняющего различные функции в исходных высказываниях.

Пример 91

<i>Худ. диалог</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: it</i>	— And it 's even not my size, — said Strike. [Galbraith, Ch. 3]	— Даже не моего размера, — сострил частный сыщик [...]. [Гэлбрейт, 2016, с. 18]
--	--	---

В примере 91 высказывание на АЯ содержит местоимение *it* в анафорической функции, а соответствующее предложение является полночленным (двусоставным).

При ТД местоимение опускается и синтаксическая структура заменяется односоставным генитивным предложением (*Даже не моего размера*).

Фактором преобразования является стремление к лаконичности, компактности реплики диалога, отвечающим принципу языковой экономии.

Реализована тактика депроминализации. Использован прием имплицитации, относящийся к буквальному методу перевода.

Пример 92

Худ. диалог Нормативная форма: <i>it</i>	— Keep it short, — Graham told him. [Banks, 1986, p. 9]	— Короче, — перебил Грэм. [Бэнкс, 2008, с. 7]
--	---	--

В примере 92 реплика героя на АЯ содержит местоимение *it* в функции десемантизированного вводного дополнения.

При ТД местоимение элиминировано и высказывание на РЯ приобретает лаконичную разговорную форму *Короче*.

Реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием компрессии, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Пример 93

Худ. диалог Нормативная форма: <i>it</i>	— If it 's The Sands of Love, I've already heard it. [Banks, 1986, p. 9]	— «Пески любви». Знаю, слышал. [Бэнкс, 2008, с. 7]
--	--	---

В примере 93 в высказывании на АЯ местоимение *it* употребляется в функции вводного подлежащего, выполняющего формальную строевую функцию.

При ТД условное предложение на АЯ заменено на простые односоставные предложения, в результате местоименная составляющая элиминирована. Употребление односоставных предложений характерно для устной речи; фактором данного преобразования является стремление переводчика к достижению естественности звучания реплики диалога.

Использованы приемы компрессии и членения предложения, относящиеся к трансформационно-семантическому методу перевода. При ТД реализована тактика депроминализации.

Пример 94

Худ. диалог Нормативная форма: <i>it</i>	— It just occurred to me, — Graham said defensively. [Banks, 1986, p. 10]	— Да просто к слову пришлось, — сказал Грэм. [Бэнкс, 2008, с. 8]
--	---	---

В примере 94 в высказывании на АЯ местоимение *it* употребляется в анафорической функции.

При ТД интерпретатор актуализирует фразеологизм *к слову пришлось* в составе безличного предложения.

Реализована тактика депроминализации. Преобразование осуществляется для создания естественности звучания. Использован переводческий прием идиоматизации.

В примерах 95–96 рассмотрим случаи актуализации нестандартных глагольно-местоименных комплексов, служащих маркерами разговорной и диалектной речи.

Пример 95

Худ. диалог Нестандартный комплекс: <i>twill</i>	— <i>Twill</i> cure thy diseases. [НКРЯ]	— Сразу вылечишься от всех своих болезней. [НКРЯ]
---	--	--

В примере 95 в реплике на АЯ нестандартный глагольно-местоименный комплекс, образованный от *it will*, употребляется как одно из средств стилизации речи на испанском языке. Данная единица участвует в квазимежъязыковой стилизации (см. примеры 38, 95, 120, 123).

При ТД реализована тактика депроминализации. Преобразование мотивировано отсутствием параллельных средств в РЯ, а также стремлением к достижению естественности звучания реплики диалога.

Использован переводческий прием модуляции на основе обусловленности, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

Пример 96

Худ. диалог Нестандартный комплекс: <i>innit</i>	— Cloaked in secrecy <i>innit</i> [...]. [Amis, 1991, p. 10]	— Тайна, покрытая мраком, не иначе [...]. [Эмис, Гл. 1]
---	--	--

В примере 96 в реплике на АЯ актуализирован нестандартный глагольно-местоименный комплекс *innit* (от *isn't it*) для стилизации лондонского диалекта.

Лексикографические источники квалифицируют данную форму как разговорную [CD; OED] и сленговую [FD].

При ТД реализована тактика депроминализации. Ненормативные черты исходного высказывания компенсированы за счет актуализации разговорного фразеологизма *тайна, покрытая мраком*. Использован переводческий прием идиоматизации, относящийся к трансформационно-сематическому методу перевода.

2.2.1.9. Местоимение 3-го л. мн.ч.

Местоимение 3-го л. мн.ч. может отсылать к одушевленным и неодушевленным сущностям. Понятие множественности в этом случае может обозначать как множество однородных предметов, так и совокупность разнородных лиц или предметов. Таким образом, значение множественности, заключенное в *they*, имеет общее как с множественным числом имен существительных, так и со значением множественности местоимений 1-го и 2-го лица [Плунгян, 2003, с. 255–256].

2.2.1.9.1. ТД местоимения 3-го л. мн.ч. в пределах разряда собственно-личных местоимений

Начнем с рассмотрения случая эллипсиса местоимения в нестандартной функции.

Пример 97

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: they</i> <i>Нестандартная</i> <i>функция</i>	[...] a bunch of kids started comin into the locker room an takin out they football stuff [...]. [Groom, Ch. 1]	[...] в раздевалку потянулись ребята – достают из шкафчиков Ю спортивную форму [...]. [Грум, 2018, с. 16]
---	---	---

В примере 97 высказывание на АЯ содержит нормативную объектную форму местоимения 3-го л. мн.ч. в функции определения (притяжательного местоимения). Эта черта является характерной для диалектной и вернакулярной речи (просторечия) США [Wolfram, 2004, p. 333].

Эллипсис местоимения в высказывании на РЯ обусловлен узусом РЯ. Просторечные черты исходного высказывания компенсированы благодаря актуализации разговорной лексики *потянулись*.

При ТД реализована тактика прономинализации с использованием НАМ. Используются приемы имплицитии и стилистической компенсации.

В блоке примеров 98–100 представлены случаи ТД нестандартных форм местоимения 3-го л. мн.ч.

Пример 98

<i>Худ. диалог</i> <i>Нестандартная</i> <i>форма: dem</i>	— Huccome you din' ast dem ter stay fer supper, Miss Scarlett? [НКРЯ]	— Как жо вы не пригласили их отужинать, мисс Скарлетт? [НКРЯ]
---	---	---

В примере 98 высказывание на АЯ представляет стилизацию разговорной речи южных штатов США периода гражданской войны. В реплике героини актуализирована нестандартная объектная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *dem*, в контексте данного произведения являющаяся индексом низшего социального класса и речи необразованных людей.

Однако У. Лабов относит прономинальную форму *dem* (как и формы *dese*, *dose*) к известным в США стереотипам [Лабов, 1975, с. 161]. Лексикографические источники квалифицируют рассматриваемую прономинальную форму как разговорную и диалектную [OED].

Данное фонетическое явление получило название DH-stopping и состоит в замене фрикатива /ð/ дентальноальвеолярным /d/, а также замене глухого фрикатива /θ/ на глухой лабиодентальный /f/ [Labov, 2006, p. 157; Block, 2013, p. 79].

При ТД местоимение передано стандартной формой косвенного падежа *их*, а в качестве компенсации для стилизации речи необразованных людей актуализирована просторечная частица *жо*. Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 99

<i>Нарратив</i> <i>Нестандартная</i> <i>форма: em</i>	[...] but I done read up on em [...]. [Groom, Ch. 1]	[...] потому как все книшки про них перечитал [...]. [Грум, 2018, с. 10]
---	---	---

В примере 99 в высказывании на АЯ актуализирована нестандартная объектная форма *em* местоимения 3-го л. мн.ч., отражающая произносительные особенности небрежной разговорной речи.

Нестандартная форма *em* (‘em) в словарях квалифицируется как разговорная [CD; FD; MWD; OED].

При ТД местоимение передано нормативной формой косвенного падежа *них*, при этом черты разговорной речи компенсированы благодаря актуализации лексемы *книшки*. Фактором преобразования является отсутствие прямого соответствия в РЯ.

Реализована тактика прономинализации; использованы переводческие приемы употребления вариантного соответствия и стилистической компенсации.

Пример 100

<i>Худ. диалог</i> <i>Нестандартная</i> <i>форма: zey</i>	– Zey are saying zat zis little boy is to compete also! [Rowling, 2000, p. 70]	– Они говорят, что этот пти гарсон тоже примет участие. [Ролинг, 2002, с. 259]
---	--	--

В примере 100 в реплике на АЯ актуализирована нестандартная номинативная форма *zeu*, участвующая в стилизации французского акцента: отсутствующий во французской консонантной системе фрикативный звук /ð/ заменяется на фрикативный /z/ [Гак, 2006, с. 50]. Данное явление мы классифицируем как межъязыковую стилизацию (см. пример 86).

При ТД в высказывании на РЯ местоимение передается нормативной формой *они*. При этом используется лексическая компенсация *пти гарсон* (от фр. *petit garçon*, в пер. *маленький мальчик*), представляющая транскрибированное иноязычное вкрапление, являющееся добавочным по сравнению с оригинальным высказыванием.

Реализована тактика проминализации. Использованы переводческие приемы употребления вариантного соответствия и стилистической компенсации.

2.2.1.9.2. ТД местоимения 3-го л. мн.ч. вне разряда собственно-личных местоимений

ТД местоимения 3-го л. мн.ч. в пределах другого разряда местоимений

В примерах 101–102 рассмотрим ТД нормативных прономинальных форм.

Пример 101

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: they</i>	[...] an they was droolin an spasmoin an beatin on the desks with they fists. [Groom, Ch. 1]	[...] и те стали пускать слюни, дергаца и по партам кулаками барабанить. [Грум, 2018, с. 15]
---	--	--

В примере 101 актуализирована нормативная форма *they*, однако само высказывание на АЯ содержит черты речи просторечия.

При ТД местоимение 3-го л. мн.ч. передано нормативной формой указательного местоимения мн.ч. *те*, которая при актуализации в субстантивной функции передает просторечную окраску исходного высказывания (в совокупности с актуализацией просторечных лексических единиц: *пускать слюни, дергаца*).

Фактор преобразования – компенсация ненормативных черт на уровне высказывания. Реализована тактика прономинализации. Переводческий прием — использование вариантного соответствия.

Пример 102

Худ. диалог Нормативная форма: them Нестандартная функция	— Say, Smoke, them dogs of ourn is the goods. [НКРЯ]	— Послушай, Смок, какие у нас чудесные собаки! [НКРЯ]
--	---	--

В примере 102 в исходном высказывании нормативная объектная форма *them* актуализирована в нестандартной функции определения (указательного местоимения *these*) для стилизации диалектной речи.

Отмечается, что употребление личных форм местоимения 3-го л. мн.ч. *they* и *them* в функции указательных местоимений *these* и *those* является одной из самых распространенных черт в диалектах Великобритании и США [Coupland, 1988, p. 35; Cheshire, Edwards, 1998, p. 64; Kortmann, Szmrecsanyi, 2004, p. 1163–1202].

К нестандартным чертам высказывания относится также актуализация ненормативной формы абсолютного притяжательного местоимения *ourn* (см. пример 119).

При ТД местоимение заменено на стандартную форму относительного местоимения *какие*, нейтрализующую ненормативность в высказывании на РЯ. Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

В примерах 103–104 представлена ТД нестандартных форм местоимения 3-го л. мн.ч. в нестандартных функциях.

Пример 103

Худ. диалог Нестандартная форма: dey Нестандартная функция	— Talbot, dey coachman, tole me. [НКРЯ]	— Тальбот, ихний кучер, сказал. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 103 в реплике на АЯ актуализирована нестандартная форма 3-го л. мн.ч. *dey* в нестандартной функции определения (притяжательного местоимения), как одна из черт стилизации разговорной речи южных штатов США (см. также пример 98).

При ТД употребляется просторечная форма притяжательного местоимения 3-го л. мн.ч. *ихний*, передающая диалектную окраску исходного высказывания. Нужно отметить, что подобная передача ненормативности английского местоимения является достаточно редким случаем в нашей выборочной совокупности.

Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 104

Худ. диалог Нестандартная форма: dem Нестандартная функция	— Me put on airs fo' dem cheap niggers? [НКРЯ]	— Чтоб я стал задирать нос перед этими нищими неграми? [НКРЯ]
---	--	---

В примере 104 актуализирована нестандартная объектная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *dem* в функции определения (указательного местоимения *those*) — черта, свойственная многим диалектам и вернакулярной речи (ср. пример 97).

При ТД местоимение передано стандартной формой указательного местоимения мн.ч. *этими*, при этом компенсацией вернакулярных черт исходного высказывания является актуализация разговорного фразеологизма

задирать нос. Применена тактика прономинализации; использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

***ТД местоимения 3-го л. мн.ч.
в пределах других частей речи***

В примерах 105–106 представлена реализация переводческой стратегии избегания за счет использования варианта перевода, относящегося к другой части речи или включающего другие части речи.

Пример 105

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: they</i>	<u>They</u> came into sight trotting along the edge of the timber [...]. [НКРЯ]	<u>Отряд</u> показался на опушке леса [...]. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 105 нормативная форма *they* при ТД передается существительным *отряд*. Данное преобразование, как свидетельствует обращение к широкому контексту, является реализацией переводческой стратегии избегания для решения проблемы аккумуляции одной и той же прономинальной формы (см. также примеры 19, 70).

Фактором преобразования является аккумуляция местоимения в дискурсивном отрывке. Реализована тактика номинализации. Использован переводческий прием экспликации.

Пример 106

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: they</i>	Usually <u>they</u> oppressed and threatened him [...]. [Banks, 1986, p. 5]	При встрече с <u>такими субъектами</u> он содрогался [...]. [Бэнкс, 2008, с. 4]
---	---	---

В примере 106 в исходном высказывании актуализирована нормативная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *they*, которой в переводной единице соответствует субстантивное словосочетание *такими субъектами*, включающее указательное местоимение мн.ч. *такими* и существительное *субъектами*.

Семантико-синтаксическая структура предложения, соответствующего высказыванию, изменена с использованием приема синтаксической деривации со сменой синтаксической роли члена предложения: при ТД подлежащее *they* преобразовано в дополнение *такими субъектами*.

Факторами преобразования является стремление переводчика придать высказыванию выразительность, а также создать динамичность повествования. Применена тактика номинализации с прономинальным компонентом. Используются переводческие приемы экспликации и синтаксической деривации.

***ТД с депроминализацией:
при актуализации местоимения 3-го л. мн.ч.***

Рассмотрим креативные переводческие решения, мотивированные различными факторами. Примеры 107–110 иллюстрируют случаи непредставленности местоимения, обусловленной преобразованием включающей структуры.

Пример 107

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная форма: they</i> <i>Нестандартная функция</i>	They was one big fat boy, musta been fourteen or so, an he was afflicted with some kinda thing made him shake like he's in the electric chair or somethin. [Groom, Ch. 1]	Один толстяк лет примерно 14-ти страдал какой-то трясучкой. [Грум, 2018, с. 13]
--	---	--

В примере 107 в высказывании на АЯ нормативная номинативная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *they* актуализирована в функции десемантизированного элемента *there* бытийной конструкции *there was* для стилизации просторечия.

В высказывании на РЯ бытийная конструкция опускается, и все предложение подвергается компрессии. При этом ненормативность исходного высказывания нейтрализуется.

Фактором преобразования является стремление к созданию динамичности повествования. Реализована тактика депроминализации. Используются переводческие приемы компрессии и опущения.

Пример 108

Нарратив Нормативная форма: <i>they</i>	They had no window to look out of [...]. [НКРЯ]	Окон, чтобы выглядывать наружу, не было [...]. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 108 в исходном высказывании актуализирована нормативная прономинальная форма *they*.

При ТД местоимение элиминировано за счет преобразования семантико-синтаксической структуры соответствующего высказыванию предложения: двусоставное предложение на АЯ заменено односоставным бытийным предложением на РЯ. Фактором преобразования является узус РЯ. Реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием синтаксической деривации.

В примерах 109–110 элиминация местоимения связана с компрессией включающей структуры.

Пример 109

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>dem</i> Нестандартная функция	— [...] Dese fellows here are good sports, all o' dem . [НКРЯ]	— [...] Ребята у нас хорошие и повеселиться умеют. [НКРЯ]
---	--	--

В примере 109 актуализирована нестандартная объектная форма местоимения 3-го л. мн.ч. *dem* как одно из средств стилизации разговорной речи центральных штатов США (ср. пример 98).

При ТД реализована тактика депроминализации. Факторами преобразования являются стремление к лаконичности диалогической реплики, соответствующей принципу экономии языковых средств.

Использован переводческий прием опущения, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

Пример 110

<i>Худ. диалог</i> <i>Нестандартная</i> <i>форма: zeу</i>	— Do zeу want us back in ze Hall? [Rowling, 2000, p. 69]	— Нас зовут обгатно в заль? [Роулинг, Гл. 17]
---	--	--

В примере 110 актуализирована нестандартная номинативная форма *zeу*, являющаяся средством стилизации французского акцента в реплике персонажа на АЯ. Данная единица участвует в межъязыковой стилизации (см. пример 86).

При ТД местоименная составляющая элиминирована за счет использования приема компрессии. Реализована тактика депрономинализации. Фактор преобразования – стремление к созданию эффекта непринужденности и естественности звучания за счет использования неопределенно-личной структуры, составляющей типологическую черту РЯ.

На уровне высказывания нестандартность компенсирована использованием орфографической ненормативности: увулярный /я/ (грассирование) на письме передан буквой «г»; /1/ палатализован, поскольку во французском языке этот согласный всегда является мягким [Гак, 2006, с. 50].

2.2.2. Притяжательные местоимения

Наряду с личными местоимениями категорию лица выражают также притяжательные местоимения. Данная категория, учитывая ее многоаспектный и многоуровневый характер, предполагающий множество способов выражения ее значений, может рассматриваться шире, как когнитивно-коммуникативная категория персональности, связанная с предметным миром и когнитивно-познавательной деятельностью человека.

Помимо категории персональности, притяжательные местоимения выражают категорию посессивности, или принадлежности, являющуюся

одной из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой состоит в «определении названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету...» [ЛЭС, 1990, с. 388].

Притяжательные местоимения в АЯ представлены двумя видами: собственно притяжательными и притяжательными абсолютными. Первый вид относится к атрибутивным местоимениям, а второй – к субстантивным, при этом последние могут занимать любую субстантивную и присвязочную позицию: *the table next to theirs; ours was the fastest car* [Гуревич, 2019, с. 144].

В англоязычной когнитивной системе широко распространено указание принадлежности. Вследствие этого в АЯ по сравнению с РЯ притяжательные местоимения используются шире: они с необходимостью употребляются с обозначениями сущностей, мыслимых как неотчуждаемые, таких как родственные связи, части тела, предметы одежды и личного обихода. По этой причине в пределах английского высказывания может наблюдаться многократное употребление одной и той же формы притяжательного местоимения. Как в случае личных местоимений, так и притяжательных, англоязычной социум толерантен к аккумуляции одинаковых прономинальных форм в одном высказывании или дискурсивном отрывке.

В свою очередь в РЯ притяжательные местоимения могут использоваться прагматически в случаях «подчеркнутой, окрашенной притяжательности» [Николаева, 2002, с. 38]. Их употребление может развивать качественно-оценочный компонент значения и подчеркивать близость, дружелюбность, доверительность и т.п. в эмоциональных обращениях, таких как *солнышко мое, мой милый*; либо напротив подчеркивать отчужденность, иронию, сарказм, как в «Счас еще Соню твою подожду...» [Шукшин]. «Врут ваши москвичи!» [Булгаков, Гл. 13].

В ходе исследования были выделены случаи актуализации нестандартных форм как собственно-притяжательных, так и абсолютных местоимений, а также отмечены некоторые случаи варьирования функции притяжательных местоимений в англоязычном художественном дискурсе.

2.2.2.1. ТД притяжательных местоимений в пределах данного разряда

Начнем рассмотрение со случаев актуализации собственно-притяжательных форм, начиная с 1-го л. ед.ч., 1-го л. мн.ч. и т.д., а затем перейдем к рассмотрению случаев актуализации абсолютных форм притяжательных местоимений.

В следующих двух случаях актуализированы нестандартные собственно-притяжательные формы.

Пример 111

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>mi</i>	— [...] GET OFFF <u>MI</u> ARM ON BOTHER [...]. [НКРЯ]	— [...] СНЯТЬ ССС <u>МОЙ</u> РУКИ О ПРОКЛЯТЬЕ [...]. [НКРЯ]
--	---	--

В примере 111 в реплике героя фантастической повести, обращенного в дракона, актуализирована нестандартная форма собственно-притяжательного местоимения *mi*, служащая средством стилизации идиолекта мифологического существа.

В данном случае автор использует зрительный диалект, поскольку рассматриваемая местоименная форма произносится так же, как и нормативная форма *my*.

На РЯ местоимение передано стандартной формой *мой*, а в качестве компенсации нестандартности используется нарушение согласования в роде и падеже с соответствующим существительным (*с мой руки* вместо *с моей руки*).

Реализована тактика прономинализации. Переводческий прием — использование вариантного соответствия.

Пример 112

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thy</i>	— Here, Montez, have it all! Thy need is greater than mine. — He stumbled a bit in trying to say this, since he rarely used second person singular in Planetary Standard. [НКРЯ]	— О Монтес, съешь ее всю сам — твоя нужда больше моей!» — последнюю фразу он произнес с запинкой, поскольку ему редко приходилось ставить глаголы общепланетарного эсперанто во второе лицо единственного числа. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 112 в реплике персонажа на АЯ актуализирована нестандартная собственно-притяжательная форма *thy*.

Данная форма квалифицирована в словарях как архаическая [MWD] или диалектная и архаическая [OED].

В рассматриваемом случае она используется как средство квазимежъязыковой стилизации (см. примеры 38, 95), поскольку в дискурсивном отрывке эксплицирован язык диалога: *Planetary Standard* (общепланетарный эсперанто).

На РЯ местоимение передается нормативной формой *твоя*, нейтрализующей нестандартную окраску исходного высказывания. Однако экспликация языка общения в дискурсивном отрывке компенсирует стилистическую потерю.

Реализована тактика прономинализации. Фактором преобразования является отсутствие параллельных средств в РЯ. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 113

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yer</i>	— Ye' all get yer firs' sight o' Hogwarts in a sec [...]. [НКРЯ]	— Скоро первый раз увидим «Хогварц»[...]. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 113 в реплике диалога актуализирована нестандартная притяжательная форма *yer* (ср. пример 30) для стилизации речи персонажа на

неопределенном диалекте (для этой же цели актуализирована нестандартная собственно-личная форма *ye' all*).

При ТД местоимения использована тактика депроминализации, в результате чего утрачивается квант ненормативности. Использован переводческий прием имплицитации.

В следующем случае представлена ТД нормативной собственно-притяжательной формы в нестандартной функции.

Пример 114

Худ. диалог Нормативная форма: its Нестандартная функция	— Like — Keith coughed and went on, —like she was pining. Pining. Pining its little heart out [...]. [Amis, 1991, p. 178]	— Типа [...] — Кит прокашлялся и продолжил, — типа, она чахнет. Иссыхает. Чахнет ее бедное сердечко. [Эмис, Гл. 10]
---	---	---

В примере 114 в реплике на АЯ актуализирована форма притяжательного местоимения 3-го л. ед.ч. нейт./неод. *its* в нестандартной функции притяжательного местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *her* для стилизации лондонского диалекта.

При ТД местоимение передано нормативной формой 3-го л. ед.ч. *ее*, а в качестве компенсации нестандартности дважды актуализирована разговорная лексема *типа*. Реализована тактика проминализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Ниже представлен достаточно редкий случай ТД, в котором нормативная форма местоимения заменяется на нестандартную форму.

Пример 115

СКД Нормативная форма: their	But their heads were filled with knowledge that enabled them to talk her talk, — the thought depressed him. [НКРЯ]	А вот головы ихние набиты знаниями, и они могут разговаривать с ней на ее языке. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 115 актуализирована нормативная форма *their*, которая при ТД передана просторечной формой притяжательного местоимения 3-го л. мн.ч. *ихние*.

Такое переводческое решение связано с компенсацией на уровне дискурсивного отрывка ненормативных черт оригинала (в дискурсе СКД компенсированы нестандартные черты реплик персонажа, относящихся к дискурсу художественного диалога).

Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Далее рассмотрим два случая ТД абсолютных форм притяжательных местоимений.

Пример 116

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yourn</i>	— Well, it ain't yourn , an' it ain't gonna be yourn . [НКРЯ]	— Это все не твое и твоим никогда не будет. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 116 реплика на АЯ представляет стилизацию диалектной речи юга центральных штатов США; в ней дважды актуализирована абсолютная форма притяжательного местоимения 2-го л. *yourn*.

Формы *yourn*, *hisn*, *hern*, *ourn*, *theirn* (см. также примеры 117, 120, 125, 126), возникшие в среднеанглийский период в восточных и западных диалектах южной Англии, являются результатом выравнивания притяжательных местоимений по форме 1-го л. ед.ч. *mine* [Trudgill, 1999, p. 90–91) и отражают тип слабого именного склонения.

В лексикографических источниках данная форма квалифицируется как диалектная [MWD] или архаическая и диалектная [OED].

При ТД реализована тактика прономинализации, использованы формы притяжательного местоимения 2-го л. ед.ч. *твое* и *твоим*, при этом ненормативная окраска высказывания утрачивается. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 117

Нарратив Нестандартная форма: <i>hisn</i>	Then he busted out, and had another of them forty-rod laughs of hisn . [НКРЯ]	И Джеф Гукер снова разразился своим громыхающим хохотом. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 117 актуализирована абсолютная форма притяжательного местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. *hisn*.

В настоящее время форма *hisn* квалифицируется как диалектная [MWD] или архаическая и диалектная [YD].

При ТД актуализация нормативного притяжательного местоимения *своим* приводит к потере кванта ненормативности. Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

2.2.2.2. ТД притяжательных местоимений вне данного разряда

ТД притяжательных местоимений в пределах других разрядов местоимений

В примере ниже рассмотрим случай ТД ненормативной собственно-притяжательной формы.

Пример 118

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thy</i>	— Then hold <u>thy</u> devilish noise and talk. [НКРЯ]	— Прекрати <u>этот</u> дьявольский шум и расскажи нам. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 118 в реплике на АЯ актуализирована архаическая и диалектная форма [OED] притяжательного местоимения 2-го л. ед.ч. *thy* как средство стилизации речи сказочного персонажа.

При ТД местоимение передано нормативным указательным местоимением *этот*, нейтрализующим нестандартную окраску исходного высказывания. Фактором преобразования является отсутствие параллельных средств в РЯ.

Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

**ТД притяжательных местоимений
в пределах других частей речи**

В данном разделе рассматривается межкатегориальный сдвиг, т.е. передача местоимения другой частью речи, а также периферийные случаи передачи местоимения кластерами, включающими другие части речи.

Пример 119

Худ. диалог Нестандартная форма: thy	— Thy heart shall then rest in the forest no more. [НКРЯ]	— Никогда уже покоя сердце эльфа не узнает. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 119 в реплике героя фантастического романа актуализирована архаическая форма притяжательного местоимения 2-го л. ед.ч. *thy* как одно из средств стилизации высказывания с чертами возвышенного стиля (грамматические формы *thy, shall ...rest... no more* ассоциируются со стилем Библии).

При ТД местоимение передано существительным *эльфа*, нейтрализующим стилистические черты исходного высказывания.

Реализована тактика номинализации. Фактором преобразования является отсутствие параллельных средств в РЯ. Использован переводческий прием экспликации.

Далее в примерах 120–121 изучим случаи ТД абсолютных форм притяжательных местоимений.

Пример 120

Худ. диалог Нестандартная форма: ourn	— It ain't ourn , — he said. [НКРЯ]	— Это не наше золото , — сказал он. [НКРЯ]
--	---	--

В примере 120 в реплике на АЯ актуализирована ненормативная абсолютная форма 1-го л. мн.ч. *ourn*, как средство стилизации диалектной речи США. Отмечается, что данная форма употребляется во многих региональных диалектах Великобритании и США [OED].

При ТД местоимение передается субстантивным словосочетанием *наше золото*, включающим притяжательное местоимение *наше* и существительное *золото*. Причиной преобразования является дискурсивный фактор: полная именная группа выбрана для наименования объекта по причине его значимости как темы высказывания.

Реализована тактика номинализации с прономинальным компонентом. Фактором преобразования является стремление к достижению естественности звучания.

Использован переводческий прием экспликации.

Пример 121

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thine</i>	— He has taken something of <u>thine</u> , — the woman said miserably. [НКРЯ]	— Он взял что-то из <u>твоих вещей</u> , — жалким голосом сказала женщина. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 121 актуализирована архаическая [MWD] абсолютная форма *thine*, употребляемая также в традиционных диалектах [OED] и разговорной речи [MWD].

В реплике на АЯ рассматриваемая форма участвует в квазимежъязыковой стилизации (см. примеры 38, 95, 112), поскольку героиня, как можно вывести из информации об указанном месте действия, говорит на испанском языке.

При ТД местоимение передается субстантивным словосочетанием *твоих вещей*, содержащим притяжательное местоимение *твоих*. Преобразование обусловлено стремлением достичь естественности звучания.

Реализована тактика номинализации с прономинальным компонентом. Использован переводческий прием экспликации.

**ТД с депроминализацией:
при актуализации притяжательных местоимений**

В блоке примеров 122–124 начнем рассмотрение со случаев ТД собственно-притяжательных прономинальных форм.

Пример 122

Нарратив Нестандартная форма: ta	Ah tried tae keep ma attention oan the Jean-Claude Van Damme video. [Welsh, 2013, p. 3]	Поэтому я старательно таращусь в экран, на котором крутится видео с Жан-Клодом Ван Даммом. [Уэлш, 2004, с. 4]
---	---	---

В примере 122 высказывание, относящееся к нарративу, представляет стилизацию диалекта Глазго и содержит диалектную форму притяжательного местоимения 1л. ед.ч. *ta*.

При ТД интерпретатор принимает креативное переводческое решение, используя прием модуляции на основе обусловленности (*Ah tried tae keep ta attention* → *Поэтому я старательно таращусь в экран*), относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода, а также прием амплификации (*на котором крутится видео с Жан-Клодом Ван Даммом*), относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Реализована тактика депроминализации, при этом черты стилизованной диалектной речи исходного высказывания компенсированы переводчиком за счет актуализации глагола *таращиться*, относящегося к сниженной разговорной лексике, в сочетании с предлогом *в* (ср. *таращиться на экран; таращиться в экран*).

Фактором преобразования является стремление к достижению естественности звучания.

Пример 123

Худ. диалог Нормативная форма: our Нестандартная функция	— Hey, our Brenda, — Fanny shouted [...]. [Sillitoe, 1969, p. 96]	— Эй, Бренда! — крикнула Фанни [...]. [Силлитоу I, с. 30]
---	--	---

В примере 123 в реплике на АЯ актуализирована стандартная форма притяжательного местоимения 1-го л. мн.ч. *our* в обращении. Данная черта встречается в произведениях А. Силлитоу и, предположительно, служит индикатором ноттингемского территориального диалекта.

При ТД местоимение опущено, в результате происходит нейтрализация ненормативности. Реализована тактика депроминализации в рамках стратегии выравнивая в аспекте нормативности (см. также примеры 30, 37, 102). Использован переводческий прием имплицитации.

Пример 124

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thy</i>	— Shut <u>thy</u> mouth, — Pablo said to him. [НКРЯ]	— Замолчи, — сказал ему Пабло. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 124 в высказывании на АЯ актуализирована нестандартная прономинальная форма форма *thy* для создания квазимежъязыковой стилизации, поскольку персонаж, как сообщает автор, говорит на испанском языке.

При ТД местоименная составляющая опускается, реализована тактика депроминализации. Фактором преобразования является стремление к достижению лаконичности реплики диалога, соответствующее принципу экономии языковых средств. Использован переводческий прием модуляции на основе обусловленности, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

В следующих двух случаях рассмотрим актуализацию абсолютных форм притяжательных местоимений.

Пример 125

Нарратив Нестандартная форма: <i>hern</i>	[...] Aunt Sally [...] give me one of them lickings of <u>hern</u> that don't amount to shucks [...]. [НКРЯ]	[...]тетя Салли [...] даже принималась колотить, только совсем не больно [...]. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 125 в высказывании на АЯ актуализирована абсолютная форма притяжательного местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *hern*, относящаяся к средствам стилизации диалектной речи округа Пайк, Миссури, США [Carkeet, 1979, p. 317].

Примечателен тот факт, что в предисловии к произведению автор отметил ряд диалектов, на которых говорят его герои, включая афроамериканский вариант штата Миссури, провинциальные формы юго-западного диалекта и диалект округа Пайк в его четырех разновидностях [Ibid., p. 315].

Однако, нами установлено, что прономинальная форма *hern* актуализирована в тексте лишь один раз, что свидетельствует о нерегулярности использования диалектных черт при стилизации речи персонажей.

При ТД в результате реализации тактики депроминализации наблюдается отказ от употребления местоимения.

Использован переводческий прием компрессии за счет выбора более компактной семантико-синтаксической структуры. Данное преобразование мотивируется созданием динамичности повествования.

Пример 126

<i>Нарратив</i> <i>Нестандартная</i> <i>форма: theirn</i>	I never seen people look so helpless and tangled up, and I hain't ever seen eyes bug out and gaze without a blink the way theirn did. [НКРЯ]	В жизни своей не видел, чтобы люди выглядели такими беспомощными и растерянными. [НКРЯ]
--	--	--

В примере 126 актуализирована диалектная абсолютная форма притяжательного местоимения 3-го л. мн.ч. *theirn* как средство стилизации диалектной речи штата Миссури США.

В лексикографических источниках данная форма квалифицируется как диалектная [MWD], устаревшая или диалектная [YD].

При ТД реализована тактика депроминализации, влекущая утрату кванта ненормативности. Использован переводческий прием опущения, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

2.2.3. Возвратные местоимения

Возвратные местоимения АЯ выражают категорию лица (персональности), рассмотренную выше, а также категорию возвратности, отражающую определенный характер субъектно-объектных отношений и охватывающую «те случаи, в которых совершаемое субъектом действие, не направлено на внешний объект, а замыкается на самом субъекте» [Петрова, 2011, с. 236]. В терминах теории референции возвратность выражается как частичная или полная однореферентность объекта действия с его субъектом.

Нормативные формы возвратных местоимений АЯ соотносятся с нормативными парадигмами собственно-личных и притяжательных местоимений и образуются с помощью основы *-self* в сочетании с притяжательными формами 1-го и 2-го лица и объектными формами 3-го лица. Стандартная парадигма возвратных местоимений включает формы множественного числа *ourselves*, *yourselves* и *themselves*, при этом в плюральных формах 1-го и 2-го лица значение множественного числа дублируется, поскольку выражается каждой из основ.

К внесистемным формам возвратных местоимений АЯ относятся: частотная форма *oneself*, образованная от неопределенного местоимения *one*; форма единственного числа *ourself*, соотнесенная с ед.ч. (монархическим *we*, либо обобщающим *we*); политически корректное *themselves*, коррелирующее с гендерно-нейтральным местоимением 3-го л. ед.ч. *they*; архаическая форма

thymself, употребляемая в художественных и, архаических текстах и существующая в традиционных диалектах; а также другие формы, о которых будет сказано ниже.

В своем основном нормативном употреблении возвратные местоимения АЯ функционируют как анафорические, отсылающие к подлежащему, и выполняют функции дополнения (*She glanced at herself in the mirror*) и предикатива (*You don't look yourself*) [Петрова, 2011, с. 118; Biber et al., 2007, p. 342].

Кроме этого, в АЯ существует ряд глаголов, употребление которых предполагает использование возвратных местоимений. Данные глаголы можно разделить на три группы: 1). глаголы и глагольные выражения, употребляемые исключительно с возвратными местоимениями; 2). глаголы, требующие употребления возвратного местоимения, только для реализации одного из своих значений; 3). глаголы, при которых употребление возвратного местоимения факультативно, т.е. наличие или отсутствие последнего не влияет на общий смысл высказывания [Петрова, 2011, с. 118].

К нестандартному функционированию возвратных местоимений исследователи относят употребление так называемых «независимых» возвратных местоимений, или *independent self-forms* [Hernandez y Siebold, 2010, p. 124], *override reflexive pronouns* [Huddleston, Pullum, 2002, p. 1484–1485], *exempt anaphora* [Kiss, 2001, p. 182], участвующих в явлении, традиционно называемом «замена местоимения» (*pronoun exchange*). К таким случаям относятся использование возвратных местоимений в функции подлежащего или дополнения без анафорической отсылки, а также употребление возвратных местоимений в эллиптических высказываниях и плеонастическое употребление анафорических возвратных местоимений [Hernandez y Siebold, 2010, p. 124–133].

Возвратные местоимения в нестандартных функциях могут использоваться прагматически и употребляться для эмфатического выделения (в частности, переключения темы и выделения новой), акцентирования контраста, выражения вежливости и скромности, акцентирования статуса, самостоятельного характера действия. Отмечается также использование независимых возвратных местоимений говорящими с целью ухода из «зоны дискомфорта», т.е. отказа от выбора между номинативной и объектной формой собственно-личных местоимений [Петрова, 2011, с. 118–119; Emonds, 1986, p. 119; Biber et al., 2007, p. 343; Hernandez y Siebold, 2010, p. 125]. Кроме этого, исследователи указывают, что употребление независимых возвратных местоимений характерно для ирландского территориального диалекта [Harris, 1993; Filppula, 2004], шотландского территориального диалекта [Miller, 1993] и американских вернакуляров [DCAU].

В отличие от других английских местоимений возвратные местоимения подвижны, т.е. их позиция в структуре высказывания, как правило, определяется прагматической функцией.

В дискурсивной грамматике функции возвратных местоимений АЯ описываются в терминах таких понятий, как «точка зрения говорящего» (*speaker viewpoint*) [Cantrall, 1974, p. 94], «эмпатия» (*empathy*) [Kuno, 1987, p. 29], «логофоричность» (*logophoricity*) [Harris, 1993, p. 147], топик высказывания (*topic reading*) [Filppula, 2004, p. 93].

В русском языке возвратные местоимения *себя* и *свой* имеют универсальный характер и не выражают категорию лица. Местоимение *себя* не маркировано также и по числу, что является заметным отличием РЯ от АЯ и других западных языков: в РЯ используется универсальное «местоимение *себя* в чередовании с постфиксом *ся/сь*, тогда как в западных языках этому

местоимению соответствуют лично-возвратные с различением в некоторых случаях еще и родовых форм в 3-м лице» [Зеленецкий, 2004, с. 174–175].

Атрибутивное местоимение *свой* (*своя, свое*) соотносится с разрядом притяжательных местоимений АЯ, а местоимение *сам* (*сама, само*) в РЯ относят к разряду усилительных местоимений.

Результаты корпусных исследований показывают, что возвратные местоимения АЯ существенно менее частотны, чем соответствующие собственно-личные местоимения. При этом отмечается, что в англоязычном художественном дискурсе возвратные местоимения, особенно 1-го и 2-го лица, более частотны, чем в живой устной речи [Biber et al., 2007, p. 344–345].

2.2.3.1. ТД возвратных местоимений в пределах данного разряда

В настоящем разделе рассматривается ТД возвратных местоимений в порядке, принятом выше, начиная с возвратного местоимения 1-го л ед.ч. и т.д. В большинстве случаев представлена ТД нестандартных возвратных форм, как в примере ниже.

Пример 127

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>meself</i>	— I ain't <u><i>meself</i></u> , quite. [НКРЯ]	— <u>Сама не своя</u> . [НКРЯ]
--	---	-----------------------------------

В примере 127 актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 1-го л. ед.ч. *meself* в реплике художественного диалога, представляющей стилизацию диалектной речи Лондона.

Форма *meself*, появившаяся в среднеанглийский период [MWD], образована от личного местоимения в косвенном падеже и отражает диалектное выравнивание парадигмы.

В нашем корпусе данная форма встречается при стилизации лондонского диалекта [Amis; Orwell], а также ноттингемского диалекта [Sillitoe I].

При ТД местоимение заменено на разговорный фразеологизм *сама не своя*, включающий усилительное местоимение *сама* и возвратное местоимение *своя*, придающий высказыванию на РЯ выразительность и естественность звучания.

Реализована тактика кластерной прономинализации. Переводческий прием — использование метафорического переноса, относящийся к трансформационно-сематическому методу перевода.

В следующем случае рассмотрим ТД стандартной возвратной формы.

Пример 128

Худ. диалог Нормативная форма: <i>yourself</i> Нестандартная функция	— Or is this just some plan of yours to save him and <i>yourself</i> from too much hardship? [НКРЯ]	— Может быть, это вы сами надумали спасти и его и <i>себя</i> от излишних забот и затруднений? [НКРЯ]
---	---	---

В примере 128 в реплике на АЯ актуализирована нормативная форма возвратного местоимения 2-го л. ед.ч. *yourself* в нестандартной функции дополнения. Возвратное местоимение употребляется без анафорической отсылки к подлежащему, т.е. представлен случай замены (*pronoun exchange*) личного местоимения возвратным. Такое употребление является средством стилизации разговорной или диалектной речи.

При ТД вводится подлежащее, выраженное собственно-личным прономиналом *вы*, а исходная форма *yourself* передается возвратным местоимением *себя*, осылающим к подлежащему. Можно заметить, что квант ненормативности исходного высказывания утрачен.

Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием транспозиции, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

В блоке примеров 129–133 представлены случаи ТД нестандартных форм возвратных местоимений.

Пример 129

Худ. диалог Нестандартная форма: thyself Нестандартная функция	— To 'Know Thyself ' is considered quite an accomplishment [...]. [НКРЯ]	— Познать себя — дело непростое [...]. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 129 в реплике сказочного героя на АЯ актуализирована нестандартная форма *thyself* в составе цитаты 'Know Thyself', являющейся известным античным изречением, высеченным на стене древнегреческого храма.

В лексикографических источниках прономинальная форма *thyself* квалифицируется как архаическая или диалектная [OED], а также употребляемая при дружеском, доверительном общении [MWD].

Нестандартность функции обусловлена тем, что возвратное местоимение является частью сложного подлежащего, выраженного инфинитивным оборотом *to know thyself*.

Традиционно данное античное изречение на РЯ переводится как «Познай самого себя» [БСАКСВ]. При передаче местоимения интерпретатор актуализирует стандартную форму возвратного местоимения *себя*, не передавая нестандартные черты исходного высказывания и устраняя интертекстуальное включение.

При переводе реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 130

Нарратив Нестандартная форма: <i>hisself</i>	— [...] whatever he calls <u>hisself</u> , he operate a gun store in town [...]. [Groom, Ch. 1]	— [...] как он там <u>себя</u> именует, у него в городе оружейный магаз [...]. [Грум, 2018, с. 11]
--	--	--

В примере 130 в высказывании на АЯ, относящемся к первоначальному нарративу, актуализирована нестандартная форма 3-го л. ед.ч. м.р. *hisself*. Данная форма не отмечена в словарях и, по всей видимости, является средством стилизации индивидуальной вариативности в речи персонажа, графически отражающей произносительные особенности героя.

При ТД использовано возвратное местоимение *себя*, ненормативные черты исходного высказывания компенсированы актуализацией разговорной лексемы *магаз*. Реализована тактика прономинализации; использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 131

Нарратив Нестандартная форма: <i>themselves</i>	Just because they're crazy about <u>themselves</u> , they think you're crazy about them, too [...]. [НКРЯ]	Они до того в <u>себя</u> влюблены, что считают, будто ты тоже в них влюблен [...]. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 131 в высказывании на АЯ для стилизации небрежной речи подростка актуализирована нестандартная прономинальная форма 3-го л. мн.ч. *themselves*, осуществляющая анафорическую отсылку к подлежащему *they* 3-го л. мн.ч.

В лексикографических источниках данная форма имеет помету 3-е л. ед.ч., как соответствующая гендерно-нейтральному личному местоимению ед.ч. *they* [OED, CD].

На РЯ прономинальная форма передана возвратным местоимением *себя*, без компенсации оттенка ненормативности исходного высказывания. Реализована тактика прономинализации; использован переводческий прием употребления вариантного соответствия.

Пример 132

Нарратив Нестандартная форма: <i>theyselfs</i>	[...] the ones with they eyes too close together [...] an drool a lot an play with <u>theyselfs</u> . [Groom, Ch. 1]	[...] глазки в кучку, слюни пускает и <u>сам с собой</u> на людях играеца. [Грум, 2018, с. 9]
--	---	--

В примере 132 в высказывании на АЯ употребляется нестандартная форма возвратного местоимения 3-го л. мн.ч. *theyselfs*, актуализированная для стилизации речи персонажа из штата Алабамы.

Данная форма не зафиксирована в использованных нами словарях, но близкая форма *theyself* употребляется в некоторых диалектах Англии и представлена в корпусе Freiburg Corpus of English Dialects [FRED].

При ТД нестандартная прономинальная форма передается местоименным выражением *сам с собой*, включающим усиленное местоимение *сам* и возвратное *собой*.

Реализована тактика кластерной прономинализации. Ненормативность исходной прономинальной формы компенсирована на уровне переводного высказывания за счет актуализации ненормативной формы просторечного глагола *играеца*.

Использован переводческий прием амплификации. В рассмотренном примере фактором преобразования является отсутствие параллельных средств в РЯ, также как и в следующем случае.

Пример 133

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>theirselves</i>	— People there look out for <u>theirselves</u> . [НКРЯ]	— Люди заботятся <u>сами о себе</u> . [НКРЯ]
---	--	---

В примере 133 в реплике художественного диалога актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 3-го л. мн.ч. *theirselves* как средство стилизации одного из южных диалектов США.

Данная форма зафиксирована в словарях как диалектная [MWD; OED].

При переводе реализована тактика кластерной прономинализации с использованием местоименного выражения *сами о себе*, включающего усилительное местоимение *сам* и косвенную форму возвратного местоимения *себе*. Использован переводческий прием амплификации.

2.2.3.2. ТД возвратных местоимений вне данного разряда

ТД возвратных местоимений в пределах других разрядов

В блоке примеров 134–135 рассмотрим ТД для случаев плеонастического употребления возвратных местоимений 1-го л. ед.ч., занимающих различные позиции в структуре исходного высказывания.

Пример 134

Худ. диалог Нормативная форма: <i>myself</i> Нестандартная функция	— Myself I'd trust him to the end of the Earth, — said Ford. [НКРЯ]	— Я готов ему верить хоть до конца света, — ответил Форд. [НКРЯ]
--	--	--

В примере 134 в реплике на АЯ актуализирована нормативная форма возвратного местоимения 1-го л. ед.ч. *myself* в функции подлежащего, в плеонастическом употреблении с эмфатическим значением, подчеркивающим индивидуальность субъекта речи [Biber et al., 2007, p. 344], переключением темы на себя.

Отмечается, что местоименные комплексы типа *myself I* наиболее частотны в художественном дискурсе, а в живой речи возвратное местоимение, как правило, употребляется в постпозиции к подлежащему (например, *I myself*) [Ibid.].

При ТД местоименный комплекс *myself I* передан личным местоимением *я*, нейтрализующим выделенность исходного высказывания.

Реализована **тактика декластеризации прономинального кластера**, состоящая в передаче при переводе местоименного кластера местоимением. Использован переводческий прием имплицитации. Выделенность исходного высказывания частично компенсирована актуализацией частицы *хоть* в переводной единице.

Пример 135

Худ. диалог Нормативная форма: myself Нестандартная функция	— Red Sox fan? I'm a Yankees man, myself . [НКРЯ]	— За «Ред Сокс» болеете? Я — за «Янкиз». [НКРЯ]
--	---	--

В примере 135 в реплике на АЯ используется форма возвратного местоимения *myself* в функции подлежащего в плеонастическом употреблении (ср. пример 134), в финальной позиции высказывания.

Отмечается, что такое положение плеонастического подлежащего, выраженного возвратным местоимением, наиболее частотно в устной разговорной речи [Biber et al., 2007, p. 344].

При ТД реализована тактика декластеризации прономинального кластера. Актуализировано личное местоимение *я* в сочетании с преобразованием поверхностной структуры: исходная двусоставная структура заменена на односоставную безглагольную. Преобразование мотивировано стремлением к созданию естественности звучания. Использованы переводческие приемы имплицитации и компресии относящиеся соответственно к буквальному методу перевода и трансформационно-семантическому методу перевода.

В блоке примеров 136–139 рассмотрим еще несколько случаев ТД стандартных форм возвратных местоимений 1-го л. ед. и мн.ч. в нестандартной функции.

Пример 136

Худ. диалог Нормативная форма: myself Нестандартная функция	— [...] when blind Eddie and myself were considerable younger [...]. [НКРЯ]	— [...] когда слепой Эдди, да и я тоже были помоложе [...]. [НКРЯ]
--	---	--

В примере 136 в реплике на АЯ актуализирована нормативная форма *myself* в нестандартной функции подлежащего в ряду однородных членов, как средство стилизации живой устной речи.

Исследователи отмечают, что в реальной устной речи такое употребление наиболее частотно, когда говорящий хочет избежать выбора между номинативной и объектной формой собственно-личного местоимения [Петрова, 2011, с. 118; Biber et al., 2007, p. 343] (ср. *When blind Eddie and I were considerable younger...* и *When blind Eddie and me were considerable younger...*).

Разговорная окраска исходного высказывания подчеркивается также и актуализацией прилагательного *considerable* в функции наречия.

При ТД реализована тактика прономинализации: возвратное местоимение передано личной прономинальной формой *я*. Разговорные черты исходного высказывания компенсированы за счет употребления разговорного присоединительного союза *да и*.

Переводческий прием — употребление вариантного соответствия.

Пример 137

Худ. диалог Нормативная форма: myself Нестандартная функция	— It seemed no more dangerous to <u>me</u> myself than war in the movies. [НКРЯ]	— Для <u>меня</u> она казалась не более опасной, чем война в кино. [НКРЯ]
--	--	--

В примере 137 в высказывании на АЯ употребляется нормативная форма возвратного местоимения 1-го л. ед.ч. *myself* в функции дополнения, в плеонастическом употреблении для выделения темы высказывания.

При ТД местоименный комплекс *to me myself* передан собственным личным местоимением косвенного падежа *для меня*, вынесенным в тематическую позицию начала предложения.

Применена тактика декластеризации прономинального кластера. Использован переводческий прием импликации.

Пример 138

Худ. диалог Нормативная форма: <i>myself</i> Нестандартная функция	— Documentation for Rémy and <u>myself</u> . [НКРЯ]	— <u>Мои</u> с Реми документы. [НКРЯ]
---	---	---

В примере 138 актуализирована нормативная форма *myself* в нестандартной функции дополнения при отсутствии эксплицитно выраженного antecedenta-подлежащего.

При ТД возвратное местоимение 1-го л. ед.ч. передано притяжательным местоимением 1-го л. мн.ч. *мои*. Реализована тактика прономинализации. Использован переводческий прием транспозиции, обусловленный узусом РЯ (ср. *Документы для Реми и меня*).

Пример 139

Нарратив Нормативная форма: <i>ourselves</i> Нестандартная функция	We <u>ourselves</u> were moved to tears and laughter. [НКРЯ]	Слушая их, <u>мы</u> не могли удержаться от слез и смеха. [НКРЯ]
---	--	--

В примере 139 актуализирована нормативная форма возвратного местоимения 1-го л. мн.ч. *ourselves* в функции подлежащего в плеонастическом употреблении.

При ТД использована тактика декластеризации прономинального кластера за счет опущения возвратного местоимения и передачи личного местоимения *мы*. По-видимому, интерпретатор счел избыточной выделенность исходного высказывания. Использован переводческий прием импликации.

Ниже представлен случай ТД нестандартной формы возвратного местоимения.

Пример 140

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>thyself</i> Нестандартная функция	— <u>Thyself</u> now since a long time. <u>Thyself</u> and thy horses. [НКРЯ]	— Ты давно уже заботишься только <u>о себе</u>. <u>О себе</u> и о своих лошадях. [НКРЯ]
--	---	---

В примере 140 в реплике на АЯ дважды актуализирована архаическая форма возвратного местоимения 2-го л. ед. ч. *thyself* (см. пример 129) в эллиптических высказываниях. Возвратные местоимения в обоих случаях выполняют функцию дополнения при отсутствии эксплицитно выраженного antecedента-подлежащего.

Употребление архаической прономинальной формы служит средством квазимежъязыковой стилизации (см. также примеры 38, 95, 112, 121, 124), а реализация нестандартной функции возвратного местоимения усиливает выделенность эллиптических высказываний.

При ТД преобразована поверхностная структура первого высказывания: эллиптическая структура заменена на полночленную с добавлением личного местоимения *ты* в функции подлежащего для выделения адресата. Местоименный компонент как первого, так и второго высказывания передан возвратным местоимением *о себе*.

Применена тактика добавления прономинального компонента и дважды использована тактика прономинализации. Переводческие приемы — использования вариантного соответствия и амплификации.

Далее рассмотрим два случая ТД возвратных местоимений 3-го л. ед. ч. в плеонастическом употреблении.

Пример 141

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: himself</i> <i>Нестандартная</i> <i>функция</i>	Now <u>he</u> himself — Tritt! — was wondering. [НКРЯ]	И вот теперь <u>он</u> — Тритт! — вдруг тоже задумался. [НКРЯ]
---	--	---

В примере 141 актуализирована нормативная форма 3-го л. ед.ч. м.р. в функции плеонастического подлежащего.

При ТД применяется тактика декластеризации прономинального кластера за счет опущения возвратного местоимения и передачи местоименного кластера личным местоимением *он*. При этом выделенность переводного высказывания нейтрализована. Использован переводческий прием имплицитации.

Пример 142

<i>Нарратив</i> <i>Нормативная</i> <i>форма: herself</i> <i>Нестандартная</i> <i>функция</i>	<u>She</u> herself could be anywhere [...]. [НКРЯ]	А занести <u>ее</u> могло куда угодно [...]. [НКРЯ]
---	--	--

В примере 142 в реплике на АЯ актуализирована форма возвратного местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *herself* в функции подлежащего в плеонастическом употреблении.

При ТД местоимения применяется тактика декластеризации прономинального кластера. Возвратное местоимение опущено, а местоименная составляющая передана объектной формой собственно-личного местоимения *ее*. Выделенность исходного высказывания компенсирована за счет употребления разговорной лексики *занести*.

Преобразование мотивировано стремлением к достижению естественности звучания. Использованы переводческие приемы имплицитации и синтаксической деривации.

В следующем случае рассмотрим ТД внесистемной формы, концептуально примыкающей к возвратным местоимениям 3-го л. ед.ч.

Пример 143

Нарратив Нормативная форма: oneself	But a cramp, he thought of it as a calambre, humiliates oneself especially when one is alone. [НКРЯ]	Но судорога (он мысленно называл ее calambre) особенно унижает тебя , когда ты один. [НКРЯ]
--	--	---

В примере 143 в исходном высказывании актуализирована внесистемная форма возвратного местоимения *oneself* без анафорической отсылки к подлежащему, осуществляющая универсальную референцию [Падучева, 2017].

При ТД возвратное местоимение заменено на собственно-личное *тебя*, также в обобщающем значении. Применена тактика прономинализации; переводческий прием — использование вариантного соответствия. Причиной преобразования является стремление к созданию естественности звучания.

ТД возвратных местоимений в пределах других частей речи

В данном разделе представлены случаи ТД, в которых возвратные местоимения преобразовываются в другую часть речи или кластер, включающий другие части речи. Здесь сохраняется принятый выше порядок рассмотрения, начиная с местоимения 1-го л. ед.ч.

Пример 144

Худ. диалог Стандартная форма: myself Нестандартная функция	— I myself hope it's Violet [...]. [НКРЯ]	— Я лично надеюсь, что уцелела Вайолет [...]. [НКРЯ]
--	---	--

В примере 144 используется стандартная форма *myself* в функции подлежащего, в плеонастическом употреблении (см. также примеры 134, 135) для выделения индивидуальности субъекта речи [Biber et al., 2007, p. 344].

При ТД реализована тактика частичной депроминализации прономинального кластера: возвратное местоимение передано наречием *лично*, являющимся маркером разговорной речи, а также реализующим коммуникативную выделенность субъекта речи.

Использован переводческий прием употребления вариантного (контекстного) соответствия.

Пример 145

Худ. диалог Нормативная форма: myself Нестандартная функция	— Nobody. Me, myself and I. [НКРЯ]	— Никого. Я, моя персона и я сам. [НКРЯ]
--	--	--

В примере 145 актуализирована прономинальная форма *myself* в эллиптическом высказывании, в плеонастическом употреблении¹¹.

В структуре плеоназма, используемого для создания коммуникативной выделенности субъекта речи и высказывания в целом, участвуют также формы собственно-личного местоимения 1-го л. ед.ч.: объектная форма *me* и номинативная форма *I*.

При ТД возвратное местоимение передано субстантивным словосочетанием *моя персона*, содержащим притяжательное местоимение *моя*. Реализована тактика номинализации с прономинальным компонентом. Использован переводческий прием употребления вариантного (контекстного) соответствия.

В следующих двух случаях рассматривается ТД возвратных местоимений 2-го л. и 3-го л. мн.ч. в плеонастическом употреблении.

¹¹ Известный переводчик Л. Виссон утверждает, что в США в середине XX в. формула «Me, myself and I», возникшая под влиянием учения З. Фрейда, являлась девизом личности, выражавшим американский «природный и исконный индивидуализм». [Виссон, Л. «Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке» -- М.: Р-Валент, 2010, с. 90]. Другие источники указывают, что данная формула используется говорящим для эмфатизированного выражения своего чувства одиночества (YD).

Пример 146

Худ. диалог Нормативная форма: <i>yourself</i> Ненормативная функция	— [...] You <u>yourself</u> had tea with them only hours ago. [НКРЯ]	— [...] Час назад вы <u>лично</u> пили с ними чай. [НКРЯ]
--	--	---

В примере 146 актуализирована нормативная форма *yourself* в функции подлежащего как средство коммуникативного выделения индивидуальности слушающего.

При ТД возвратное местоимение заменяется наречием *лично*, также выступающим средством эмфатизации реплики на РЯ. Реализована тактика частичной депроминализации прономинального кластера; использован переводческий прием употребления вариантного (контекстного) соответствия.

Пример 147

Нарратив Нормативная форма: <i>themselves</i> Нестандартная функция	— They would not be here if <u>they themselves</u> had not failed and failed. [НКРЯ]	— Они бы здесь не были, если бы их <u>прежняя жизнь</u> не состояла из сплошных поражений. [НКРЯ]
--	--	---

В примере 147 актуализирована нормативная форма *themselves* в функции подлежащего в плеонастическом употреблении.

При ТД возвратное местоимение передано субстантивным словосочетанием *прежняя жизнь*, не содержащим местоименного компонента. Преобразование связано с трудностью передачи в рассматриваемом контексте глагола *fail*, а также стремлением к достижению естественности звучания.

Реализована тактика **номинализации с адъективным компонентом**, состоящая в передаче местоимения АЯ субстантивным словосочетанием, содержащим прилагательное. Использован переводческий прием модуляции

на основе обусловленности, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

Пример 148

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>oneself</i>	— And then as regards <u>oneself</u> , — Uncle Andrew continued [...]. [НКРЯ]	— Что же касается <u>лично меня</u> , — продолжал мечтать Эндрию [...]. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 148 в реплике на АЯ актуализирована внесистемная возвратная форма *oneself*, чаще всего осуществляющая универсальную референцию к людям в целом и квалифицируемая как официальная или устревшая [OED]. Исследователи отмечают, что использование местоимения *oneself* для отсылки к субъекту речи служит признаком «элитарного английского» и легко перенимается теми, кто общается с представителями британского высшего общества [Goodman, 1997, p. 197–209].

В рассматриваемом случае местоимение *oneself* реализует конкретную референцию и отсылает к субъекту речи, благодаря чему создается комический эффект.

При ТД местоимение передается словосочетанием с местоименным компонентом *лично меня*, осуществляющим конкретную референцию.

Реализована **тактика кластеризации с прономинальным компонентом**, состоящая в передаче местоимения исходного высказывания кластером, включающим местоимение, в переводном высказывании. Использованы переводческие приемы употребления вариантного (контекстного) соответствия и амплификации.

ТД с депроминализацией: при актуализации возвратных местоимений

В представленном ниже случае креативное переводческое решение, приводящее к депроминализации, мотивировано стремлением создать динамичность повествования.

Пример 149

Нарратив Нестандартная форма: <i>mysef</i>	[...] but personally, I'd rather think of <u>mysef</u> as like a halfwit [...]. [Groom, Ch. 1]	Вобщё я, наверно, ближе к умственно отсталым [...]. [Грум, 2018, р. 9]
--	---	---

В примере 149 актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 1-го л. ед.ч. *mysef*, служащая средством стилизации индивидуальной вариативности в речи персонажа и отражающая его произносительные особенности (ср. пример 129).

При ТД реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием модуляции на основе обусловленности, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

В блоке примеров 150–153 факторами преобразований являются узус РЯ, а также стремление к созданию естественности звучания реплик диалога.

Пример 150

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>meself</i>	— True, I haven't introduced <u>meself</u> . [НКРЯ]	— Точно, не познакомились. [НКРЯ]
--	--	--------------------------------------

В примере 150 употребляется нестандартная возвратная форма *meself* (см. также пример 127) для стилизации неопределенно-диалектной речи.

При ТД местоимение опущено, а возвратность выражается благодаря актуализации возвратного глагола *не познакомились*. Реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием модуляции на основе обусловленности.

Пример 151

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>ourself</i>	— What about the 'scheme of things' that we has all got to fit <u>ourself</u> into? [НКРЯ]	— Как же насчет "плана", частью которого мы все являемся? [НКРЯ]
---	---	---

В примере 151 актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 1-го л. мн.ч. *ourself*, анафорически отсылающая к местоименному подлежащему мн.ч. *we*.

Лексикографические источники квалифицируют данную форму как архаическую [OED], либо соотносят ее с ед.ч. (монархическим *we*) [MWD; OED]. В рассматриваемом случае нестандартная форма актуализирована для стилизации небрежной устной речи.

При ТД возвратное местоимение не передано, что приводит к потере кванта ненормативности. Применена тактика депроминализации; переводческий прием — имплицитация.

В следующем примере рассмотрим ТД нестандартной формы возвратного местоимения 2-го л. ед.ч. в нестандартной функции.

Пример 152

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yerself</i>	— Show <i>yerself</i> — I'm armed! [НКРЯ]	— Покажись — я вооружен! [НКРЯ]
--	---	------------------------------------

В примере 152 актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 2-го л. ед.ч. *yerself*, служащая стилизацией неопределенно-диалектной речи.

Данная форма не зафиксирована в использованных нами словарях, тем не менее, употребляется в некоторых диалектах Англии и представлена в корпусе FRED [FRED].

При ТД местоимение опущено, а возвратность выражена за счет актуализации возвратного глагола *покажись*. Реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием имплицитации.

Пример 153

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yerselves</i>	— Make <i>yerselves</i> at home," said Hagrid, — said Hagrid. [НКРЯ]	— Будьте как дома, — пригласил Огрид [...]. [НКРЯ]
--	--	---

В примере 153 актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 2-го л. мн.ч. *yerselves* в составе фразеологической единицы *make yerselves (yourself) at home* для стилизации неопределенно-диалектной

речи. анная форма не была нами обнаружена в использованных лексикографических источниках.

При ТД реализована тактика депроминализации за счет актуализации разговорного фразеологизма *будьте как дома*, с потерей кванта ненормативности. Переводческий прием — использование готового, относящийся к трансформационно-семантическому методу перевода.

Пример 154

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>yoursef</i>	— [...] You oughta be ashamed of <u><i>yoursef</i></u> ! [НКРЯ]	— [...] Стыдитесь же! [НКРЯ]
---	---	---------------------------------

В примере 154 в реплике на АЯ актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 2-го л. ед. ч. *yoursef*, отражающая индивидуальную вариативность (идиолект) персонажа (см. примеры 130, 149).

При ТД реализована тактика депроминализации; при этом возвратность выражена за счет актуализации возвратного глагола *стыдиться*. Использован переводческий прием имплицитации.

В примерах 155–156 представлены креативные переводческие решения, в результате которых возвратное местоимение элиминировано.

Пример 155

Нарратив Нормативная форма: <i>itself</i> Нестандартная функция	The silence <u><i>itself</i></u> was deafening. [НКРЯ]	[...] от тишины шумело в ушах. [НКРЯ]
---	---	--

В примере 155 актуализирована нормативная форма *itself* в плеонастическом употреблении для усиления образности высказывания (*deafening silence*).

При ТД использована тактика депроминализации с опущением местоимения и преобразованием референта высказывания (*тишина была оглушающая* → *шумело в ушах*). Использован переводческий прием

дискурсивного преобразования, относящийся к интерпретативно-коммуникативному методу перевода.

Пример 156

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>themselves</i>	— Mis' Joad, we don't allow nobody in this camp to build <u>themselves</u> up that-a-way. [НКРЯ]	— В нашем лагере, миссис Джоуд, мы никому не позволим жить благодеяниями. [НКРЯ]
--	---	---

В примере 156 в реплике на АЯ актуализирована нестандартная форма возвратного местоимения 3-го л. ед.ч. *themselves*, делающая отсылку к неопределенному местоимению ед.ч. *nobody*. Форма *themselves* используется как одно из средств стилизации диалектной речи юга центральных штатов США.

Данная форма отсутствует в использованных нами лексикографических источниках, однако употребляется в некоторых диалектах Англии и представлена в корпусе FRED [FRED]. Отметим, что диалектная форма мн.ч. *themselves* зафиксирована в словарях [MWD; OED].

При ТД реализована тактика депроминализации; как и выше, использован переводческий прием дискурсивного преобразования.

В следующих двух случаях непредставленность местоимений в переводных высказываниях объясняется актуализацией возвратных глаголов.

Пример 157

Худ. диалог Нестандартная форма: <i>themselves</i>	— That is ridiculous, — Jenny say, — somebody callin <u>themselves</u> 'The Turd'. [НКРЯ]	— Это смешно, — говорила Дженни, — чтобы человек назвался "К*****"! [НКРЯ]
--	--	---

В примере 157 актуализирована нестандартная возвратная форма *themselves* как средство стилизации просторечия. Данная форма не зафиксирована в использованных нами словарях.

В переводной единице категория возвратности выражена посредством актуализации возвратного глагола *назвался*.

Пример 158

СКД Нестандартная форма: oneself	8st 12 (v.v.g. — have realized secret of dieting is not weighing <u>oneself</u>). [НКРЯ]	124 фунта (оч. оч. хор. — я поняла: секрет похудения состоит в том, чтобы не взвешиваться). [НКРЯ]
---	---	--

В примере 158 актуализировано внесистемное возвратное местоимение *oneself*, осуществляющее конкретную референцию к субъекту речи.

Актуализация возвратного глагола *взвешиваться* приводит к элиминации возвратного местоимения.

В примерах 157–158 реализована тактика депроминализации. Использован переводческий прием имплицитации.

Выводы по главе 2

В данной главе были изучены варианты актуализации английских личных (собственно-личных, притяжательных и возвратных) местоимений в художественном дискурсе и рассмотрена их транслатологическая диверсификация.

Выявлено, что личные местоимения могут варьировать по морфологической форме и синтаксической функции. Совокупность выявленных морфологических форм представлена в Таблице 1 и Таблице 2 Приложения 1, типы варьирования синтаксической функции личных местоимений представлены в Таблице 3 и Таблице 4 Приложения 1.

Формальное варьирование наиболее широко представлено у местоимений 2-го л. ед. и мн.ч. Отмечается, что большинство современных морфологических вариантов английских личных местоимений прослеживаются на разных этапах развития английского языка.

Варьированию синтаксической функции среди собственно-личных местоимений наиболее подвержена объектная форма местоимения 1-го л. ед. и мн.ч.: для формы ед.ч. *me* выделено пять типов нестандартной функции (предикатива, подлежащего в двусоставных структурах, подлежащего в эллиптических высказываниях, подлежащего в плеонастическом употреблении и определения), а для формы мн.ч. *us* выделено три типа ненормативной функции (предикатива, подлежащего и дополнения с референтом ед.ч.). Для номинативных форм 1-го л. ед. и мн. ч. и номинативной и объектной форм 2-го л. ед. и мн.ч. нестандартных функций не выявлено.

Среди притяжательных местоимений варьирование синтаксической функции отмечено только для собственно-притяжательного местоимения 3-

го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного *its*, оно выступает в функции определения (притяжательного местоимения 3-го л. ед. ч. ж.р.).

Среди возвратных местоимений наиболее широкому функциональному варьированию подвержена форма 1-го л. ед.ч. *myself*. Она выполняет функцию подлежащего, подлежащего в плеонастическом употреблении и дополнения без антецедента в плеонастическом употреблении. Варьирования функции не отмечено для возвратных местоимений 2-го л. мн.ч., 3-го л. ед.ч. нейтрального/неодушевленного и 3-го л. мн.ч.

В сформированном корпусе художественных произведений варианты актуализации личных местоимений, отличные от литературной нормы, наиболее частотны в речи отдельных персонажей (дискурс художественного диалога), и указывают на их этническую, территориальную и социальную принадлежность; лишь в произведениях I. Welsh (И. Уэлша) *Trainspotting* (На игле) и W. Groom (У. Грума) *Forrest Gump* (Форрест Гамп) они применяются как основное стилеобразующее средство дискурса: в нарративе, художественном диалоге и СКД.

В художественном дискурсе личные местоимения участвуют как во внутриязыковой, межъязыковой, так и квазимежъязыковой стилизации.

В процессе исследования выявлено, что английские личные местоимения обладают высоким переводческим потенциалом, позволяющим использовать четыре типа переводческих сдвигов:

-Внутриразрядовый сдвиг (транслатологическая диверсификация в рамках данного разряда местоимений);

-Межразрядовый сдвиг (транслатологическая диверсификация в пределах другого разряда местоимений);

-Межкатегориальный сдвиг (транслатологическая диверсификация в пределах другой части речи);

-Межуровневый сдвиг (транслатологическая диверсификация с депроминализацией).

Транслатологической диверсификации наиболее подвержены собственно-личные местоимения 1-го л. ед.ч. и 3-го л. ед.ч. м.р. ввиду их самой высокой частотности как в живой речи [Wordcount], так и в текстах сформированного нами корпуса, а также учитывая стилистические конвенции русского литературного языка.

При анализе транслатологической диверсификации английских личных местоимений выявлено четырнадцать видов переводческих тактик:

- тактика проминализации,
- тактика добавления проминального компонента,
- тактика проминализации с использованием НАМ,
- тактика кластерной проминализации,
- тактика проминализации с падежным варьированием,
- тактика кластеризации с проминальным компонентом,
- тактика декластеризации проминального кластера,
- тактика номинализации с проминальным компонентом,
- тактика номинализации,
- тактика номинализации с адъективным компонентом,
- тактика кластерной номинализации,
- тактика кластерной номинализации с адъективным компонентом,
- тактика частичной депроминализации проминального кластера,
- тактика депроминализации.

Тактики проминализации с использованием нулевого анафорического местоимения (НАМ), кластерной проминализации, добавления проминального компонента, проминализации с падежным варьированием, кластеризации с проминальным компонентом,

декластеризации прономинального кластера, номинализации с прономинальным компонентом, частичной депроминализации прономинального кластера тяготеют к полюсу, заданному тактикой прономинализации, поскольку в результате их реализации в переводном высказывании в том или ином виде присутствует местоименный компонент.

Тактики номинализации, номинализации с адъективным компонентом, кластерной номинализации, кластерной номинализации с адъективным компонентом обнаруживают признаки как одного, так и второго полюса. С тактикой прономинализации их сближает то, что при переводе именной компонент сохраняется, а с тактикой депроминализации они сближаются в том, что в переводном высказывании наблюдается отказ от использования местоименного компонента.

Количественные данные, характеризующие частоту реализации выявленных тактик в выборочной совокупности, представлены в Приложении 2. Наиболее часто использовались тактика прономинализации (32% случаев) и тактика депроминализации (34% случаев).

В результате анализа было выделено три основных переводческих стратегии, применяемых при ТД английских личных местоимений: стратегия избегания, стратегия выравнивания в аспекте нормативности и стратегия компенсации ненормативности.

Стратегия избегания направлена на решение проблемы аккумуляции одних и тех же форм личных местоимений в отдельном высказывании или дискурсивном отрывке и реализуется за счет ряда тактик, таких как тактика прономинализации с использованием НАМ, тактика кластерной прономинализации, тактика прономинализации с падежным варьированием, тактика депроминализации. Данная стратегия использовалась при переводе всех произведений, вошедших в сформированный корпус.

Стратегия выравнивания в аспекте нормативности состоит в нейтрализации большинства ненормативных черт оригинала (включая нестандартные формы и функции личных местоимений) и редком применении компенсации на уровне дискурса. Данная переводческая стратегия была отмечена в переводе романа А. Силлитоу «Ключ от двери» (1964).

Стратегия компенсации ненормативности реализуется в большинстве рассмотренных русскоязычных переводных произведений, с той или иной степенью интенсивности, на различных уровнях дискурса (текста).

На этапе анализа результирующих переводческих преобразований установлено, что при транслатологической диверсификации дискурсивных фрагментов, включающих личные местоимения, применяются буквальный и интерпретативно-коммуникативный методы перевода, при этом используются как отдельные приемы, так и комплексные преобразования, объединяющие приемы перевода, относящиеся к названным методам.

Переводческие решения преимущественно обусловлены более, чем одним фактором. Основными факторами переводческих преобразований являются стилистические конвенции литературного языка, узус РЯ, играющий особую роль при переводе дискурса художественного диалога, стремление переводчика к созданию дополнительных смыслов, динамичности повествования, приданию естественности звучания, устранению нежелательных стилистических эффектов и неоднозначности референции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный комплексный анализ позволил изучить диапазон варьирования личных местоимений в англоязычном художественном дискурсе и транслатологическую диверсификацию актуализированных местоименных вариантов при переводе на русский язык.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В силу абстрактности и отвлеченности местоименного значения, дифференцируемого только в контексте, а также в силу функциональной вариативности рассматриваемый класс слов обладает свойством интерпретативности, т.е. способности выступать объектом интерпретации.

В связи с неоднозначностью трактовки лингвистического термина «лицо», представилось необходимым рассмотреть различные подходы к определению данного термина и категоризации личных местоимений. Личные местоимения предлагается понимать в широком смысле и отнести к данному подклассу все разряды, выражающие категорию лица: собственно-личные, притяжательные и возвратные местоимения.

Типологические различия русского и английского языков обусловлены синтетической природой первого и аналитической природой второго. При рассмотрении систем личных местоимений двух языков в сравнительно-типологическом аспекте было выявлено, что расхождения для разрядов собственно-личных и возвратных местоимений заключаются в выражении категорий числа, падежа и рода; а для разряда притяжательных местоимений — в количестве разновидностей (парадигм) и выражении категорий падежа и рода.

Поскольку общенациональный язык не является однородным и представляет собой систему подсистем, к которой помимо принятого нормированного литературного языка относится множество разновидностей, отражающих социальное, территориальное, индивидуальное, стилистическое языковое многообразие, потребовалось рассмотреть различные подходы к определению понятий языковой нормы, узуса и вариативности. Отмечается, что в последние десятилетия наблюдается изменение отношения к кодифицированной норме, социально одобряемыми становятся языковые явления периферийной природы, прежде расценивавшиеся как ненормативные.

Класс английских местоимений в целом и подкласс личных местоимений в частности, традиционно описываемые как закрытые, можно считать таковыми лишь условно. Представляется, что в силу языковых изменений в XX – XXI вв., касающихся системы английских личных местоимений, данный класс слов правомерно считать относительно закрытым.

Художественный дискурс отражает реальное функционирование языка, поэтому ему свойственна стилизация вариативности живой речи как значимой части объективной языковой и общественной реальности.

В оригинальном англоязычном художественном дискурсе отмечена морфологическая и функциональная вариативность английских личных местоимений, которая используется как авторский прием.

Наряду с использованием других внесистемных черт и отклонений от нормы, варьирование прономинальной формы и функции служит для характеристики персонажей, указывает на их социальный статус или принадлежность к социальному классу, создает территориальный колорит. При варьировании функции нормативных местоименных форм могут

создаваться дополнительные эффекты: эмоционального усиления, комичности.

Границы между сферами употребления нестандартных прономинальных вариантов (диалектами, видами дискурса) неявны, размыты как в живой речи, так и в художественном дискурсе. Одни и те же формальные и функциональные варианты актуализируются для стилизации различных диалектов, разговорной речи и просторечия. В художественном дискурсе нестандартные варианты местоимений актуализируются нерегулярно, чередуясь с нормативными вариантами.

При переводе художественного дискурса одной из основных целей на уровне дискурса (текста) является создание стилистического целого на языке перевода. Данной цели подчинены стилистические задания (цели перевода) на микротекстуальном уровне, направленные на создание определенного стилистического эффекта.

При переводе на русский язык англоязычного художественного дискурса пристальное внимание уделяется передаче личных местоимений, поскольку они выполняют текстообразующую функцию. С учетом того, что художественный дискурс является вторичной моделирующей системой и личные местоимения играют важнейшую роль в построении дискурса, последние являются одним из средств внутриязыковой, межъязыковой и квази-межъязыковой стилизации, а также средством достижения определенных стилистических эффектов в различных типах художественного дискурса (нарративе, художественном диалоге и СКД).

Изучение английских личных местоимений с позиций транслатологической диверсификации позволяет учесть, с одной стороны, авторские интенции употребления формальных и функциональных вариантов личных местоимений, а с другой – их когнитивную интерпретацию

переводчиком. Гипотетическое восстановление буквального перевода в рамках использованной методологии позволяет выявить переводческие интенции и решения, имеющие как превентивную направленность на избегание нежелательных эффектов (неблагозвучие, незапланированные рифмовки, фонетические повторы), так и креативную направленность на создание запланированных стилистических и дискурсивных эффектов (достижение экспрессии, естественности звучания, комизма) переводного дискурса.

При транслатологической диверсификации вариантов актуализации английских личных местоимений в художественном дискурсе используется ряд переводческих тактик, направленных на решение таких проблем, как устранение аккумуляции одних и тех же местоименных форм в отдельном высказывании или дискурсивном отрывке, передача характеристик персонажей (территориальной и социальной принадлежности, гротескности или комичности образа), достижение стилистических эффектов естественности звучания в соответствии с подтипом художественного дискурса (нарратива, свободного косвенного дискурса, художественного диалога), создание динамичности повествования.

Данные тактики представляют транслатологический континуум, полюса которого заданы тактикой прономинализации и тактикой депрономинализации, а другие являются промежуточными, переходными тактиками от одного полюса к другому.

Выявленные переводческие тактики могут использоваться в русле переводческих стратегий, таких как стратегия избегания, стратегия выравнивания в аспекте нормативности, стратегия компенсации ненормативности.

Установлено, что при переводе высказываний, включающих английские личные местоимения, основными методами перевода являются буквальный и интерпретативно-коммуникативный методы перевода. Предварительные количественные оценки на основе выборочной совокупности показывают, что частота применения второго метода может быть сравнима с частотой использования первого, это позволяет говорить о переводе художественного дискурса как творческом мыслительном процессе.

Перевод на РЯ высказываний, содержащих варианты актуализации английских личных местоимений, можно охарактеризовать как многофакторный. К основным факторам переводческих преобразований относятся стилистические конвенции литературного языка, узус РЯ, необходимость устранения неоднозначности референции, нежелательных стилистических эффектов, достижение естественности звучания, придание повествованию динамичности, создание дополнительных смыслов.

Нами было отмечено, что во всех изученных случаях переводческое решение, в том числе креативное, обусловлено некоторыми ограничениями, такими как тип дискурса, отсутствие в РЯ соотносимых с АЯ языковых средств, стилистические или узуальные конвенции.

Наше исследование показало, что считаясь закрытым классом слов, личные местоимения АЯ в то же время представляют собой динамичное, относительно открытое множество, которое отражает реалии внутриполитической жизни и межкультурной коммуникации. Это находит отражение и в художественном дискурсе, где личные местоимения образуют континуум, включающий системные и внесистемные варианты. Наличие случаев актуализации нестандартных вариантов личных местоимений в художественном дискурсе способствует развитию переводческой мысли.

Для дальнейшей разработки перспективными представляются следующие направления:

1. Исследование транслатологической диверсификации английских личных местоимений на материале множественных переводов, обращенных к одному и тому же оригиналу и выполненных различными интерпретаторами;
2. Изучение с применением предложенной методологии транслатологической диверсификации английских личных местоимений в различных типах дискурса;
3. Исследование с использованием предложенной методологии транслатологической диверсификации других разрядов местоимений английского языка в различных типах дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, Л. Г. One's self и oneself как способы репрезентации концепта Я в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Иркутск, 2001. — 164 с.
2. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. — СПб. : СПбГУ; М. : Академия, 2004. — 352 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.
4. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. — М.: Физматлит, 2005. — 232 с.
5. Арнольд, И. В. Стилистика: Современный английский язык. — М. : Флинта, Наука, 2002. — 384 с.
6. Арутюнова, Н. Д., Булыгина, Т. В., Кибрик, А. А. и др. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — М. : Наука, 1992. — 281 с.
7. Бархударов, Л. С. Язык и перевод : Вопросы общей и частной теории перевода. — М. : Междунар. отн-я, 1975. — 240 с.
8. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. — М. : Искусство, 1979. — С. 281–307.
9. Бахтин, М. М. Слово в романе. — СПб.; М. : Пальмира, 2017.— 229 с.
10. Белошапкова, В. А., Брызгунова, Е. А., Земская, Е. А. и др. Современный русский язык. / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапковой. — М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.
11. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — 448 с.
12. Блох, М. Я., Попкова, Е. М. Грамматическая категория рода. Строевой и социокультурный аспекты (на материале современного английского языка). — М.: Тезаурус, 2013. — 144 с.
13. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (42), 2015. — С. 5–12.

14. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
15. Бондарь, В. А. Система личных местоимений древнеанглийского языка (на материале корпуса текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — СПб., 2007. — 22 с.
16. Бродович, О. И. Диалектная вариативность английского языка : аспекты теории. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. — 196 с.
17. Бруннер, К. История английского языка. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1956. — 392 с.
18. Бубенникова, О.А. Развитие системы личных местоимений 3-го лица в диалектах английского языка / О. А. Бубенникова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — М.: МГУ, 1988. — №2 — С. 37–46
19. Буланин, Л., Стоева, Т., Червенкова, И. Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. — София: Наука и искусство, 1982. — 182 с.
20. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис. — М. : Высшая школа, 2003. — 416 с.
21. Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. — 136 с.
22. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. — М : Изд-во МГУ, 1978. — 172 с.
23. Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе. — М. : Р. Валент, 2006. — 447 с.
24. Волков, Н. Н. Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984. — 172 с.
25. Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. — М. : Прогресс, 1967. — С. 338–377.
26. Гайкалова, Н. И. Роль местоимений в осуществлении стратегии мистификации (на материале англоязычной художественной литературы) / Н. И. Гайкалова // Материалы III Международной

- научно-практической конференции «Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве». — Псков: Издательство «Логос», 2017. — С. 16–19.
27. Гайкалова, Н. И. Транслатологический потенциал английского личного местоимения *she* (на материале художественного перевода) / Н. И. Гайкалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018а. — № 4(82). Ч. 2. — С. 327–332.
28. Гайкалова, Н. И. Частеречный статус местоимений в свете традиционных и современных концепций / Н. И. Гайкалова // Балтийский гуманитарный журнал. — Калининград: НП ОДПО «ИНПО», 2018b. — Том 7, № 4(25). — С. 31–34.
29. Гайкалова, Н. И., Петрова, Е. С. К понятию транслатологической диверсификации / Н. И. Гайкалова, Е. С. Петрова // Балтийский гуманитарный журнал. — Калининград: НП ОДПО «ИНПО», 2019. — Том 8, № 1(26) — С. 43–45. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0801-0008
30. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972 : сб. ст. / отв. ред. С. К. Шаумян. — М. : Наука, 1973. — С. 349–372.
31. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост. В. П. Нерознака. Общ. ред. В. Г. Гака. — М.: Прогресс, 1989. — С. 4–16.
32. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — М. : Ком Книга, 2006. — 288 с.
33. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. — М. : Изд-во МГУ, 2007. — 544 с.
34. Германова, Н. Н. Языковое варьирование и норма в трудах британских социолингвистов / Н. Н. Германова // Норма и вариативность в языке и речи. — М.: ИНИОН РАН, 2017. — С. 40–59.
35. Голованова, Я. В. Соотношение периферийных явлений в англоязычных художественных текстах и их переводах на русский язык : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — СПб., 2012. — 224 с.
36. Горшков, А. И. Вопрос о вариантности норм в связи с пониманием языка как системы систем / А. И. Горшков // Литературная норма и

- вариантность : сб. ст. / Акад. Наук СССР, институт русс. языка. — М. : Наука, 1981. — С. 234–248.
37. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. — М.: Флинта, Наука, 2019. — 168 с.
 38. Емельянова, Л. Л. Нарушение орфографической нормы как средство создания стилистического эффекта / Л. Л. Емельянова // Филологические науки. — 1976. — № 1. — С. 107–113.
 39. Емельянова, О. В. История развития личных местоимений в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Л., 1979. — 20 с.
 40. Емельянова, О. В. Функциональная и семантическая характеристика местоимений / О. В. Емельянова // Спорные вопросы английской грамматики. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. — С. 17–31.
 41. Есперсен, О. Философия грамматики. — М : Издательство иностранной литературы, 1958. — 407 с.
 42. Зеленецкий, А. А. Сравнительная типология основных европейских языков. — М. : Академия, 2004. — 252 с.
 43. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. — М. : Флинта, Наука, 2006. — 240 с.
 44. Иванова, И. П., Бурлакова, В. В., Почепцов, Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. — М. : Высшая школа, 1981. — 285 с.
 45. Ильиш, Б. А. Современный английский язык. Теоретический курс. — М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. — 347 с.
 46. Казакова, Т. А. Художественный перевод. — СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2002. — 112 с.
 47. Каримов, А.Ф. Лексико-грамматический анализ личных и лично-предметных местоимений в разносистемных языках (на материале таджикского, русского и английского языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Душанбе, 2019. — 26 с.
 48. Касевич, В.Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 192 с.

49. Кибрик, А. А. Местоимения как дейктическое средство / А. А. Кибрик // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. — М., 1992. — С. 207–236.
50. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. ... доктора филол. наук в форме научного доклада. — М., 2003. — 90 с.
51. Кобрина, Н. Н., Болдырев, Н. Н., Худяков, А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 2007. — 368 с.
52. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М. : Высшая. школа, 1990. — 253 с.
53. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. — М. : ЭТС, 2002. — 424 с.
54. Корякина, А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — СПб., 2017. — 312 с.
55. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. Вып. 3. — М. : Прогресс, 1963. — С. 143–343.
56. Кошечая, И. Г., Дубовский, Ю. А. Сравнительная типология английского и русского языков. — Минск : Вышэйшая школа, 1980. — 270 с.
57. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М. : Наука, 1989. — 188 с.
58. Крысин, Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. №2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sootnosheniyu-sistemy-yazyka-ego-normy-i-uzusa> (дата обращения 03.02.2019).
59. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 500 с.
60. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста. — М. : Просвещение, 1988. — 192 с.
61. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. 7. Социолингвистика. — С. 96–181.

62. Левин, Ю. Д. Проблема переводной множественности / Ю. Д. Левин // Литература и перевод: проблемы теории. — М.: Изд. группа «Прогресс», Литера, 1992. С. 213–223.
63. Левин, Ю. И. О семантике местоимений / Ю. И. Левин // Проблемы грамматического моделирования: Кол. мон. — М.: Наука, 1973. — С. 108–121.
64. Левый, И. Искусство перевода; пер. с чеш. и предисл. В. Россельса. — М.: Прогресс, 1974. — 394 с.
65. Леонтьев, Д. А. Я – последняя инстанция в личности / Д. А. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб.: Питер, 2000. — С. 377–380.
66. Лилова, А. Введение в общую теорию перевода / пер. с болг. под общ. ред. П. М. Топера. — М.: Высш. школа, 1985. — 256 с.
67. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве: собр. соч. — СПб.: Искусство-СПБ, 2005. — С. 14–285.
68. Лукина, А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции / А. Е. Лукина // Вестник ЮУрГУ, Серия «Лингвистика». — Челябинск, 2014. — Т. 11, № 1. — С. 7–11.
69. Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем. — М.: Наука, 1969. — 138 с.
70. Матвеева, А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой — чужой» (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Уфа, 2011. — 228 с.
71. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи. — Л.: Наука, 1978. — 387 с.
72. Минченков, А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: на материале англ. яз.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.20. — СПб., 2008. — 319 с.
73. Муковский, О. Л. Средства выражения персонально-ролевых дейктических отношений в английском, испанском и русском языках / О. Л. Муковский // Научное мнение. Философские и филологические науки, искусствоведение. — СПб.— 2014. — № 10. — С. 144–150.

74. Муковский, О. Л. Дейксис и анафора в русском, английском и испанских языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — СПб., 2015. — 185 с.
75. Мурзин, Л. Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения / Л. Н. Мурзин // Речевые приемы и ошибки (типология, деривация и функционирование) : сб. науч. тр. — М.; Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1989. — С. 5–13.
76. Мурыгина, З. М. Дейктические значения личных местоимений «мы», «вы» в русском языке / З. М. Мурыгина // Язык и человек: Сб. научн. трудов. — М. : МГУ, 1970. — С. 64–70.
77. Нелюбин, Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. — М. : Флинта : Наука, 2012. — 152 с.
78. Николаева, Т. М. «Скрытая память» языка : попытка постановки проблемы / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. — 2002. — №4. — С. 25–41.
79. Откупщикова, М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. — 89 с.
80. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М. : Наука, 1985. — 272 с.
81. Падучева, Е. В. Говорящий как наблюдатель : об одной возможности применения лингвистики в поэтике / Е. В. Падучева // Известия РАН. Серия Литературы и Языка. — 1993. — Т. 52. № 4. — С. 33–44.
82. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика Времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М. : Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
83. Падучева, Е. В. Референциальный статус именной группы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. — М., 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 26.03.2019).
84. Петрова, Е. С. Пределы структурно-семантического развертывания антропонимов в современном английском языке : дисс... канд. филол. наук. — Л., 1985. — 171 с.
85. Петрова, Е. С. Форма и стратификация грамматических вариантов:

- норма и гиперкоррекция / Е. С. Петрова // Трехаспектность грамматики: на материале англ. яз.: сб. ст. / ред. В. В. Бурлакова. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992. — С. 160–173.
86. Петрова, Е. С. Концепт третьего лица и прагматическая прономинализация / Е. С. Петрова // Диалектика текста, т. 1. / под ред. А. И. Варшавской — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — С. 166–179.
87. Петрова, Е. С. Автокоррекция переводчика и принцип дистанцирования / Е. С. Петрова // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2006. — № 2. — С. 83–89.
88. Петрова, Е. С. Очерк сопоставительной типологии английского и русского языков. Грамматическая норма и варианты. — Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. — 424 p.
89. Петрова, Е. С. Стратегия доместикации в художественном переводе: из опыта работы над произведениями о России / Е. С. Петрова // Материалы III Межд. Научно-практической конференции «Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве». — Псков : Изд-во Логос, 2017. — С. 99–104.
90. Петрова, Е. С., Токарева, О. В. Категории одушевленности / неодушевленности и гендера в английском языке: средства выражения, свойства интерпретативности и размытости / Е. С. Петрова, О. В. Токарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота. — 2018. — № 3(81). Ч. 1. — С. 168–172.
91. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
92. Плоткин, В. Я. Строй английского языка. — М. : Высшая школа, 1989. — 239 с.
93. Плунгян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. — М. : Эдиториал УРСС, 2003. — 384 с.
94. Плунгян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. — 2008. — № 2 (16). — С. 7–20.
95. Попова, О. В. Функциональные особенности английских личных местоимений в когнитивном аспекте : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Бийск, 2006. — 165 с.

96. Потапов, В. В. Разработка проблем вариативности английской речи в трудах российских лингвистов: XXI век / В. В. Потапов // Норма и вариативность в языке и речи. — М.: ИНИОН РАН, 2017. — С. 9–39.
97. Ревзина, О. Г., Членова С. Ф. К вопросу о семантике местоимений / О. Г. Ревзина, С. Ф. Членова // Вопросы семантики: дискуссия на расшир. заседании филол. секции Ученого совета Ин-та востоковедения. Тезисы докладов. — М., 1971. — 157–159.
98. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода. — М. : Р. Валент, 2007. — 244 с.
99. Сдобников, В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.20. — Н. Новгород, 2015. — 493 с.
100. Сильман, Т. И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений / Т. И. Сильман // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 1970. — № 4. — С. 81–91.
101. Селиверстова, О. Н. Местоимения в языке и речи. — М. : Наука, 1988. — 151 с.
102. Скаличка, В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост. В. П. Нерознака. Общ. ред. В. Г. Гака. — М.: Прогресс, 1989. — С. 27–31.
103. Скворцов, Л. И. Теоретические основы культуры речи. — М. : Наука, 1980. — 352 с.
104. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка. — М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. — 443 с.
105. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 1984. — №2. — С. 31–42.
106. Стеблин-Каменский, М. И. Спорное в языкознании. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. — 142 с.
107. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР : Серия литературы и языка. — М. : Изд-во АН СССР, Изд-во Наука, 1981. — Т 40. № 4. — С. 325–332.
108. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и

- методики исследования. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 282 с.
109. Татаринова, Л. В. Референциальные особенности английских указательных местоимений в когнитивном аспекте : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Иркутск, 1999. — 146 с.
 110. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М. : РГГУ, 2001. — 798 с.
 111. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. — М. : Наследие, 2000. — 253 с.
 112. Туринова, О.О. Личные и притяжательные местоимения в русских переводных текстах англоязычной прозы : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Москва, 2018. — 259 с.
 113. Федоров, А. В. Язык и стиль художественного произведения. — М.; Л. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963. — 131 с.
 114. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода: Лингвистические проблемы. — СПб. : Филологический Факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та; М. : Филология Три, 2002. — 416 с.
 115. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М. : Русский язык, 2002. — 216 с.
 116. Хайруллин, В. И. Перевод и фреймы. — М. : Книжный дом «Либроком», 2009. — 144 с.
 117. Хрисонопуло, Е. Ю. Местоимение второго лица как способ представления говорящего в дискурсе: когнитивный аспект (на материале английского языка) // Пушкинские чтения. — 2014. — №19. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestoimenie-vtorogo-litsa-kak-sposob-predstavleniya-govoryaschego-v-diskurse-kognitivnyy-aspekt-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения 09.12.2018).
 118. Хрисонопуло, Е. Ю. Вариативность местоимения it в указательной функции: когнитивный аспект // Пушкинские чтения. — 2015. — №20. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnost-mestoimeniya-it-v-ukazatelnoy-funktsii-kognitivnyy-aspekt> (дата обращения 09.12.2018).
 119. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка. — М. : Издат. центр «Академия», 2005. — 256 с.

120. Чехов, А. С. Проблемы описания кореферентных и анафорических отношений в языке : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.21. — М., 1979. — 230 с.
121. Шадрин, В. И. Университетское переводоведение. — СПб. : Изд-во ВВМ, 2017. — 292 с.
122. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. — М.: Наука, 1998. — 176 с.
123. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. — М.: Воениздат, 1973. — 280 с.
124. Швейцер, А. Д. Функциональная стратификация языка. — М. : Наука, 1985. — 212 с.
125. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 215 с.
126. Шелякин, М. А. Русские местоимения : значение, грамматические формы, употребление. — Тарту: Изд-во Тартусского ун-та, 1986. — 92 с.
127. Штелинг, Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. — М. : МГИМО, ЧеРо, 1996. — 254 с.
128. Шустрова, Е. Н. Лингвистическая интерпретация стратегии мистификации в англоязычном речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2008. — 21 с.
129. Alexeeva, I. The Text as the Dominant Feature of Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — Krasnoyarsk: SibFU, 2011. — № 4 (10). — P. 1375–1384.
130. Bauer, L. You Shouldn't Say 'It is Me' because 'Me' is Accusative // Language Myths / ed. by L. Bauer, P. Trudgill. — London: Penguin Books, 1998. — P. 132–138.
131. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. Longman Grammar of Spoken and Written English. — London : Pearson Education Ltd., 2007. — 1175 p.
132. Block, D. Social Class in Applied Linguistics. — London : Routledge, 2013. — 224 p.
133. Bloomfield, L. Literate and Illiterate Speech // American Speech. — Durham : Duke University Press, 1927. — Vol. 2 (10) — P. 432–439.

134. Bowdre, P. Eye Dialect as a Literary Device // Various Language. — New York : Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1971. — P. 178–186.
135. Cantrall, W. Viewpoint, Reflexives, and the Nature of Noun Phrases. — The Hague: Mouton, 1974. — 210 p.
136. Carkeet, D. The Dialects in Huckleberry Finn // American Speech. — Durham : Duke University Press, 1979. — Vol. 51 (3). — P. 315–332
137. Chafe, W. Discourse, Consciousness, and Time : the Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing — Chicago; London : University of Chicago Press, 1994. — 327 p.
138. Chambers, J. Patterns of Variation Including Change // The Handbook of Language Variation and Change / ed. by J. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes. — Oxford : Blackwell Publishing, 2004. — P. 349–372
139. Chambers, J., Trudgill, P. Dialectology. — Cambridge: Cambridge University Press, 1980. — 201 p.
140. Cheramie, D. Cajun Vernacular English and the Influence of Vernacular on Student Writing in Southern Louisiana. Dissertation. — Lafayette, LA : The University of Southwestern Louisiana, 1994. — 184 p.
141. Cheshire, J., Edwards, V. Lessons from a Survey of British Dialect Grammar // Links & Letters. — Barcelona : Universitat de Barcelona. — 1998 (5). — P. 61–73.
142. Coupland, N. Dialect in Use: Sociolinguistic Variation in Cardiff English. — Cardiff : University of Wales, 1988. — 175 p.
143. Cox, J. A Study of the Linguistic Features of Cajun English. — Lafayette, LA : Southern University of Lafayette, 1992. — 9 p.
144. Cruttenden, A. Gimson's pronunciation of English / Rev. by Cruttenden A. — 6-th ed. — London : Edward Arnold, 2001. — 339 p.
145. Dijk van, T. A. Ideology : A Multidisciplinary Approach — London; Thousand Oaks; Delhi : Sage, 1998. — 365 p.
146. Emonds, J. Grammatically Deviant Prestige Constructions // A Festschrift for Sol Saporta. — Seattle: Noit Amrofer, 1986. — P. 93–129.
147. Fan, F., Altmann, G. On Meaning Diversification in English // Glottometrics. — Lüdenscheid : Ram-Verlag, 2008. — № 17. — P. 66–78

148. Filppula, M. Irish English: Morphology and Syntax // A Handbook of Varieties of English. Vol. 2. / ed. by B. Kortmann and E. Schneider. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2004. — P. 73–101.
149. Fowler, R. Linguistics and the Novel. — London : Methuen and Co Ltd, 1977. — 145 p.
150. Garner, B. Garner's Modern American Usage. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 880 p.
151. Gimson, A. An Introduction to the Pronunciation of English. — 3-rd ed. — London : Edward Arnold, 1980. — 352 p.
152. Givon, T. Syntax : An Introduction, Vol. 1. — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2001. — 500 p.
153. Goodman, S. "One" and the Pun: How Newspapers Keep the Monarchy in Its Place // Language and Literature. Thousand Oaks, CA : Sage Publishing. — 1997. — Vol. 6(3). — P. 197–209
154. Greenbaum, S. The Oxford English Grammar. — Oxford : Oxford University Press, 1996. — 672 p.
155. Harris, J. The Grammar of Irish English // Real English : The Grammar of English Dialects in the British Isles. / ed. by J. Milroy, L. Milroy — London : Longman, 1993. — P. 139–186.
156. Hernandez y Siebold, N. Personal Pronouns in the Dialects of England. A Corpus Study of Grammatical Variation in Spontaneous Speech : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. — Freiburg, 2010. — 360 p.
157. House, J. A Model for Translation Quality Assessment. — Tübingen : Narr, 1981. — 344 p.
158. Huddleston, R., Pullum, G. The Cambridge Grammar of the English Language. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 1860 p.
159. Hurtado Albir, A. Traducción y traductología: Introducción a la traductología. — Madrid : Cátedra, 2017. — 696 p.
160. Ives, S. A Theory of Literary Dialect // Various Language. / ed. by J. V. Williamson, V. M. Burke. — New York : Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1971. — P. 145–177.
161. Kiss, T. Anaphora and Exemptness : A Comparative Treatment of Anaphoric Binding in German and English // Proceedings of the 7th International HPSG Conference, UC Berkeley, 22–23 July, 2000. —

- Stanford : Center for the Study of Language and Information, 2001. — P. 182–197.
162. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. — Wiebelsheim : Quelle & Meyer, 2001. — 337 p.
163. Kortmann, B., Szmrecsanyi, B. Global Synopsis : Morphological and Syntactic Variation in English // *A Handbook of Varieties of English*. Vol. 2. / ed. by B. Kortmann and E. Schneider. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2004. — P. 1142–1202.
164. Krapp, G. The Psychology of Dialect Writing // *Various Language*. / ed. by J. Williamson, V. Burke. — New York : Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1971. — P. 22–29.
165. Kuno, S. Functional Syntax: Anaphora, Discourse, and Empathy. — Chicago : Chicago University Press, 1987. — 320 p.
166. Labov, W. The Linguistic Variable as a Structural Unit. — Washington : Washington Linguistics Review, 1966. — Vol. 3. — P. 4–22.
167. Labov, W. The Social Stratification of (r) in New York City Department Stores // *Sociolinguistics*. — Oxford : Basil Blackwell 1978. — P. 168–178.
168. Labov, W. The social stratification of English in New York City. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 498 p.
169. Lyons, J. Semantics. Vol. 2. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 898 p.
170. Miller, J. The Grammar of Scottish English // *The Grammar of English Dialects in the British Isles*. / ed. by J. Milroy, L. Milroy. — London : Longman, 1993. — P. 99–138.
171. Mitchell, B. Old English Syntax. Vol. 1: Concord, the Parts of Speech, and the Sentence. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — 884 p.
172. Newmark, P. Approaches to Translation. — Oxford : Pergamon Press, 1981. — 200 p.
173. Newmark, P. A Handbook of Translation. — NY ; London ; Toronto ; Sydney ; Tokyo : Prentice Hall, 1988. — 292 p.
174. Newmark, P. Translation as Means and Ends // *About Translation*. — Clevedon; Philadelphia; Adelaide : Multilingual Matters, 1991. — P. 1–13
175. Nida, E. Towards the Science of Translation with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translation. — Leiden : Brill,

1964. — 331 p.
176. Nida, E., Taber, C. *The Theory and Practice of Translation*. — Leiden : Brill, 1969. — 220 p.
177. O'Donnell, W., Todd, L. *Variety in Contemporary English*. — London : George Allen & Unwin, 1980. — 156 p.
178. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. *A Grammar of Contemporary English*. — London : Longman, 1992. — 924 p.
179. Ravitch, D. *The Language Police*. — NY: Alfred A. Knopf, 2003. — 255 p.
180. Schilling-Estes, N. *Investigating Stylistic Variation // The Handbook of Language Variation and Change* / ed. by J. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes. — Oxford : Blackwell Publishing, 2004. — P. 375–401
181. Seleskovitch, D. *Langage, langues et mémoire : étude de la prise de notes en interprétation consécutive*. — Paris : Lettres modernes, 1975. — 272 p.
182. Seleskovitch, D. *A Systematic Approach to Teaching Interpretation* / transl. from French by J. Harmer. — Silver Spring, MD : Registry of Interpreters for the Deaf, 1995. — 238 p.
183. Smith, P., Bond, M. *Social Psychology across Cultures. Analysis and Perspectives*. — London; N.Y.; Toronto; Syney; Tokio; Singapore : Pearson, Prentice Hall, 1998. — 401 p.
184. Snell-Hornby, M. *Translation Studies: An Integral Approach* — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1995. — 170 p.
185. Stein, D. *Syntax and Varieties // Taming the Vernacular: From Dialect to Written Standard Language*. — London : Longman, 1997. — P. 35–50.
186. Svartvik, J., Leech, G. *English – One Tongue, Many Voices*. — London: Palgrave Macmillan, 2006. — 287 p.
187. Swadesh, M. *The Origin and Diversification of Language*. — New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1971. — 350 p.
188. Swan, M. *Practical English Usage*. — 2-nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 1995. — 658 p.
189. Trudgill, P. *On Dialects: Social and Geographical Perspectives*. — Oxford : Basil Blackwell, 1983. — 240 p.
190. Trudgill, P. *The Dialects of England*. — 2-nd Ed. — Oxford : Blackwell Publishers, 1999. — 154 p.

191. Trudgill, P. Linguistic and Social Typology Patterns of Variation Including Change // *The Handbook of Language Variation and Change* / ed. by J. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes. — Oxford : Blackwell Publishing, 2004. — P. 707–728
192. Venuti, L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. — London; N.Y.: Routledge, 2003. — 353 p.
193. Vinay, J.-P., Darbelnet, J. *Comparative Stylistics of French and English : A Methodology for Translation* / transl. from French and ed. by J. Sager, M. Hamel. — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1995. — 359 p.
194. Wakelin, M. *English Dialects : An Introduction*. — London : The Athlone Press of the University of London, 1972. — 207 p.
195. Wolfram, W., Schilling-Estes, N. *American English : Dialects and Variation*. — Oxford : Blackwell Publishers, 2000. — 398 p.
196. Wolfram, W. *Urban African American Vernacular English: Morphology and Syntax* // *A Handbook of Varieties of English*. Vol. 2. / ed. by B. Kortmann and E. Schneider. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2004. — P. 319–340.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой словарь афоризмов, крылатых слов и выражений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/15/110.htm> (дата обращения 23.04.2019).
2. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-196.htm#zag-687> (дата обращения 11.11.2018).
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terminy.info/russian-language/translation-dictionary-thesaurus/translatologiya> (дата обращения 08.11.2018).
5. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. — СПб. : ИК Комплект, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://rosental-book.ru/> (дата обращения 30.04.2019).
6. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., «Астрель», 2001. — 624 с.
7. Толковый переводоведческий словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://perevodovedcheskiy.academic.ru/1759/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 08.11.2018).
8. Фразеологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/878 (дата обращения 18.02.2019).
9. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. — Oxford: Blackwell Publishing, 2008. — 529 p.
10. Evans, B., Evans, C. A Dictionary of Contemporary American Usage. — N.Y.: Random House, 1957. — 574 p.
11. Cambridge Dictionary, онлайн словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 15.10.2018).
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Longman Group UK Limited, 1993. — 1528 p.

13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. —2-nd edition. — Oxford: Macmillan Publishers. — 1748 p.
14. Merriam-Webster Dictionary, онлайн словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 15.10.2018).
15. Oxford English Dictionary, онлайн словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения 15.10.2018).
16. Scottish Language Dictionaries, онлайн словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scotsdictionaries.org.uk/Scots/Grammar/Pronouns.html> (дата обращения 29.03.2019).
17. The Free Dictionary, онлайн словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения 15.10.2018).
18. Your Dictionary, онлайн словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yourdictionary.com> (дата обращения 03.03.2019).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Булгаков, М. А. Театральный роман. [Электронный ресурс] URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/proza/teatralnyj-roman/teatralnyj-roman-1.htm> (дата обращения 14.02.2019).
2. Бэнкс, И. Шаги по стеклу / пер. с англ. Е. С. Петровой. — М.: Эксмо, 2008. — 384 с.
3. Грум, У. Форрест Гамп / пер. с англ. Е. С. Петровой. — СПб.: Азбука, 2018. — 320 с.
4. Гэлбрейт, Р. На службе зла / пер. с англ. Е. С. Петровой. — М.: Иностранка, 2016. — 544 с.
5. Капоте, Т. Бутыль серебра (рассказ) / пер. с англ. Е. С. Петровой. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/kapote_trumen/butil_serebra.html (дата обращения 10.12.2017).
6. Кинг, С. Оно / пер. с англ. В. А. Вебер. — М. : Астрель, 2012. — 1248 с.
7. Макьюэн, И. Искупление / пер. с англ. И. Дорониной. — М. : Эксмо; Домино, 2009. — 544 с.
8. Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (английский). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html> (дата обращения 10.09.2018).
9. Пиколт, Д. Ангел для сестры / пер. с англ. О. Бершадская. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/pikolt_dgodi/angel_dlya_sestri.html (дата обращения 18.08.2018).
10. Ролинг, Дж. Гарри Поттер и Кубок Огня / пер. с англ. М. Д. Литвиновой, Н. А. Литвиновой, А. Г. Ляха, М. А. Межуева, Е. И. Соломатиной под ред. М. Д. Литвиновой. — М. : Издательство «РОСМЭН-Пресс», 2002. — 667 с.
11. Роулинг, Дж. Гарри Поттер и Огненная Чаша / пер. с англ. М. Спивак. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/rouling_dgoan/garri_potter_i_ognennaya_chasha_perevod_m_spivak.html#0 (дата обращения 10.01.2018).

12. Селинджер, Д. Над пропастью во ржи / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. — СПб. : Издательский дом «Кристалл», 2002. — 192 с.
13. Силлитоу, А. Ключ от двери / пер. с англ. Н. Дехтеревой, Б. Росточкина, В. Смирнова. — М. : Прогресс, 1964. — 352 с.
14. Силлитоу, А. Поражение и крах Фрэнки Буллера (рассказ) // Одиночество бегуна на длинные дистанции (сборник) / пер. с англ. С. Алукард. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1044323/12/Sillitou_-_Odinochestvo_beguna_na_dlinnye_distancii_%28sbornik%29.html (дата обращения 18.12.2016).
15. Уэлш, И. На игле / пер. с англ. И. В. Кормильцева. — М. : Изд-во АСТ, 2004. — 428 с.
16. Хемингуэй, Э. Прощай, оружие! / пер. с англ. Е. Калашниковой. — М.: Худ. литература, 1961. — 284 с.
17. Хемингуэй, Э. По ком звонит колокол / пер. с англ. Н. Волжиной и Е. Калашниковой. — Собр. сочинений, т. 3. — М.: Худ. литература, 1968. — 736 с.
18. Хоуг, Т. Девушка Лаки / пер. с англ. А. Бушуева. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=150224> (дата обращения 11.09.2018).
19. Шукшин, В. М. Мой зять украл машину дров. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHUKSHIN/my_zat.txt (дата обращения 14.02.2019).
20. Эмис, М. Лондонские поля / пер. с англ. Г. Яропольского. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/martin_emis/londonskie_polya.html (дата обращения 03.09.2018).
21. Amis, M. London Fields. — New York: Vintage Books, 1991. — 470 p.
22. Banks, I. Walking on Glass. — London : Futura Publications, 1986. — 341 p.
23. Capote, T. Jug of Silver // The Complete Stories of Truman Capote. — N.Y. : Vintage International, 2005. — 276 p.
24. Galbraith, R. Career of Evil. [Электронный ресурс]. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=416431&pg=1> (дата обращения 17.12.2017).

25. Groom, W. Forrest Gump. [Электронный ресурс]. URL: <http://http://down02.putclub.com/virtual/backup/update/Download/Literature/%E3%80%8A%E9%98%BF%E7%94%98%E6%AD%A3%E4%BC%A0%E3%80%8B.pdf> (дата обращения 10.09.2018).
26. Hemingway, E. A Farewell to Arms. — London : Jonathan Cape, 1957 — 350 p.
27. Hoag, T. Lucky's Lady. [Электронный ресурс]. URL: https://www.onlinebook4u.net/thriller/4158_2.html (дата обращения 11.09.2018).
28. King, S. It. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/King_Stephen/It.html (дата обращения 21.01.2017).
29. McEwan, I. Atonement. — London : Vintage, 2002. — 351 p.
30. Orwell, G. Nineteen eighty-four. — London : Secker & Warburg, 1949. — 314 p.
31. Picoult, J. My Sister's Keeper. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/Picoult_Jodie/My_Sisters_Keeper.html (дата обращения 18.08.2018).
32. Rowling, J. Harry Potter and the Goblet of Fire. — New York: Scholastic Press, 2000. — 734 p.
33. Salinger, J. The Catcher in the Rye. — Boston; New York; Toronto; London : Little, Brown and Company, 1951. — 277 p.
34. Sillitoe, A. The Decline and Fall of Frankie Buller // The Loneliness of the Long-Distance Runner : short stories. — London : Contemporary Fiction W.H. Allen, 1961. — P. 156-176.
35. Sillitoe, A. Key to the Door. — Moscow : Progress Publishers, 1969. — 470 p.
36. Welsh, I. Trainspotting. — London : Vintage Books, 2013. — 431 p.

СПИСОК КОРПУСОВ

1. Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (английский). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html> (дата обращения 10.09.2018).
2. Freiburg Corpus of English Dialects (FRED). [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.ub.uni-freiburg.de> (дата обращения 11.04.2019).

9. Пиколт — Пиколт, Д. Ангел для сестры / пер. с англ. О. Бершадская. URL: https://royallib.com/book/pikolt_dgodi/angel_dlya_sestri.html
10. Розенталь — Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. URL: <http://rosental-book.ru/>
11. Роулинг — Роулинг, Дж. Гарри Поттер и Огненная Чаша / пер. М. Спивак. URL: https://royallib.com/read/rouling_dgoan/garri_potter_i_ognennaya_chasha_perevod_m_spivak.html#0
12. Силлитоу I — Силлитоу, А. Ключ от двери / пер. с англ. Н. Дехтеревой, Б. Росточкина, В. Смирнова. — М. : Прогресс, 1964. — 352 с.
13. Силлитоу II — Силлитоу, А. Поражение и крах Фрэнки Буллера (рассказ) // Одиночество бегуна на длинные дистанции (сборник) / пер. с англ. С. Алукард URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1044323/12/Sillitou_-_Odinchestvo_beguna_na_dlinnye_distancii_%28sbornik%29.html
14. ТПС — Толковый переводоведческий словарь. URL: <https://perevodovedcheskiy.academic.ru/1759/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
15. ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/878
16. Хоуг — Хоуг, Т. Девушка Лаки / пер. с англ. А. Бушуева URL: <https://www.litmir.me/br/?b=150224>
17. Шукшин — Шукшин, В. М. Мой зять украл машину дров. URL: http://lib.ru/SHUKSHIN/my_zat.txt
18. Эмис — Эмис, М. Лондонские поля. URL: https://royallib.com/book/martin_emis/londonskie_polya.html
19. Amis — Amis, M. London Fields. — New York: Vintage Books, 1991. — 470 p.
20. CD — Cambridge Dictionary, онлайн словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
21. Crystal — Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. — Oxford: Blackwell Publishing, 2008. — 529 p.

22. DCAU — Evans, B., Evans, C. A Dictionary of Contemporary American Usage. — N.Y.: Random House, 2008. — 574 p.
23. FD — The Free Dictionary. <https://www.thefreedictionary.com>
24. Galbraith — Galbraith, R. Career of Evil. URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=416431&pg=1>
25. Groom — Groom, W. Forrest Gump. URL: <http://http://down02.putclub.com/virtual/backup/update/Download/Literature/%E3%80%8A%E9%98%BF%E7%94%98%E6%AD%A3%E4%BC%A0%E3%80%8B.pdf>
26. Hoag — Hoag, T. Lucky's Lady. URL: https://www.onlinebook4u.net/thriller/4158_2.html
27. King — King, S. It. URL: https://royallib.com/book/King_Stephen/It.html
28. LDELС — Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Longman Group UK Limited, 1993. — 1528 p.
29. MED — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — 2-nd edition. — Oxford: Macmillan Publishers. — 1748 p.
30. MWD — Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
31. OED — Oxford English Dictionary. <https://en.oxforddictionaries.com/>
32. Orwell — Orwell, G. Nineteen eighty-four. — London : Secker & Warburg, 1949. — 314 p.
33. Sillitoe I — Sillitoe, A. Key to the Door. — Moscow : Progress Publishers, 1969. — 470 p.
34. Sillitoe II — Sillitoe, A. The Decline and Fall of Frankie Buller // The Loneliness of the Long-Distance Runner : short stories. — London, 1961. — P. 156-176.
35. SLD — Scottish Language Dictionaries. URL: <http://www.scotsdictionaries.org.uk/Scots/Grammar/Pronouns.html>
36. Wordcount — Wordcount (an interactive presentation of the most common words in the English language based on the British National Corpus). URL: <http://www.wordcount.org/main.php>
37. YD — Your Dictionary. URL: <https://www.yourdictionary.com>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Нестандартные формы собственно-личных местоимений,
представленные в выборочной совокупности,
в сравнении со стандартной парадигмой

	Падеж	Нормативные формы личных местоимений	Нестандартные формы личных местоимений
1 л. ед.ч.	<i>номинативный объектный</i>	I me	Ah, moi (фр.) -
1 л. мн.ч	<i>номинативный объектный</i>	we us	ve -
2 л. ед.ч	<i>номинативный объектный</i>	you you	ye, yer, ya, thou ye, yer, ya, thee, yours
2 л. мн.ч.	<i>не дифф.</i>	you	yeh, youse, y'all, ye'all, you guys, you folks
3 л. ед.ч. м.р.	<i>номинативный объектный</i>	he him	e, 'e 'im, um
3 л. ед.ч. ж.р.	<i>номинативный объектный</i>	she her	- -
3 л. ед.ч. неод.	<i>не дифф.</i>	it	eet, (twill, innit)
3л. мн. ч.	<i>номинативный объектный</i>	they them	dey, zey em, 'em, dem,

Таблица 2

Нестандартные формы притяжательных и возвратных местоимений выборки
в сравнении со стандартной парадигмой

	Виды притяжательных местоимений	Нормативные формы притяжательных местоимений	Нестандартные формы притяжательных местоимений	Нормативные формы возвратных местоимений	Нестандартные формы возвратных местоимений
1 л. ед.ч.	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	my mine	ma, mi -	myself	meself, mysef
1 л. мн.ч	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	our ours	- ourn	ourselves	ourself
2 л. ед.ч	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	your yours	thy thine	yourself	yoursef, yerself, thysel
2 л. мн.ч.	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	your yours	- yourn, yer	yourselves	yerselves
3 л. ед.ч. м.р.	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	his his	- hisn	himself	hissef
3 л. ед.ч. ж.р.	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	her hers	- hern	herself	-
3 л. ед.ч. неод.	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	its its	- -	itself	-
3 л. мн. ч.	<i>Соб. прит. Абсолют.</i>	their theirs	- theirn	themselves	themself, theyselves, theirself, theirselves

Таблица 3

Нестандартные синтаксические функции личных местоимений,
выявленные на материале выборочной совокупности

	Падеж	Формы личных местоимений	Нестандартные синтаксические функции
Собственно-личные местоимения			
1 л. ед.ч.	<i>объектный</i>	me	- Функция предикатива - Функция подлежащего - Функция подлежащего (<i>плеоназм</i>) - Функция подлежащего в эллиптических высказываниях - Функция определения
1 л. мн.ч	<i>объектный</i>	us	- Функция предикатива - Функция подлежащего - Функция дополнения с референтом ед.ч.
3 л. ед.ч. м.р.	<i>номинативный</i>	he	- Функция дополнения
	<i>объектный</i>	him	- Функция предикатива
3 л. ед.ч. ж.р.	<i>номинативный</i>	she	- Функция определения (<i>прит. мест.</i>)
	<i>объектный</i>	her	- Функция предикатива
3л. мн. ч.	<i>номинативный</i>	they	- Функция определения (<i>прит. мест.</i>) - Функция десем. эл-та быт. констр. (<i>there</i>)
		dey	- Функция определения (<i>прит. мест.</i>)
	<i>объектный</i>	them dem (<i>нест.</i>)	- Функция предикатива - Функция определения (<i>указ. мест.</i>) - Функция определения (<i>указ. мест.</i>)

Таблица 4

Нестандартные синтаксические функции
притяжательных и возвратных местоимений,
выявленные на материале выборочной совокупности

	Формы притяж. и возврат. местоимений	Нестандартные синтаксические функции
Притяжательные местоимения		
3 л. ед.ч нейт./неоп.	<i>собств. - притяж.</i>	its - Функция определения (<i>прит. мест. 3 л. ед.ч. ж.р.</i>)
Возвратные местоимения		
1 л. ед.ч.	myself	- Функция подлежащего - Функция подлежащего (<i>плеоназм</i>) - Функция дополнения без antecedента (<i>плеоназм</i>)
1 л. мн.ч.	ourselves	- Функция подлежащего (<i>плеоназм</i>)
2 л. ед.ч.	yourself thysself (<i>нест.</i>)	- Функция дополнения без antecedента - Функция дополнения без antecedента
3 л. ед.ч. м.р.	himself	- Функция подлежащего (<i>плеоназм</i>)
3 л. ед.ч. ж.р.	herself	- Функция подлежащего (<i>плеоназм</i>)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Частота реализации переводческих тактик
при ТД местоимений (на материале выборочной совокупности)

Название тактики	Собственно- личные местоимения		Притяжательные местоимения		Возвратные местоимения		Доля выборки, 1300 примеров
	Кол-во примеров	Доля, ≈	Кол-во примеров	Доля, ≈	Кол-во примеров	Доля, ≈	
Тактика прономинализации	304	31%	76	47%	47	28%	32%
Тактика добавления проном. компонента	9	1%	-	-	4	2%	1%
Тактика прономинализации с использованием НАМ	89	9%	-	-	-	-	7%
Тактика кластерной прономинализации	20	2%	-	-	14	8%	3%
Тактика прономинализации с падеж. варьированием	27	3%	-	-	-		2%
Тактика кластеризации с проном. компонентом	22	2%	-	-	7	4%	2%
Тактика декластеризации проном. кластера	-	-	-	-	28	16%	2%
Тактика номинализации с проном. компонентом	31	3%	14	9%	3	2%	4%
Тактика номинализации	64	7%	8	5%	-	-	6%
Тактика номинализации с адъект. компонентом	29	3%	-	-	3	2%	2%
Тактика кластерной номинализации	18	2%	-	-	-	-	2%
Тактика кластерной номинализации с адъект. компонентом	9	1%	-	-	-	-	1%
Тактика частичной депрономинализации проном. кластера	18	2%	-	-	12	7%	2%
Тактика депрономинализации	330	34%	62	39%	52	31%	34%
Всего:	970	100%	160	100%	170	100%	100%

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Информация об авторе, названии произведения и его русском переводе для примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)

Пример	Автор, произведение	Название перевода, переводчик
Пример 2	Dreiser T. An American Tragedy, book I-II, 1925	Драйзер Т. Американская трагедия, ч. 1-2 / пер. Н. Галь, З. Вершинина, 1948
Пример 3	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 4	Weisberger L. The Devil Wears Prada, 2003	Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада / пер. М. Маяков, Т. Шабаева, 2006
Пример 5	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 6	Tolkien J. The Lord of the Rings: The Two Towers, 1954	Толкиен Д. Властелин колец: Две башни / пер. М. Каменкович, В. Каррик, 1994
Пример 9	Mitchell M. Gone with the Wind, Part 1, 1936	Митчелл М. Унесенные ветром, ч. 1 / пер. Т. Озерская, 1982
Пример 13	Mitchell M. Gone with the Wind, Part 2, 1936	Митчелл М. Унесенные ветром, ч. 2 / пер. Т. Кудрявцева, 1982
Пример 18	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 20	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 21	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 22	King S. Children Of The Corn, 1977	Кинг С. Дети кукурузы / пер. С. Мануков, 1989
Пример 25	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 26	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Дж. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 27	Snicket L. The Carnivorous Carnival, 2002	Сникет Л. Кровожадный карнавал / пер. Н. Рахманова, 2005
Пример 28	Connelly M. City Of Bones, 2002	Коннели М. Город костей / пер. Д. Вознякевич, 2006
Пример 29	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004

Пример 31	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 32	Snicket L. The Carnivorous Carnival, 2002	Сникет Л. Кровожадный карнавал / пер. Н. Рахманова, 2005
Пример 38	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968
Пример 39	Adams D. The Hitchhiker's Guide to the Galaxy, 1978-1979	Адамс Д. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике / пер. В. Филиппов, 1995-1997
Пример 40	Connelly M. City Of Bones, 2002	Коннели М. Город костей / пер. Д. Вознякевич, 2006
Пример 43	Weisberger L. The Devil Wears Prada, 2003	Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада / пер. М. Маяков, Т. Шабаева, 2006
Пример 44	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 45	Weisberger L. The Devil Wears Prada, 2003	Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада / пер. М. Маяков, Т. Шабаева, 2006
Пример 48	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 49	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 51	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 52	Dreiser T. The Financier, 1912	Драйзер Т. Финансист / пер. М. Волосов, 1944
Пример 53	Weisberger L. The Devil Wears Prada, 2003	Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада / пер. М. Маяков, Т. Шабаева, 2006
Пример 59	Fielding H. Bridget Jones's Diary, 1996	Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс / пер. А. Москвичева, 2000
Пример 61	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 66	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 83	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 88	Mitchell M. Gone with the Wind, Part 2, 1936	Митчелл М. Унесенные ветром, ч. 2 / пер. Т. Кудрявцева, 1982
Пример 95	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968

Пример 98	Mitchell M. Gone with the Wind, Part 1, 1936	Митчелл М. Унесенные ветром, ч. 1 / пер. Т. Озерская, 1982
Пример 102	Jack London. Smoke Bellew, 1912	Лондон Д. Смок Беллью / пер. Н. К. Чуковский, Л. К. Чуковская, 1927
Пример 103	Mitchell M. Gone with the Wind, Part 1, 1936	Митчелл М. Унесенные ветром, ч. 1 / пер. Т. Озерская, 1982
Пример 104	Mitchell M. Gone with the Wind, Part 1, 1936	Митчелл М. Унесенные ветром, ч. 1 / пер. Т. Озерская, 1982
Пример 105	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968
Пример 108	Snicket L. The Carnivorous Carnival, 2002	Сникет Л. Кровожадный карнавал / пер. Н. Рахманова, 2005
Пример 109	Dreiser T. An American Tragedy, book I-II, 1925	Драйзер Т. Американская трагедия, ч. 1-2 / пер. Н. Галь, З. Вершинина, 1948
Пример 111	Lewis Cl. The Chronicles of Narnia. The Voyage of the 'Dawn Treader', 1952	Льюис Кл. Хроники Нарнии. Плавание «Утреннего Путника» / пер. Г. А. Островская, 1991
Пример 112	Asimov I. The Gods Themselves, 1972	Азимов А. Сами боги / пер. Р. Рыбакова, 1975
Пример 113	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 115	London J. Martin Eden, 1909	Лондон Д. Мартин Иден / пер. Р. Е. Облонская, 1984
Пример 116	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 117	Twain M. Tom Sawyer, Detective, 1896	Твен М. Том Сойер - сыщик / пер. Н. Грибанов, 1960
Пример 118	Lewis Cl. The Chronicles of Narnia. The Last Battle, 1956	Льюис Кл. Хроники Нарнии. Последняя битва / пер. Г. А. Островская, 1991
Пример 119	Tolkien J. The Lord of the Rings: The Two Towers, 1954	Толкин Д. Властелин колец: Две башни / пер. М. Каменкович, В. Каррик, 1994
Пример 120	London J. Smoke Bellew, 1912	Лондон Д. Смок Беллью / пер. Н. К. Чуковский, Л. К. Чуковская, 1927
Пример 121	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968
Пример 124	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968

Пример 125	Twain M. The Adventures of Huckleberry Finn, 1884	Твен М. Приключения Гекльберри Финна / пер. Н. Дарузес, 1950
Пример 126	Twain M. Tom Sawyer, Detective, 1896	Твен М. Том Сойер - сыщик / пер. Н. Грибанов, 1960
Пример 127	Orwell G. Nineteen Eighty-Four, 1949	Оруэлл Д. 1984 / пер. В. Голышев, 1989
Пример 128	Dreiser T. An American Tragedy, book I-II, 1925	Драйзер Т. Американская трагедия, ч. 1-2 / пер. Н. Галь, З. Вершинина, 1948
Пример 129	Baum L. The Marvelous Land of Oz, 1904	Баум Л. Чудесная Страна Оз / пер. В. Гобарев, 1992
Пример 131	Salinger J. The Catcher in the Rye, 1951	Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи / пер. Р. Райт-Ковалева, 1965
Пример 133	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 134	Adams D. The Hitchhiker's Guide to the Galaxy, 1978-1979	Адамс Д. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике / пер. В. Филиппов, 1995-1997
Пример 135	King S. The Lawnmower Man, 1975	Кинг С. Газонокосильщик / пер. А. Мясников, 1993
Пример 136	King S. Grey Matter, 1975	Кинг С. Нечто серое / пер. А. Мясников, 1993
Пример 137	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968
Пример 138	Brown D. The Da Vinci Code, 2003	Браун Д. Код Да Винчи / пер. Н. Рейн, 2004
Пример 139	Galsworthy J. The Man of Property (1906)	Голсуорси Д. Собственник / пер. Н. Волжина, 1946
Пример 140	Hemingway E. For Whom The Bell Tolls, 1940	Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / пер. Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968
Пример 141	Asimov I. The Gods Themselves, 1972	Азимов А. Сами боги / пер. Р. Рыбакова, 1975
Пример 142	Weisberger L. The Devil Wears Prada, 2003	Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада / пер. М. Маяков, Т. Шабаева, 2006
Пример 143	Hemingway E. The Old Man and the Sea, 1951	Хемингуэй Э. Старик и море / пер. Е. Голышева, Б. Изаков, 1955
Пример 144	Snicket L. The Carnivorous Carnival, 2002	Сникет Л. Кровожадный карнавал / пер. Н. Рахманова, 2005
Пример 145	Salinger J. The Catcher in the Rye, 1951	Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи / пер. Р. Райт-Ковалева, 1965
Пример 146	Brown D. Angels and Demons, 2000	Браун Д. Ангелы и демоны / пер. Г. Косов, 2004

Пример 147	Vonnegut K. Hocus Pocus, 1990	Воннегут К. Фокус-покус / пер. М. Ковалева, 1993
Пример 148	Lewis Cl. The Chronicles of Narnia. The Magician's Nephew, 1955	Льюис Кл. Хроники Нарнии. Племянник чародея / пер. Г. А. Островская, 1991
Пример 150	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 151	Groom W. Forrest Gump, 1986	Грум У. Форрест Гамп / пер. Ю. Вейсберг, 2004
Пример 152	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 153	Rowling J. Harry Potter and the Sorcerer's Stone, 1997	Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак, 2001
Пример 154	Groom W., Forrest Gump, 1986	Грум У. Форрест Гамп / пер. Ю. Вейсберг, 2004
Пример 155	Weisberger L. The Devil Wears Prada, 2003	Вайсбергер Л. Дьявол носит Прада / пер. М. Маяков, Т. Шабаетова, 2006
Пример 156	Steinbeck J. The Grapes of Wrath, 1939	Стейнбек Дж. Гроздь гнева / пер. Н. Волжина, 1940
Пример 157	Groom W., Forrest Gump, 1986	Грум У. Форрест Гамп / пер. Ю. Вейсберг, 2004
Пример 158	Fielding H. Bridget Jones's Diary, 1996	Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс / пер. А. Москвичева, 2000